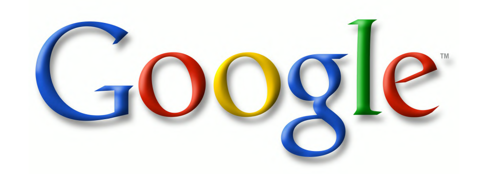
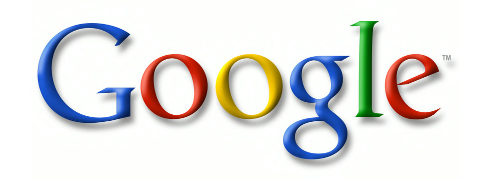

Mikhail Yurev
Михаилъ Юрьевъ.

КАРЛЪ ПЯТЫЙ
и
ЕГО ВРЕМЯ.

ЭТЮДЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

1894.

Высочайше утвержденное Товарищество Скоропечатни **А. А. Левенсонъ.**
Москва, Петровка, домъ Левенсонъ.

«Карлъ Пятый и его время»,—такъ озаглавилъ я мою книгу. Это заглавіе слишкомъ громко и торжественно. И безъ комментарій понятно, что если въ настоящее время и возможна точная и твердая характеристика великаго императора и его эпохи, то не мнѣ же мечтать, объ этомъ Но я полагалъ, что нѣкоторыя мои мысли, хоть даже сами по себѣ и невѣрныя, могутъ представлять извѣстный интересъ для читателя: поэтому я и рѣшилъ напечатать мой робкій и незрѣлый этюдъ, посвященный характеристикѣ Карла Пятаго и его времени.

Я издаю теперь только первую часть моего этюда; вторая и третья уже печатаются: къ январю 1894 года онѣ, я думаю, выйдутъ. Изложеніе мое часто несвязно и спутанно; интересы дня нерѣдко вплетаются въ разсказъ объ историческихъ событіяхъ: во всемъ этомъ я заранѣе винюсь и прошу снисхожденія у благосклоннаго читателя. Кромѣ того, извиняюсь за несовсѣмъ обычную транскрипцію нѣкоторыхъ иностранныхъ словъ: вмѣсто, напр., обычнаго «Лютеръ», «лютеранство, я пишу «Лутеръ», «лутеранство». Я нахожу это болѣе правильнымъ...

М. Ю.

1-го октября
1893 года.

ВВЕДЕНІЕ.

I.

Русская жизнь, какъ и каждая молодая жизнь, движется нервно и быстро. А вмѣстѣ съ жизнью движется и наука, и искусство, и литература. Движеніе это, какъ и всякое молодое движеніе, во многомъ порывисто, рѣзко, но оно все-таки движеніе впередъ, а не назадъ, хотя впередъ, можетъ быть, и не по вполнѣ прямой линіи. Мнѣ кажется, что прогрессъ во всемъ очевиденъ. Особенно онъ виденъ въ наукѣ вообще, а въ частности въ разработкѣ у насъ всеобщей исторіи. То, что тридцать лѣтъ тому назадъ считалось рѣдкимъ свойствомъ даже ученыхъ сочиненій по всеобщей исторіи, теперь является обязательнымъ условіемъ всякой даже ученической работы. Оффиціальный представитель русской науки О. Бодянскій въ 1859 году хвалитъ сочиненіе Новикова о Гуссѣ и Лутерѣ за то, что оно основано на всестороннемъ знаніи литературы предмета, и считаетъ это обстоятельство особенностью, довольно рѣдкою въ русской наукѣ. Кто же теперь это обстоятельство сочтетъ рѣдкимъ, теперь, когда русская наука имѣетъ много сочиненій, основанныхъ на изученіи рукописнаго матеріала, бывшаго даже неизвѣстнымъ западнымъ ученымъ, теперь, когда объ очень многихъ вопросахъ по всеобщей исторіи имѣются изслѣдованія, признаваемыя за авторитетнѣйшія даже на Западѣ.

Прогрессъ изученія всеобщей исторіи у насъ, въ Россіи, за послѣднія тридцать—сорокъ лѣтъ, безъ сомнѣнія, очевиденъ: поднялись и требованія отъ изслѣдованій по исторіи, увеличилось и само число занимающихся ею. Лѣтъ трид-

цать тому назадъ, когда молодой Писаревъ говорилъ (соч. II. 169), что русскихъ ученыхъ нѣтъ, онъ говорилъ, если не совсѣмъ правильно, то на половину онъ былъ все-таки правъ. Онъ ошибался въ томъ, что не считалъ отдѣльныхъ лицъ, но, говоря объ общемъ фонѣ, онъ былъ правъ. Русская наука всегда имѣла и имѣетъ отдѣльными представителями многихъ ученыхъ, безпристрастно отдавшихся своей великой задачѣ — отысканію могучей и свѣтлой истины. Между ними много также великихъ дѣятелей, которые пролили много свѣта на нѣкоторые спутаные и неясные вопросы исторіи Запада. Они, конечно, существовали и при Писаревѣ, и нужно быть слѣпымъ, чтобы не замѣтить этого. Но если говорить не объ отдѣльныхъ именахъ, а объ общей массѣ ученыхъ, т. е. людей, видящихъ въ наукѣ цѣль жизни, то такой массы при Писаревѣ не было. А, конечно, сколь ни велики усилія отдѣльныхъ лицъ—все-таки масса, простые чернорабочіе совокупностью совмѣстныхъ усилій гораздо болѣе двигаютъ науку.

Отъ массы зависитъ въ сущности все: нѣтъ этихъ сѣрыхъ, запыленныхъ работниковъ и нѣтъ науки, какъ нѣтъ литературы, нѣтъ искусства. Ни одинъ геніальный писатель не создаетъ литературы своими единичными усиліями: писатель можетъ быть міровымъ геніемъ, но въ его эпоху можетъ стоять литература очень низко.... Карлъ Эрнестъ Бэръ былъ великимъ ученымъ, онъ основалъ даже новую науку—эмбріологію и вмѣстѣ со всѣмъ тѣмъ былъ русскимъ ученымъ. Его современникъ Каспаръ Фридрихъ Вольфъ сдѣлалъ также много открытій по естествознанію и состоялъ въ званіи петербургскаго академика, но ни у кого не будетъ смѣлости доказывать, что русская наука по естествознанію стояла въ ихъ время чрезвычайно высоко въ Россіи. Повторяю, тридцать — сорокъ лѣтъ тому назадъ были отдѣльные представители, великіе дѣятели на поприщѣ русской науки, но ихъ все-таки было немного... А для правильнаго развитія науки нужна цѣлая армія, нужны солдаты, а не одни офицеры.

Мнѣ кажется, что теперь начинаетъ образовываться эта великая армія русской науки, развитію русской науки

уже служатъ тысячи людей, и мнѣ кажется, что все это будетъ имѣть важные и великіе результаты. Въ особенности русская наука въ дѣлѣ изученія прошлаго Западной Европы можетъ оказать человѣчеству громадныя услуги. Разработка всеобщей исторіи иностранными учеными — какъ сознаются сами послѣдніе—часто, очень часто тормозится вмѣшательствомъ партійныхъ личныхъ интересовъ. Подъ вліяніемъ религіозныхъ, политическихъ и другихъ интересовъ исторія искажается, сгибается въ дугу... Это, конечно, страшно вредитъ развитію исторической науки на Западѣ. Въ русской наукѣ нѣтъ этихъ тормозящихъ обстоятельствъ. Вѣдь, въ сущности, съ какой стати русскимъ людямъ искажать исторію Запада: къ исторіи Запада, напротивъ, русскимъ есть полная возможность сохранить безпристрастіе. Мнѣ думается, что искажать исторію чужого народа — полный абсурдъ, полнѣйшая безсмыслица. Русская жизнь сложилась совсѣмъ инымъ путемъ чѣмъ западная. Мнѣ кажется, что русскіе люди могутъ отнестись къ прошлому Запада съ вполнѣ научной точки зрѣнія. Людовикъ XIV, Лутеръ, Карлъ V — я понимаю, что западному историку трудно отнестись вполнѣ безпристрастно, ибо плоды ихъ дѣятельности онъ испытываетъ на себѣ, на своей родной странѣ. Но какой-же интересъ, кромѣ чисто научнаго, могутъ представить эти личности для русскихъ историковъ? Мнѣ кажется все это совершенно яснымъ и очевиднымъ.

Къ несчастію, это не всѣмъ всегда казалось такимъ простымъ: по крайней мѣрѣ, въ русской исторической наукѣ, наукѣ еще сравнительно очень молодой, уже бывали примѣры искаженія или, вѣрнѣе, неправильнаго освѣщенія фактовъ изъ исторіи Запада подъ извѣстнымъ партійнымъ угломъ. Искаженіе это совершалось, конечно, не корифеями нашей исторической мысли, для которыхъ выше всего стояла истина. Но много, какъ намъ кажется,за послѣднія тридцать лѣтъ погибло труда и таланта у обыкновенныхъ научныхъ работниковъ, вмѣсто безпристрастнаго изслѣдованія прошлаго увлекшихся служеніемъ партійнымъ интересамъ.

Въ сущности, это служеніе партійнымъ интересамъ —

сплошное недоразумѣніе. Въ эти тридцать лѣтъ и партій-то настоящихъ не было. Было, напримѣръ, славянофильство, но оно въ шестидесятые годы совсѣмъ умирало, едва слышно гудѣло, и вдругъ Новиковъ, для прославленія славянофильской идеи, пишетъ диссертацію о Гуссѣ и Лутерѣ, диссертацію, гдѣ тяжелымъ языкомъ и съ серьезнымъ видомъ доказываетъ, что это мы, православные христіане, дали міру Гусса и дали бы Лутера, если бы онъ не увлекся западными идеями, чѣмъ много себѣ повредилъ. Къ чему, зачѣмъ доказывается это — совершенно не понятно... Когда Данилевскій на четырехъ страницахъ доказываетъ разборомъ западной исторіи, что основное свойство германцевъ насильственность (Gewaltsamkeit)—это можно понять, потому что четыре страницы много времени не возьмутъ. Но писать два тома для защиты явнаго парадокса — это слишкомъ много. Точно также, когда Осокинъ доказываетъ уже подъ вліяніемъ другой партіи, что Савонаролла былъ политическій реформаторъ, — это опять таки непонятно. Къ чему, для кого доказывается это? Какая польза отъ этого самой партіи? Вообще тогда было очень много наивнаго и смѣшного. Въ особенности нѣсколько лѣтъ спустя, когда въ ходкомъ въ то время журналѣ говорилось про одну книгу объ общинѣ, что это ничего, что факты историческіе перепутаны, но зато мысли ужъ очень въ ней хороши, или когда въ томъ же журналѣ Исторію Революціи Тэна въ пышной статьѣ подъ пышнымъ заглавіемъ „Воскресеніе Мертвыхъ" сравнивали съ какими-то очень глупыми и очень старыми учебниками, находили, что она еще глупѣе ихъ и радовались своему остроумію. Это было просто смѣшно и... нѣсколько противно, какъ противно всякое невѣжество, хотя въ этомъ журналѣ сотрудничали и патентованные ученые, разыскивавшіе общину и на Пиринеяхъ и въ Балтійскихъ провинціяхъ и тамъ, гдѣ она была, и тамъ, гдѣ ея не было.

Теперь все это давно прошло: въ историческихъ изслѣдованіяхъ начинаетъ преобладать чисто научный интересъ. Искаженія западно-европейской исторіи въ русской наукѣ — намъ кажется — являлись совершеннымъ недоразумѣніемъ, лишь случайнымъ фактомъ, подобно бѣгущимъ по

звѣздному небу обрывкамъ облаковъ. Безпристрастіе къ фактамъ прошлаго Западной Европы—вотъ что должно характеризовать русскія разработки этого предмета. И теперь поняли это. Стараются объяснить себѣ прошлое Запада, характеръ историческихъ личностей, а не бранить ихъ. Серьезный благородный тонъ отличаетъ теперь изслѣдованія по всеобщей исторіи въ русской наукѣ. Этотъ тонъ начинаетъ преобладать всюду; теперь всюду стараются какъ можно безпристрастнѣе и вдумчивѣе отнестись къ прошлому Западной Европы. А если г. Ив. Ивановъ изрѣдка и начнетъ полемизировать съ Людовикомъ XIV, то это въ счетъ нейдетъ: этотъ писатель дѣлаетъ иногда такія страшныя ошибки по исторіи Запада (Людовика XIII онъ назвалъ Валуа и т. д. [1]), что его статья не можетъ имѣть никакого серьезнаго значенія. Смѣло можно сказать, что въ настоящее время отсутствіе личныхъ партійныхъ интересовъ характеризуетъ русскую науку всеобщей исторіи. Да и не одну науку, а также и журнальную литературу.

Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только прослѣдить, какимъ глухимъ молчаніемъ встрѣчаются въ русской журналистикѣ книги безъ серьезныхъ научныхъ достоинствъ, книги, однако лѣтъ пятнадцать тому назадъ взбудоражившія бы всю журнальную литературу. „Die Demokratie“ Schwarz'а прошла совсѣмъ незамѣченной, а вѣдь она, пожалуй, интереснѣе „Исторіи крестьянской войны“ Циммермана, книги, которую такъ любили у насъ когда то, хотя конечно тенденціи Шварца

---

[1]) По мнѣнію г. Иванова въ Людовикѣ XIII — течетъ кровь Валуа—это такъ прямо и написано на страницахъ умной и ученой газеты (Русскія Вѣдомости № 278—1890). Въ Артистѣ (1889—кн. IV) г. Ивановъ переводитъ: By his coclke hat—по шляпѣ украшенной черепахами (нужно раковинами). Я въ началѣ думалъ, что это обмолвка, но потомъ прочелъ: „Такъ какъ благочестивыя путешествія предпринимались въ отдѣльныя заморскія страны, у пилигриммовъ вошло въ обычай украшать свои шляпы скорлупами черепахъ“ (стр. 173). Никогда пилигриммы небывалыми черепахами шляпы свои не украшали: они украшали простыми раковинами—и всякій хотя немного знакомый съ бытовой исторіей западной Европы знаетъ это. Г. Ивановъ объ этомъ и не слыхивалъ и сбился должно быть французскимъ переводомъ Шекспира (ecaille). Но неужели въ редакціи „Артиста“ не нашлось никого грамотнаго? Тамъ, кажется, сотрудничаетъ проф. Веселовскій....

и Циммермана совершенно противоположны... Между тѣмъ скромная, умная книга Эйкена, написанная не хлестко и не бойко, вызвала пристальное вниманіе въ журналистикѣ. Все это до чрезвычайности отрадно. Прежде въ журналистикѣ царствовалъ другой духъ... Теперь по отношенію къ исторіи Запада преобладаютъ чистые и свѣтлые отвлеченные интересы. Мнѣ, впрочемъ, до извѣстной степени думается, что теперь даже ударились въ другую крайность.

Отвлеченные вопросы исторической науки, которымъ такъ много времени удѣляютъ многіе большіе русскіе ученые, съ проф. Карѣевымъ во главѣ, конечно, подлежатъ изученію, какъ и всякое теоретическое основаніе науки. Но мнѣ кажется, что практика всего важнѣе. Изученіе и безпристрастное изображеніе прошлаго Запада—вотъ задача, передъ которой меркнутъ всѣ остальныя! Конечно, въ пыльной, душной, разгоряченной атмосферѣ пристрастій наука глохнетъ, да и жить въ этой атмосферѣ не хорошо; на высокой морозной выси философіи исторіи можно жить, но все-таки лучше быть посерединѣ—въ горныхъ долинахъ и дышать прохладнымъ чистымъ воздухомъ. — На высокихъ вершинахъ всегда голо и скучно. Смотрѣть на исторію Запада съ холодной отвлеченной точки зрѣнія тоже не особенно весело. Исторію Запада дѣлали люди: они плакали и смѣялись, страдали и наслаждались. Много крови, пота и слезъ пролито ими. Подойти къ нимъ, понять ихъ мысли, услыхать біеніе ихъ сердца—насколько это заманчивѣй и привлекательнѣй, чѣмъ рѣшать вопросы философіи исторіи или разбираться въ томъ, что собственно должно быть предметомъ историческаго изученія.....

Русская наука—еще молодая наука и по всеобщей исторіи въ тѣсномъ смыслѣ этого слова она можетъ оказать человѣчеству много важныхъ услугъ. Только для этого нужно много усилій, много труда и таланта, нужно забыть все, кромѣ науки; а для того, чтобы вѣрно понять прошлое Запада, нужно очень много знать, для чего, съ своей стороны, нужно очень много учиться и очень много читать. Но дѣло въ томъ, что русскіе ученые очень мало читаютъ: это ужасно печально, но это такъ.

Меня, напримѣръ, всегда интересовалъ вопросъ о Маріи Стюартъ, другими словами—вопросъ о подлинности писемъ шкатулки. Изъ любопытства я прочелъ брошюру г. Афанасьева „Двѣ публичныя лекціи о М. Стюартъ". Г. Афанасьевъ, не мудрствуя лукаво, принимаетъ выводы европейскихъ ученыхъ почти безъ всякой провѣрки, вѣря имъ на слово. Это не особенно, конечно, похвально, потому что Филиппсонъ, Кардаунсъ—во всякомъ случаѣ люди, которые и ошибиться могутъ... Но, въ концѣ концовъ—книжка г. Афанасьева могла бы быть интересной, если бы толково передавала мнѣнія главныхъ западныхъ ученыхъ, занимавшихся этимъ вопросомъ.— Но Боже мой, какъ мало знакомъ былъ г. Афанасьевъ съ предметомъ, о которомъ говорилъ! Онъ, напримѣръ, не зналъ очень важной статьи Гэдеке [1]), въ которой приведено очень любопытное, завѣдомо подлинное письмо Маріи, изобилующее грамматическими ошибками и неправильностями. Знай онъ это письмо, онъ не сталъ бы удивляться, что письма шкатулки написаны съ грубыми, противными грамматикѣ ошибками, и не сталъ видѣть въ этомъ доказательства ихъ подложности. Г. Афанасьевъ не знаетъ также и книги Сеппа; по крайней мѣрѣ, мнѣніе, высказанное первоначально Сеппомъ [2]), онъ считаетъ оригинальнымъ мнѣніемъ Карловы, который лишь нѣсколько развилъ первоначальный взглядъ Сеппа. Наконецъ, г. Афанасьевъ утверждаетъ, что въ русской литературѣ о Маріи Стюартъ существуетъ только переводъ книги Минье, совершенно забывая или не зная, что была еще очень дѣльная статья А. С. по этому поводу [3]). Нѣкоторые факты изложены просто небрежно: г. Афанасьевъ, очевидно, совершенно не позаботился ознакомиться съ необходимой литературой.

Конечно, книга г. Афанасьева мелка, да и самъ г. Афанасьевъ мелокъ, а между тѣмъ онъ теперь гдѣ-то профессорствуетъ, облеченный званіемъ доктора исторіи. Я не читалъ докторской диссертаціи г. Афанасьева, но о ней отзы-

---

[1]) Gaedeke. Die neuere Literatur über M. Stüart. Histor. Zeit. 1883.

[2]) Sepp. Tagebuch der unglücklichen Schotten-Königin M. Stuart 2 v. 1882—83.

[3]) А. С. Новѣйшая Литература о Маріи Стюартъ. Русскій Вѣстникъ—1885.

вались съ похвалой, какъ о дѣльномъ и толковомъ трудѣ: г. Афанасьевъ, стало быть, можетъ работать. Недостатки его лекцій о Маріи Стюартъ происходятъ не отъ неумѣнья, а отъ небрежности. Въ сущности небрежность является самымъ основнымъ и неизмѣннымъ аттрибутомъ всѣхъ научныхъ работъ средниххъ русскихъ ученыхъ. Даже лучшія изъ среднихъ работъ не свободны отъ нея. Возьмемъ хоть статьи проф. Виноградова; косолапо писанныя—статьи эти новаго ничего но говорятъ, но старое могли бы излагать недурно, если бы не та же фатальная небрежность. Въ своей статьѣ о Ранке [1]) Виноградовъ говоритъ объ одномъ только, что Ранке былъ объективенъ, холоденъ и покоенъ къ шуму политической жизни. Въ 1892 году г. Виноградовъ характеризуетъ Ранке, какъ ученаго, проводящаго въ своей работѣ злобу дня [2]). За эти четыре года никакихъ новыхъ сочиненій Ранке не издавалось: очевидно, г. Виноградовъ просто забылъ о томъ, что онъ когда-то выражалъ другое мнѣніе о великомъ нѣмецкомъ ученомъ и упрекнулъ Ранке въ отсутствіи объективности, такъ же легко, какъ бранилъ за отсутствіе субъективности. Строго опредѣленнаго взгляда на Ранке г. Виноградовъ очевидно еще не выработалъ, но выражать различные взгляды и не оговариваться — неужели это не свидѣтельствуетъ о научной небрежности? Или хоть, напримѣръ, проф. Виноградовъ говоритъ, что въ работахъ Фюстель-де-Куланжа „своеобразность историческаго момента совершенно закрываетъ общечеловѣческое основаніе въ исторіи“ [3]). А между тѣмъ, въ той же самой статьѣ тотъ же проф. Виноградовъ говоритъ про Ф. Куланжа, что у него на одинъ планъ сводятся „черты, относящіяся къ весьма различнымъ эпохамъ античнаго развитія“ [4]).... Гдѣ же тутъ своеобразность историческаго момента? Я всегда лучшаго мнѣнія о людяхъ и не могу предположить, чтобы г. Виноградовъ не понималъ противорѣчія между этими двумя ут-

---

1) Русская Мысль 1888, кн. III.
2) Русская Мысль 1892, кн. XI, Стр. 212.
3) Русская Мысль 1890, кн. I, Стр. 99.
4) Русская Мысль 1890, кн. I, Стр. 95.

верждeніями: здѣсь опять виднѣется небрежность, о которой мы уже говорили....

Въ журнальныхъ статьяхъ эта небрежность не такъ еще непріятно дѣйствуетъ, какъ въ учебникѣ.... Журнальную статью можно и не читать, а вѣдь учебникъ заставятъ учить, учить людей беззащитныхъ, дѣтей тринадцати, четырнадцати лѣтъ.... Г. Виноградовъ издалъ учебникъ: даже близкіе по убѣжденіямъ къ нему люди и тѣ возмутились безобразной формой изложенія историческихъ событій, которая дѣлаетъ невозможнымъ пользованіе учебникомъ до восьмого класса [1]). Но, какъ всѣ бранили форму, такъ всѣ хвалили содержаніе, говорили, что оно находится на вполнѣ научномъ уровнѣ.... Я никакъ не могу согласиться съ этимъ: во многихъ частностяхъ прямо видна плохая освѣдомленность съ литературой предмета. Такъ, напр., о происхожденіи двойной царской власти въ Спартѣ проф. Виноградовъ говоритъ: „Во главѣ города стояли два царя. Двойственность царственной власти произошла вслѣдствіе того, что двѣ первоначально раздѣльныя общины соединились въ одну, причемъ сохранились оба царскіе рода“ [2]).Я не о томъ говорю, что эта фраза неуклюжа, а о томъ, что въ научномъ отношеніи она совершенно безсмысленна. Дѣло въ томъ, что вопросъ о происхожденіи двойственности царской власти въ Спартѣ принадлежитъ къ числу еще не совсѣмъ разрѣшенныхъ вопросовъ. Если оставить мнѣніе Курціуса въ сторонѣ, то приходится примкнуть къ одному изъ двухъ мнѣній: приходится объяснить появленіе двухъ царей изъ синойкизма или двухъ дорическихъ общинъ, или изъ синойкизма одной дорической, другой ахейской общины. Въ томъ, каковы были слившіяся общины, въ этомъ заключается весь центръ вопроса. Г. Виноградовъ, очевидно, просто не знаетъ объ этомъ, если ни однимъ намекомъ не указываетъ на племенной характеръ общинъ, составляющій всю суть вопроса.— Нѣтъ, мало, очень мало читаютъ русскіе ученые! А читать нужно много, очень много: узнать и понять прошлое чужого

---

[1]) См. напр. статью г. Фортунатова въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“.

[2]) П. Виноградовъ. Учебникъ Всеобщей Исторіи. Ч. I, Стр. 36.

народа—это очень трудно и почти невозможно единичному человѣку: такія задачи рѣшаются массовыми усиліями ученыхъ. Нужно, во-первыхъ, тщательно изучить всю иностранную литературу, разобраться въ ней, отдѣлить все ложное, пристрастное и оставить все истинное, хорошее, правильное. Западную науку по всеобщей исторіи создали сотни тысячъ людей: сколько между ними было великихъ, сколько геніальныхъ! Къ западной ученой литературѣ можно подходить, только издалека снявши шапку. Нужно знать западную жизнь, чтобы судить о западныхъ ученыхъ. А узнать жизнь—даже хотя бы и внѣшнюю — чужого народа очень трудно: вспомнимъ, какія вещи пишутся про Россію заграницей. Даже и не впадая въ ошибки, можно счесть мелкое за крупное, важное за ничтожное, какъ это и случилось съ Г. Брандесомъ въ его книгѣ о Россіи (Impressions of Russia by D-r. Georg Brandes, translated from the danisch by Samuel Eauman.). А вѣдь изученіе иностранной литературы лишь первый этапъ при исполненіи этой задачи. А затѣмъ, затѣмъ предстоитъ такая масса труда, которую могутъ на себя принять не одно, а лишь нѣсколько поколѣній. Но въ концѣ-концовъ достигнутъ будетъ великій результатъ: русская наука установитъ правильную и твердую исторію Западной Европы или, иными словами, исторію всего міра. Русскіе люди много заимствовали съ Запада—такимъ образомъ они могутъ отдать ему свой долгъ. Это, конечно, случится не скоро. Теперь-же, когда безпристрастнаго изображенія западной исторіи нѣтъ, очень трудно придти къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ результатамъ при разработкѣ того или другого факта изъ всеобщей исторіи.

Я имѣлъ возможность познакомиться съ литературой по предмету моего сочиненія и былъ совершенно подавленъ той массой различныхъ взглядовъ на исторію Карла Пятаго, которые существуютъ на Западѣ. Я совершенно не былъ въ состояніи разобраться въ нихъ. Я видѣлъ, что многое написано подъ вліяніемъ пристрастія, но я не могъ отдѣлить плохого отъ хорошаго. Всякій взглядъ былъ хорошъ, былъ обоснованъ и казался правильнымъ; но какой взглядъ лучше — это можно было сказать лишь ощупью.

Иногда нападало на меня отчаяніе, но я все-таки утѣшалъ себя мыслью, что взойдетъ солнце и разсѣетъ тьму, и солнце это взойдетъ съ Востока. Это будетъ солнце русской науки... Я своимъ сочиненіемъ очень далекъ отъ науки: если г. Ардашевъ называетъ свое сочиненіе по перепискѣ Цицерона „плодомъ *нѣдомой* науки“, про мое сочиненіе и этого сказать нельзя... Если я и говорю о наукѣ, то говорю такъ же, какъ мальчикъ говоритъ про незнакомую ему красавицу, красавицу, съ которой онъ ни одного слова не сказалъ и, можетъ быть, не скажетъ... Поэтому, я прошу извиненія, если я сказалъ или скажу что-нибудь неправильно. Это происходитъ не отъ того, что я не хочу сказать правды, а потому, что не могу. Я самъ часто понимаю всю дѣтскость и незрѣлость моихъ мыслей и, только надѣясь на снисхожденіе, я позволяю себѣ высказывать ихъ. Въ особенности я думаю много у меня lapsus'овъ въ слѣдующихъ за симъ строкахъ, гдѣ говорится о научной литературѣ по Карлу V. Критиковать ученыя сочиненія совершенно не въ моихъ силахъ. Но я все-таки написалъ разборъ сочиненій по Карлу V, надѣясь, что, какъ говорится въ столькихъ ученическихъ работахъ, ut desint vires, tamen est laudanda voluntas.

II.

Итакъ, русская наука можетъ правильно освѣтить исторію Запада [1]). Но, какъ мы уже говорили, русская наука еще очень молода: только въ послѣднія тридцать лѣтъ образовался тотъ классъ ученыхъ историковъ, которые могутъ двинуть науку впередъ. „Это тридцатилѣтіе“, — говоритъ проф. Иконниковъ, — „по справедливости можно назвать эпохою въ нашемъ историческомъ сознаніи и развитіи“. Историческая наука начинаетъ разрабатываться на чисто научныхъ основаніяхъ, и если г. А. В—въ въ своей статьѣ [2])

---

1) Исторіографъ прошлаго вѣка Миллеръ говорилъ: „Историкъ долженъ казаться безъ отечества, безъ вѣры, безъ государя“.

2) Вѣстникъ Европы. Январь, Стр. 273.—93 г.

жалуется, что русскіе историки, особенно въ послѣднее время, все больше впадаютъ въ односторонность мелочного спеціальнаго изслѣдованія, то эти жалобы мнѣ кажутся совершенно непонятными: нельзя строить зданія, не обтесавъ прежде отдѣльныхъ камней. Спеціальныя работы подобны камнямъ: безъ нихъ не выстроить храма русской науки. Но, пока русская наука имѣетъ одни камни, да и то въ небольшомъ количествѣ, при разработкѣ всеобщей исторіи необходимо прежде всего обращаться къ западной научной литературѣ: приходится смотрѣть, къ какимъ результатамъ пришла западная наука. Но наука на Западѣ складывается изъ различныхъ потоковъ. Для того, чтобы разобраться въ этомъ, нужно знать исторію развитія науки. Все это чрезвычайно трудно. Къ счастію, и на русскомъ языкѣ и на другихъ языкахъ существуютъ пособія. Руководствуясь ими, мы и позволимъ себѣ съ глубокимъ трепетомъ въ душѣ приступить къ характеристикѣ западной науки.

Историческая мысль на Западѣ работаетъ въ двухъ направленіяхъ: теорія и практика исторической науки привлекаютъ вниманіе ученыхъ. Можно задаваться вопросами о томъ, что и какъ нужно изучать историку; можно и прямо разрабатывать прошедшее и писать историческія сочиненія. Мнѣ кажется, что послѣднее всегда важнѣе перваго. Но теорія и практика всегда близко связаны между собой, какъ идеалъ съ дѣйствительностью. Разсмотримъ прежде всего, каковъ идеалъ историческаго научнаго сочиненія, который выработала западная наука. Идеалъ современнаго историческаго сочиненія совершенно отличенъ отъ прежняго, хотя основного идеальнаго типа до сихъ поръ еще не выработалось. „Въ античномъ мірѣ исторія была не наукой, а искусствомъ и нравоученіемъ", говоритъ проф. Иконниковъ, и г. В—въ совершенно согласенъ съ этимъ. Мнѣ думается, что это не совсѣмъ правильно: историческія сочиненія Аристотеля во всякомъ случаѣ научныя произведенія. Въ средніе вѣка историческая наука также существовала: г. В—въ, интерпретаторъ книги г. Иконникова, хотя въ одномъ мѣстѣ [1])

[1]) Вѣстникъ Европы. Январь, Стр. 254. 1893 г.

и говоритъ, что историческая наука началась не ранѣе второй половины XVIII в., однако называетъ [1]) труды ученыхъ семнадцатаго вѣка (болландисты, Мабильонъ, Дюканжъ, Монфоконъ) *научными* образцами способовъ изданія памятниковъ. Очевидно, что дѣло въ томъ, что̀ подразумѣвать подъ словомъ наука. Если подразумѣвать безкорыстное исканіе истины самой по себѣ, то, правда, все-таки нужно признаться, что такое безкорыстное исканіе истины отмѣчаетъ только новѣйшія работы. Но тогда придется откинуть многое даже и изъ числа современныхъ работъ какъ по исторіи, такъ и по другимъ отраслямъ.

Дѣло въ томъ, что въ человѣка вложено желаніе имѣть объясненіе занимающихъ его умъ явленій. Это желаніе почти инстинктивно: если человѣка оставить одного, онъ самъ создастъ это объясненіе: у дикаря и у русскаго крестьянина есть масса выработанныхъ ими самими объясненій [2]). Конечно, однимъ изъ первыхъ является вопросъ о томъ, что до сихъ поръ было, т. е. какъ образовалось то, что имѣется сейчасъ на лицо. На одну часть вопроса отвѣчаютъ религія и миѳы, на другую старались отвѣтить старые историческіе писатели: дать объясненіе занимающихъ современниковъ явленій - вотъ что руководило ими. Это стремленіе руководило не одними древними и не одними историками. Плиній, разсказывающій, что угри сами собой рождаются изъ ила, натурфилософы (Океаъ), говорящіе, что жизнь произошла изъ океана, и пр. и пр.,—всѣ стремятся лишь къ одной цѣли: отвѣтить на вопросъ, предложенный современниками. На запросы, являющіеся въ умахъ людей, о прошломъ не въ физическомъ, а въ иныхъ смыслахъ отвѣчали историки древности и среднихъ вѣковъ, разсказывая то, что они знали о прошломъ людей, и тѣмъ удовлетворяя инстинктивную любознательность человѣка. Теперь задачей исторической науки является не собираніе существующихъ разсказовъ о прошломъ людей, а разслѣдованіе того, насколько эти раз-

---

[1]) Ibid., Стр. 273.

[2]) См. объ этомъ сочиненіи Тэйлора, Лёббока, а также нѣкоторыхъ русскихъ этнографовъ-беллетристовъ (напр. Глѣба Успенскаго).

сказы достовѣрны. Прежній историкъ старался собрать какъ можно больше фактовъ, чтобы дать такимъ образомъ какъ можно больше отвѣтовъ. Современный писатель стремится прежде всего открыть истину, установить и, главное, какъ можно правильнѣе установить что-либо изъ прошлаго.

Впрочемъ, такой писатель до извѣстной степени лицо проблематическое. Жрецы чистой науки служатъ не всегда безкорыстно. Нравоучительно-моральное теченіе очень рано приплетается къ историческимъ сочиненіямъ еще въ древности: историческіе факты приводятъ для подтвержденія общихъ основаній моральнаго или религіознаго свойства. Это дѣлалось прежде и дѣлается теперь. Только прежде факты брались безъ провѣрки, теперь ихъ провѣряютъ. Но, во-первыхъ, все-таки были сочиненія, посвященныя одной только исторіи, во-вторыхъ, самая моральная тенденція для науки никакого значенія не имѣетъ, какъ не имѣютъ, хоть напримѣръ, историческія построенія Гегеля. Но чисто историческія книги были всегда. Я не понимаю, какъ можетъ говорить Лоренцъ [1]), что исторія всегда была на услугахъ у другихъ знаній, что самостоятельнаго значенія она не имѣла и что нельзя приписывать исторіи самостоятельнаго существованія. Мнѣ кажется это просто страннымъ: знать свое прошлое такъ же естественно, какъ вѣрить въ Бога. Люди искали отвѣта на вопросы о своемъ прошломъ и создавали миѳы и исторію; люди спрашивали о происхожденіи міра и создавали тоже миѳы, религіозныя преданія и матеріалистическія теоріи, [2]) спрашивали о жизни всего окружающаго и создавали естествознаніе. Но прежде старались отвѣтить и только отвѣтить; теперь стараются опредѣлить истину. Ко всему этому присоединяются другія цѣли; но безкорыстныя изслѣдованія есть все-таки. Всѣ русскія изслѣдованія по исторіи Запада принадлежатъ къ этимъ послѣднимъ. Да и

---

[1]) Lorenz. Die Geschichtswissenschaft in Hauptrichtungen und Aufgaben. Стр. 93.

[2]) Матеріалистическія теоріи о происхожденіи человѣка, напр., являются вовсе не только при высшемъ уровнѣ культуры, какъ это говорилъ, напр., Геккель. Даже у дикарей существуютъ свои теоріи о происхожденіи человѣка безъ примѣси сверхестественнаго элемента (Анучинъ. Антропоморфныя Обезьяны.—Сборникъ „Природа").

на Западѣ есть цѣлыя тысячи изслѣдованій, предпринятыхъ съ чистой цѣлью открытія истины. Но если и не приводить ихъ, то даже въ прежнее время, напр., въ семнадцатомъ вѣкѣ, когда іезуиты и протестанты полемизировали между собой историческими книгами, когда беллетристическая литература много черпала изъ исторіи — даже тогда можно указать на цѣлый рядъ книгъ чисто историческаго содержанія: на анналы Кевенгиллера, на Theatra Europea. Этихъ толстыхъ, добрыхъ, скучныхъ книгъ in folio, которыхъ, я думаю, никто не прочелъ еще отъ доски до доски, — достаточно, чтобы убѣдиться, что Лоренцъ неправъ: исторія всегда существовала сама по себѣ. Только теперь другая цѣль преслѣдуется этой наукой.

Когда совершился этотъ переворотъ? Мнѣ кажется, онъ до сихъ поръ не совсѣмъ совершился — человѣчество двигается очень медленно,—но онъ уже выяснился. Кто далъ первый толчекъ—мнѣ кажется, это не важно: одни говорятъ французская революція, другіе — скептическая философія восемнадцатаго вѣка. Важно лишь, что открытіе истины ставится какъ цѣль науки. Критика и возстановленіе прошлаго начинаютъ дѣлаться предметомъ исторіи. Исторія обращается за помощью къ классической филологіи, чтобы при ея помощи открыть истину. „Простой критическій методъ“, говоритъ Вейзенгрюнъ [1]), — „расширился въ обстоятельную критику источниковъ, и послѣдняя нашла своего представителя въ Нибурѣ“. Но стремленіе открыть истину идетъ еще дальше: берутся уже пріемы изъ другихъ наукъ, напр., естественныхъ (законъ наслѣдственности, законъ переживаній), изъ языкознанія и пр. Прибѣгаютъ и къ сравнительному методу при изученіи исторіи. Сколько научныхъ свѣдѣній долженъ имѣть историкъ теперь, со сколькими пріемами онъ долженъ быть знакомъ! Даже фотографія и та вербуется въ слуги исторіи. Масса спеціальныхъ свѣдѣній тратятся для того, чтобы разузнать истину. Профессоръ Иконниковъ приводитъ программу Ecole des Char-

---

[1]) Paul Weisengrün. Verschiedene Geschichtsauffassungen. Стр. 6.

tes [1]). Тамъ ученики изучаютъ палеографію, классификацію архивовъ и библіотекъ, романскія нарѣчія и дипломатію, археологію и пр. и пр. Нѣкоторыя сочиненія настолько переполнены спеціальными подробностями, что ихъ не скоро и поймешь. Я помню, напримѣръ, съ какимъ трудомъ разбиралъ я сочиненіе Билека о Валленштейнѣ, сочиненіе, все сплошь исписанное цифрами и бухгалтерскими выкладками. И въ концѣ-концовъ, когда я прочелъ его, я понялъ, что все это велось для открытія истины, для установленія нѣсколькихъ, хоть и ничтожныхъ, фактовъ изъ жизни Валленштейна. Въ этомъ стремленіи къ истинѣ есть что-то удивительно прекрасное, чистое, невинно-рыцарское. Германія—страна Шиллера, этого свѣтлаго поэта юности,—вселила въ своихъ сыновъ этотъ чистый и свѣтлый духъ: нигдѣ нѣтъ такого страстнаго стремленія къ истинѣ, какъ въ Германіи; да, впрочемъ, нигдѣ нѣтъ такой богатой исторической литературы.

Впрочемъ, суровая богиня истины не всѣмъ показываетъ свое холодное лицо, да и до ея храма немногіе доходятъ· большинство остается на полдорогѣ. Путь къ истинѣ тяжелъ и песчанъ, а главное, долог, мучительно долог... Сколько усталыхъ, едва поднимающихъ отяжелѣвшія ноги свои среди многочисленныхъ путниковъ! Конечно, имъ уже не до той цѣли, къ которой нужно стремиться, уже самъ путь становится для нихъ цѣлью. И вотъ на первый планъ выступаетъ техника исканія истины, сами пріемы вмѣсто той цѣли, ради которой они примѣняются. Нужно примѣнять пріемы и рѣшительно все равно на чемъ... Упражняться въ техникѣ исторической науки необходимо, конечно, но необходимо въ началѣ. Учиться пріемамъ безотносительно до важности самого предмета—нужно для начинающихъ историковъ. Но когда это безцѣльное упражненіе гирями историческаго анализа дѣлается областью литературы, когда маленькіе блѣдные вопросы выступаютъ впередъ, загораживаютъ собою болѣе важные вопросы, то это грустно. Къ чему тратить время на оттачиваніе и безъ того острыхъ критическихъ

---

[1]) Иконниковъ. Опытъ Русской Исторіографіи т. I Стр. 158.

ножей... Мальчику простительно стрѣлять воробьевъ и голубей, но это стыдно взрослому. А вѣдь на подобныя безцѣльныя экзерциціи тратится много времени и таланта.

Изъ древней исторіи занимаются больше всего обрывками историческихъ сочиненій античныхъ писателей: вырываютъ мѣсто изъ древняго сочиненія по исторіи и начинаютъ расшивать его, т. е. разбирать, какіе матеріалы легли въ основаніе такой-то главы или книги [1]). Я не говорю о большихъ работахъ (Нича и Ниссена) по этому предмету. Но дѣло въ томъ, что въ такихъ работахъ мало виднѣется даже стремленія охарактеризовать разбираемаго писателя. Прикладываются пріемы, какъ трафаретъ при раскрашиваніи картинокъ, скучно и вяло. На докторскія диссертаціи философскаго факультета пишутся обыкновенно эти сочиненія. Ихъ также можно найти въ гимназическихъ программахъ и годовыхъ отчетахъ. За приглашеніями на праздники и публичные экзамены на первой страницѣ часто слѣдуютъ разсужденія учителя исторіи, на которыя убивается масса безкорыстнаго труда и которыя очень часто кончаются ничѣмъ. Разсужденіе учителя Клевской гимназіи Вейдеманна, помѣщенное въ отчетѣ за 1873 годъ, кончается такъ: „главный источникъ Тацита, который мы ищемъ, не найденъ нами, но мы убѣдились, что это ни Светоній, ни Муціанъ“. Нужно знать, сколько положено усилій на это разсужденіе, чтобы понять всю тоскливость такого результата! Тацитъ — любимый авторъ такихъ разсужденій, но до него самого, до его личности мало кому есть дѣло. Въ сочиненіи Horstmann'a Ueber die Quellen des Tacitus находится списокъ темъ на докторскія диссертаціи Марбургскаго философскаго факультета за 1877 годъ. Вторая тема такова: Tac. Agr. 44:

---

[1]) Эта безцѣльная игра мускулами нашла себѣ подражателей и въ русской литературѣ—напр. проф. Виноградова (см. его статью „Первыя главы Аѳинской Политіи Аристотеля“ въ III томѣ Филологическаго Обозрѣнія). Въ нумизматической и библіографической литературѣ есть тоже много совершенно безцѣльныхъ изслѣдованій. Наши автодидакты ужасно любятъ писать и издавать брошюры, то о какой нибудь гравюрѣ Бирона ни для кого неинтересной и совсѣмъ неважной (г. Щукинъ), то о совсѣмъ уже глупыхъ двуименныхъ деньгахъ (г. Карзинкинъ).

pro voce ictu scribendum est hiatu. Таково и большинство темъ на докторскія диссертаціи въ Германіи. По среднимъ вѣкамъ такой безцѣльной литературы меньше. Но новое время даетъ для этого гораздо больше поводовъ.

Главнѣйшими темами этого упражненія въ историческихъ пріемахъ являются вопросы о Маріи Стюартъ и о Валленштейнѣ или Вальдштейнѣ, какъ его теперь зовутъ. Принимала ли Марія участіе въ убійствѣ Дарнлея, измѣнилъ ли Валленштейнъ императору?—Господи, сколько старыхъ и юныхъ умовъ занимались этими вопросами. Намъ въ сущности трудно себѣ представить, насколько велика и обильна литература по этимъ мелкимъ и ничтожнымъ вопросамъ. Нѣмецкій библіографъ Георгъ Шмидтъ въ 1879 году задумалъ, какъ сообщаетъ Гэдеке (Historisches Taschenbuch 1889), подвести итоги по Валленштейну. Онъ насчиталъ 426 научныхъ изслѣдованій; въ 1883 году онъ прибавилъ къ этому числу еще 257, въ 1885 году еще 168 названій. «Литература по Валленштейну подобна цѣлому морю», говоритъ Шмидтъ.

Вопросъ о Маріи Стюартъ разрѣшается при помощи разбора такъ называемыхъ писемъ шкатулки и сосредоточивается въ сущности на этомъ: разборъ ради самого разбора, доказательство подложности или подлинности ради самого доказательства — вотъ что занимаетъ историковъ. А между тѣмъ, сама біографія Маріи Стюартъ представляетъ достаточно данныхъ для рѣшенія вопроса о ея виновности, и на это еще указывалъ Ранке, потомъ Онкенъ и Филиппсонъ. Одинъ изъ самыхъ блестящихъ изслѣдователей этого вопроса—Бресслау—даже гордится тѣмъ, что онъ никогда не обращалъ вниманія ни на что другое, кромѣ разбора самихъ писемъ. Въ вопросѣ о Валленштейнѣ дѣло стоитъ иначе: тамъ, наоборотъ, обращаютъ вниманіе на все важное и даже неважное для самого Валленштейна. Дешево ли покупалъ имѣнія Валленштейнъ или дорого, висѣли ли у него во дворцѣ портреты императора или не висѣли (напр. Швебекъ)—обо всемъ этомъ пишется и печатается. Можно какъ угодно смотрѣть на Валленштейна, но никакой свѣжій человѣкъ не будетъ придавать особеннаго значенія дню его рожденія (не году, не мѣсяцу, а именно дню). Но Хальвихъ

вмѣняетъ себѣ въ особенную заслугу установленіе дня рожденія Валленштейна. Прежде существовало мнѣніе, что Валленштейнъ родился 14 сентября 1583 г., Хальвихъ опредѣлилъ, что Валленштейнъ родился 24 сентября 1583 года. Сколько усилій стоило ему достиженіе такого результата: записи были спутаны немного... Но вотъ Хальвиху попадается гороскопъ его любимаго героя, составленный Кеплеромъ, и счастливый ученый начинаетъ умолять вѣнскаго астронома Оппольцера, чтобы тотъ разобралъ гороскопъ; астрономъ соглашается. Хальвихъ счастливъ и открываетъ, что Валленштейнъ родился 24 сентября 1583 года. Онъ печатаетъ объ этомъ въ Neue Freie Presse и потомъ еще разъ въ отдѣльной брошюрѣ. Въ сущности это смѣшно, но за то, по правдѣ сказать, глубоко симпатично. Какъ бы то ни было, а вѣдь всѣ эти люди безкорыстно служатъ наукѣ и нигдѣ, повторяю, не найдешь такого служенія истинѣ, какъ среди нѣмцевъ. Но вѣдь нигдѣ такъ не глубокъ научный потокъ, какъ въ Германіи: если онъ и несетъ съ собой много песку, то, вѣдь, отъ песка вода только мутнѣетъ, но никогда не гніетъ.

Это служеніе наукѣ, невинное, дѣтское, чистое сказывается во всемъ. Маленькія блѣдныя книжки безчисленныхъ докторовъ философіи непремѣнно посвящаются именамъ, наиболѣе дорогимъ для человѣка,—матери или отца. Только Мауренбрехеръ, уже большой историкъ, посвятилъ свои Studien und Skizzen своей женѣ. И между тѣмъ отъ Мауренбрехера до скромнаго учителя гимназіи — всѣ полны глубокой и искренней любовью къ своимъ книгамъ: они не хотятъ, чтобы эти книги читались невѣжественной толпой. „Моя книга написана не для того, чтобы лежать въ будуарѣ дамы“, говоритъ Бауръ [1]). Французскій историкъ сказалъ бы иначе. Мнѣ всегда вспоминается, когда я думаю о Баурѣ, что на доклады Минье, по словамъ Гейне, съѣзжались всѣ элегантныя женщины Парижа. Нѣмецкій историкъ, я думаю, былъ бы возмущенъ, видя передъ собой такую аудиторію. Бауръ бѣжитъ дамскаго будуара, а Гейне въ са-

[1]) Baur. Deutschland in den Jahren 1517—1527. Стр. III.

лонѣ Жоберъ познакомился съ Минье [1]). Факты эти мелки, но характерны: въ нихъ отражается основное отличiе нѣмцевъ отъ французовъ. Это отличiе отражается во всемъ: даже въ языкѣ научныхъ произведенiй. Французы пишутъ опредѣленно, твердо и всегда литературно; нѣмецкiй же научный языкъ тяжелъ, до невыразимости спутанъ и совсѣмъ нелитературенъ; я понимаю, что этотъ языкъ могъ привести въ ужасъ Андреева, переводчика Всеобщей Исторiи Вебера [2]).

Профессоръ Карѣевъ въ своемъ первомъ томѣ „Основныхъ вопросовъ философiи исторiи" намѣчаетъ очень много фактовъ, свидѣтельствующихъ о различiи нѣмецкой и французской историческихъ литературъ. Въ сущности это различiе не случайно: въ немъ отражается различiе самыхъ народныхъ характеровъ. Французы — политическiе революцiонеры, нѣмцы — политическiе консерваторы. По словамъ Рохолля [3]), человѣчество было идеальной величиной для нѣмецкихъ философовъ, для французовъ—соцiальнымъ вопросомъ. Пьеръ Леру говоритъ: „Германiя занималась жизнью единицы, Францiя — жизнью общества". Все это отмѣчено проф. Карѣевымъ. Но намъ кажется, что можно также еще упомянуть обратное только что приведенному: именно, что французы — консерваторы въ области мысли, а нѣмцы въ этомъ отношенiи революцiонеры. Можетъ быть, на первый взглядъ это и странно, но это дѣйствительно такъ — и не въ одной наукѣ, а также въ литературѣ, искусствѣ, сценическомъ исполненiи. Лоренцъ [4]) довольно зло приводитъ, какъ олицетворенiе французской науки, коллекцiю картинъ съ 1721 г., за которыя ученики академiи получали такъ называемую римскую премiю: все тѣ же сюжеты, тѣ же позы, та же трактовка. Въ сущности, всѣ пресловутыя замѣчанiя объ отрицательномъ духѣ французской литературы являются недоразумѣнiемъ: холодное отчаянiе Шопенгауэра мало зна-

---

1) Сѣв. Вѣст. 91 г., № 7, ст. П. Морозова „Гейне и женщины". Стр. 122.
2) См. у Вебера „Всеобщая Исторiя", т. X, Стр. XXIV.
2) Цит. у Карѣева „Основ. Вопросы", т. I, Стр. 200.
4) O. Lorenz, Die Geschichtwissenschaft. Стр. 5.

комо французамъ, даже страшныя книги Ренана кажутся дѣтскимъ лепетомъ, если сравнить ихъ съ произведеніями Тюбингенской школы.

У французовъ все опредѣленно, ясно—точно геометрическая теорема. Стоитъ вспомнить Фюстель де-Куланжа, который такъ опредѣленно писалъ о такихъ явленіяхъ, о которыхъ трудно сказать что-либо опредѣленное — хоть объ общинѣ въ среднихъ вѣкахъ. Нѣмецкій ученый всегда ищетъ и всегда сомнѣвается, французскій—очень рѣдко... То, къ чему въ историческихъ литературахъ другихъ народовъ относятся критически — тому часто вѣрятъ во французской литературѣ. Таковы, напр., сказанія о римскихъ царяхъ. Отчего это происходитъ—сразу трудно сказать, хотя, безспорно, это зависитъ, во-первыхъ, отъ свойственнаго всѣмъ французамъ консерватизма мысли, а во-вторыхъ, отъ того, что стремленіе къ истинѣ вовсе не такъ ужъ сильно во французской наукѣ. Еще до сихъ поръ на французскомъ языкѣ много сочиненій, задающихся цѣлью не открыть истину, а лишь удовлетворить любознательность и только одну любознательность читателей. Я не знаю, но я нигдѣ не встрѣчалъ такъ много анекдотовъ, какъ во французской ученой литературѣ. „Анекдотъ—дессертъ исторіи“, говоритъ одинъ русскій фельетонистъ. Мнѣ кажется, многіе французскіе ученые сказали бы то же самое [1]).

Если сравнить французскую и нѣмецкую литературу, хоть о Маріи Стюартъ, то можно легко понять, какова разница между нѣмецкой и французской наукой. Во французской наукѣ нѣтъ тѣхъ чистыхъ и безплодныхъ разслѣдованій, о которыхъ мы только что говорили. Но зато о Маріи Стюартъ есть книга Dargaud, сочиненіе Минье, твердое и спокойное, но все-таки переполненное анекдотами, и очеркъ Александра Дюма-отца — еще съ большимъ количествомъ анекдотовъ. Но если сказать откровенно, то личность Маріи Стюартъ лучше освѣщена во французской литературѣ, чѣмъ

---

[1]) См. у проф. Иконникова, Опытъ русской исторіографіи т. I, Стр. 178. Вольтеръ пишетъ: Le grand art est d'arranger et de présenter les évenements d'une manière interressante.

въ нѣмецкой. Французы всегда пишутъ о томъ, что имѣетъ отношеніе къ исторіи, хотя можетъ быть погребаютъ свою тему подъ грудой анекдотовъ. Нѣмцы же пишутъ иногда, что вовсе не составляетъ предмета исторіи. Впрочемъ, намъ нужно еще установить, что въ сущности является предметомъ исторіи, чѣмъ она должна заниматься. Въ послѣднее время этотъ вопросъ рѣшался различно. Одни смотрятъ на прошлое людей съ высокой точки зрѣнія Кантовской философіи и считаютъ, что только то, что имѣетъ интересъ для философа, то и можетъ быть предметомъ исторіи. Другіе говорятъ, что исторія — школа политики, и только способствующее политикѣ можетъ быть предметомъ исторической науки. Третьи видятъ весь интересъ въ государственномъ устройствѣ, четвертые—въ культурныхъ фактахъ, пятые—въ экономической жизни. Дюбуа-Реймонъ видитъ исторію человѣчества въ исторіи естествознанія. Кто правъ въ данномъ случаѣ, я не рѣшаюсь сказать. Представители матеріализма считаютъ только факты матеріальной жизни достойными научнаго изученія. Все остальное они не считаютъ предметомъ исторической науки [1]). „А Св. Сергія куда вы дѣнете при такомъ взглядѣ?“ вспоминаются мнѣ чрезвычайно глубокія слова Погодина [2]). Но я не буду вдаваться въ критику этихъ взглядовъ. Я выскажу только мечту, что эти односторонніе, какъ мнѣ кажется, взгляды на предметъ исторіи можетъ привести къ одному основанію здравая и безпристрастная научная мысль. А русская мысль—въ это я вѣрю—можетъ быть этой здравой и безпристрастной мыслью.

Вспомнимъ, какъ много сдѣлалъ для уясненія русской исторіи Шлецеръ [3]), и мы поймемъ, что можетъ сдѣлать внимательная, но безкорыстная научная мысль при изученіи исторіи, хоть, можетъ быть, и чужого народа. Дѣло въ томъ, что всѣ вышеприведенные взгляды на исторію представляютъ собою результатъ различныхъ событій, современныхъ исто-

---

[1]) Историческое Обозрѣніе, т. V, ст. Карѣева. Стр. 274.

[2]) Историческое Обозрѣніе, т. II, ст. Карѣева. Стр. 81.

[3]) См. прекрасную характеристику Шлецера у Милюкова въ его „Главныхъ теченіяхъ русской исторической мысли“—„Русская Мысль“ 1893 г.—іюнь.

рикамъ. Профессоръ П. Г. Виноградовъ въ своемъ „Изслѣдованіи по соціальной исторіи Англіи“, въ обзорѣ литературы, указываетъ на эту зависимость мнѣній историковъ отъ современныхъ имъ политическихъ и другихъ событій. „До 1848 года преобладало теченіе политическое, послѣ 1848 г. стало преобладать теченіе соціальное“, говоритъ онъ [1]). На русскую науку не давятъ никакія обстоятельства. Ей можно не впадать ни въ рутину французовъ, ни въ безплодную трату силъ нѣмцевъ; ей можно заниматься жизнью прошлаго во всѣхъ ея проявленіяхъ. Но, кромѣ того, русской наукѣ всего легче отнестись безпристрастно къ прошлому Запада. Русскимъ людямъ нѣтъ смысла относиться пристрастно къ прошлому чужихъ народовъ. Но западному ученому трудно сохранить безпристрастіе, когда онъ говоритъ о родномъ и близкомъ для себя. Сами западные люди согласны съ этимъ. Многіе, даже средніе, русскіе ученые обращаютъ на это теперь свое вниманіе. „Затрудненія въ вопросѣ о феодализмѣ“, говоритъ проф. Виноградовъ [2]), „зависятъ отъ односторонности и даже пристрастности національныхъ взглядовъ“. Это пристрастіе и искаженія сказываются и въ литературѣ по Карлу Пятому.

III.

Всякій человѣкъ, кто-бы онъ ни былъ — образованъ или неучъ, уменъ или глупъ, король или крестьянинъ—каждый человѣкъ имѣетъ своего Бога, которому онъ молится и которому онъ вѣритъ. Всякій человѣкъ долженъ имѣть что-нибудь святое, долженъ что-нибудь любить. Онъ можетъ любить отчизну, религію, красоту, свободу, науку, многое вмѣстѣ или отдѣльно, но все-таки что-нибудь любить онъ долженъ. Безъ этого онъ не человѣкъ, не homo sapiens Linn. Чужестранецъ въ Бодлэровскихъ стихотвореніяхъ въ прозѣ,

---

[1]) П. Виноградовъ. Изслѣдованіе по соціальной исторіи Англіи. Стр. 1.

[2]) П. Виноградовъ. Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Лангобардской Италіи. Стр. II.

который любитъ одни облака, мнѣ очень и очень подозрителенъ. А разъ человѣкъ любитъ, онъ долженъ и ненавидѣть. „Другъ всѣхъ людей не можетъ быть моимъ другомъ,“ говоритъ мольеровскій Мизантропъ. Я думаю, что едва-ли на самомъ дѣлѣ существуетъ такой другъ всѣхъ людей. Науку дѣлаютъ люди; они тоже любятъ и тоже ненавидятъ, вѣрятъ и проклинаютъ; у нихъ есть свой Богъ, хотя они понимаютъ его часто различно другъ отъ друга.— Карлъ Пятый былъ императоръ германскій; онъ дѣйствовалъ, отдавалъ приказанія, занимался политикой, и всѣ его дѣйствія, приказанія и занятія имѣли громадное значеніе для Германіи. Карлъ Пятый сталъ царствовать, когда начиналась реформація; когда Карлъ Пятый кончилъ царствовать, начиналась католическая реакція. Его поступки чрезвычайно много имѣли вліянія на самый ходъ и судьбу этихъ движеній. Если нѣмецкій историкъ любитъ свою отчизну, онъ будетъ судить о Карлѣ Пятомъ, руководствуясь тѣмъ, принесъ ли послѣдній пользу или вредъ своимъ царствованіемъ Германіи. Если религіозные интересы выше всего для историка, то онъ будетъ также брать ихъ за мѣрило при сужденіи о дѣятельности императора. А религіозные интересы очень сильны въ Германіи, гораздо сильнѣе, чѣмъ думаютъ.

Въ неученой, но разговаривающей о наукѣ толпѣ есть мнѣніе, что въ Германіи очень мало интересуются религіозными вопросами, что западная религіозная мысль застыла, какъ лава на Везувіи. Все это, конечно, недоразумѣнія... Западъ не гніетъ, какъ говорили славянофилы, потому что мощи гнить не могутъ. Но онъ и не умеръ, а живетъ бойкой, яркой жизнью, и новая жизнь бьется рядомъ со старой: такъ веселый плющъ покрываетъ собою старые уступы Гейдельбергскаго замка. И эта новая жизнь бьется всюду: даже въ темныхъ углахъ католической догматики трепещетъ молодая мысль. Новѣйшая философія вліяетъ на католическую догматику. „Новѣйшая философія,“—говоритъ Шостьинъ[1]),— „успѣла пустить такіе глубокіе корни въ католическомъ бого-

---

[1]) А. Шостьинъ. Источники и предметъ догматики по воззрѣніямъ катол. богослововъ послѣдняго полу-столѣтія. Стр. 7 и проч.

словіи, которыхъ не могли исторгнуть ни инквизиція, ни конгрегаціи Индекса." А о протестантскомъ богословіи и говорить нечего. Братке [1]), напр., говоритъ, что протестантская теологія идетъ по слѣдамъ Дункера, Гервинуса, В. Гумбольдта, Ранке, Зибеля, Дройзена. Можно спорить относительно значенія научной дѣятельности этихъ писателей, можно думать, что идти по слѣдамъ нѣкоторыхъ изъ нихъ, можетъ быть, и не стоитъ, но всякій, я полагаю, согласится, что благодаря этому т. е. благодаря тому, что протестантскія исторіи церкви вполнѣ научны—онѣ и имѣютъ значеніе. По этому-то всему, повторяю еще разъ, религіозные вопросы и имѣютъ громадное вліяніе на историковъ, въ особенности по исторіи реформаціи.

Религіозные вопросы шестнадцатаго вѣка еще живутъ до сихъ поръ въ современной Германіи, до сихъ поръ еще волнуютъ общество. Чтобы разобраться въ томъ, насколько исторія Карла V преломляется подъ угломъ религіозныхъ симпатій, мы возьмемъ по возможности чистые и ясные примѣры. Но при этомъ я позволю себѣ еще разъ оговориться: историки церкви въ Германіи — такіе же ученые, какъ и остальные, въ особенности протестантскіе историки. Католики вообще мало занимаются въ своихъ исторіяхъ церкви исторіей реформаціи, а если и занимаются, то до крайности несдержанно и пристрастно. „Между ними почти нѣтъ умѣренныхъ," говорится въ очень справедливыхъ и спокойныхъ лекціяхъ Генке, послѣ его смерти изданныхъ Гассомъ [2]) Да и потомъ католическія исторіи церкви часто запаздываютъ матеріаломъ (я не говорю о французахъ, которые имѣютъ очень хорошихъ теологовъ-историковъ, напр. хоть Vacanard'a).—Протестантскіе историки церкви являются всегда въ полномъ научномъ парадѣ: съ цитатой изъ послѣдней книжки, съ изложеніемъ самаго свѣжаго взгляда на историческое лицо. Но это все до извѣстной степени искажается для проведенія нѣкоторыхъ основныхъ идей:

---

[1]) E. Bratke. Wegweiser zur Quellen—und Litteraturkunde der Kirchengeschichte Стр. 1.

[2]) Henke. Neuere Kirchengeschichte. T. I. Стр. 25.

сознательно ли это искаженіе или нѣтъ—это уже вопросъ другой.

Среди ученыхъ, а также и неученыхъ, но не особенно отдаленныхъ отъ науки людей, существовало нѣсколько взглядовъ на Карла Пятаго. Старый взглядъ стараго Робертсона теперь совершенно оставленъ, но въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ онъ еще гулко раздавался подъ сводами аудиторій. Отдѣльной личности, ея желаніямъ, стремленіямъ и вытекающимъ отсюда поступкамъ придавалось очень много значенія. „Онъ былъ ненасытно честолюбивъ,“ говоритъ про Карла Пятаго Робертсонъ [1]), и изъ этого честолюбія проистекали, по мнѣнію стараго историка, чуть ли не всѣ главнѣйшія событія политической жизни Европы въ первую половину шестнадцатаго вѣка. Теперь этотъ взглядъ старъ, хотя и теперь еще можно найти его въ какой-нибудь глухой журнальной статьѣ (у В. И. Немировича-Данченко Карлъ V характеризуется именно такимъ образомъ); но въ пятидесятыхъ—сороковыхъ годахъ взглядъ этотъ былъ распространенъ. Старая исторія церкви Баура еще живетъ этими преданіями Робертсоновской теоріи. „Все дѣло въ поступкахъ отдѣльныхъ людей,“ думаетъ Бауръ, „поступокъ же вызывается стремленіемъ, желаніемъ человѣка. Поступками Карла Пятаго руководило стремленіе поддержать католицизмъ, поддержать церковное единство·“ [2]) Это было глупое, честолюбивое стремленіе, по мнѣнію Баура, и, стремясь къ такой несбыточной вещи, Карлъ Пятый поступалъ даже невыгодно для себя. Напр., Карлъ Пятый велѣлъ вначалѣ сжигать сочиненія Лутера въ своихъ наслѣдственныхъ земляхъ. Подъ впечатлѣніемъ сожженія своихъ сочиненій Лутеръ и сжегъ папскую буллу [3]). Въ сожженіи папской буллы, слѣдовательно, виноватъ Карлъ Пятый. Вообще, по мнѣнію Баура, императоръ положительно не могъ совладать съ Лутеромъ, Вормскій эдиктъ даже не могъ вызвать къ себѣ вниманія въ Германіи шестнадцатаго вѣка. „Онъ былъ данъ

---

[1]) Робертсонъ. Исторія Государствованія Имлер. Карла V, T. IV. Стр. 222.

[2]) Baur. Kirchengeschichte der neueren Zeit. T. I. Стр. 168 и пр.

[3]) Ibid. Стр. 150.

больше изъ мести,“—говоритъ Bауръ. Вообще вся политика противъ Лутера была просто неумна. Мы видимъ, такимъ образомъ, какую окраску принимаетъ у Баура распространенное тогда мнѣніе, что личныя желанія Карла Пятаго имѣли громадное значеніе. Мы выбрали Баура, потому что онъ чрезвычайно характеренъ и яснѣе другихъ. Мнѣнія, имъ высказываемыя, высказывались и другими, которые видѣли, напримѣръ, въ Вормскомъ эдиктѣ личный произволъ императора, только эти другіе болѣе тщательно прикрывали свои побужденія. Но этотъ взглядъ на Карла Пятаго держался только до сороковыхъ — пятидесятыхъ годовъ; потомъ онъ былъ замѣненъ другимъ взглядомъ, другимъ представленіемъ объ исторіи Карла Пятаго.

Это новое представленіе о Карлѣ Пятомъ явилось отчасти подъ вліяніемъ австрійской или великонѣмецкой школы историковъ, указавшей, какъ сильно отразилась внѣшняя политика императоровъ (походы въ Италію) на фактахъ внутренней жизни Германіи. Кромѣ того, появленію этого взгляда много содѣйствовалъ знаменитый трудъ Ранке. Стали вообще обращать вниманіе на внѣшнюю политику Карла Пятаго и считать войны, которыя онъ велъ, однимъ изъ главныхъ фактовъ его царствованія. Этотъ взглядъ отразился въ церковной исторіи Генке. Генке признаетъ, что всѣми поступками Карла Пятаго руководили соображенія внѣшней политики: раньше онъ даже могъ бы и покровительствовать Лутеру, но, помирившись съ папой, онъ издалъ Вормскій эдиктъ [1]). Но идеи, провозглашаемыя Лутеромъ, все-таки одержали побѣду на Вормскомъ сеймѣ. За учрежденіе верховнаго имперскаго суда и управленія нужно быть обязаннымъ Лутеру, такъ какъ въ сущности это были его идеи. Карлъ Пятый и вся католическая партія является слабой, неимѣющей никакого авторитета. Карлъ Пятый даже интеримъ издалъ не по своему желанію, а лишь потому, что нужно было дать какое-либо вѣроисповѣданіе, когда папа изъ-за политическихъ видовъ распустилъ Тридентскій со-

---

[1]) Henke. Neuere Kirchengeshichte. T. I. Стр. 56.

боръ [1]). Карлъ Пятый связанъ своей внѣшней политикой: онъ ничего не можетъ сдѣлать; зато Лутеръ свободенъ, ничѣмъ не связанъ: поэтому онъ дѣйствуетъ и торжествуетъ. Католики слабы, реформаторы сильны, и это съ самаго начала, чуть ли не съ Лейпцигскаго диспута. Мы видимъ, какъ къ существовавшему въ то время въ наукѣ взгляду Генке прибавляетъ извѣстную окраску: все это дѣлается для того, чтобы подчеркнуть удивительную силу реформаціоннаго движенія. У Генке ясно видно, что все дѣло въ религіозныхъ симпатіяхъ. Мысли, имъ высказываемыя, говорились и до и послѣ него, только основныя побужденія болѣе тщательно скрывались. Этотъ-то придатокъ къ существующему распространенному взгляду, который мы видимъ у Генке, чисто религіознаго происхожденія. Другіе, изображая сходно съ Генке исторію Карла Пятаго, поступали подъ вліяніемъ религіозныхъ убѣжденій, только не такъ замѣтно. Теперь, впрочемъ, научный взглядъ на Карла Пятаго нѣсколько измѣнился.

Это произошло отчасти подъ вліяніемъ мало-нѣмецкой или, проще говоря, прусской школы историковъ, отчасти подъ вліяніемъ книги Баумгартена: стали обращать вниманіе на международное значеніе Карла Пятаго, умаляя его значеніе, какъ германскаго императора. Этотъ взглядъ отразился въ исторіи церкви Гагенбаха. Гагенбахъ или, вѣрнѣе, Ниппольдъ, прямо говоритъ, [2]) что при изученіи исторіи Германіи первой половины шестнадцатаго вѣка слишкомъ мало обращаютъ вниманія на факты нравственно-религіозной жизни, которые, по его мнѣнію, представляютъ для ученаго наибольшую важность. Ниппольдъ настаиваетъ на томъ, что Карлъ Пятый былъ чужой человѣкъ для Германіи. „Онъ былъ испанецъ,“ говоритъ Ниппольдъ, „онъ не могъ понять всей силы религіознаго импульса того времени“... т. е. опять повторяется старый мотивъ.

Эти три мнѣнія церковныхъ историковъ были высказаны на протяженіи пятидесятилѣтняго періода. Въ эти пятьде-

---

[1]) Henke. Neuere Kirchengeschichte. T. II Стр. 252.

[2]) Hagenbach. Kirchengeschichte. T. III. Стр. 665.

сять лѣтъ протекло для исторической науки болѣе, чѣмъ обыкновенно протекаетъ въ обыкновенныя пятьдесятъ лѣтъ: взгляды мѣнялись одинъ за другимъ, открывались новые горизонты, наука переживала свое молодое время. Въ нашемъ случаѣ, взгляды, послужившіе основаніемъ изображеніямъ въ вышеприведенныхъ исторіяхъ церкви, существенно различаются между собой. Во времена Баура, питавшагося Робертсономъ, была даже совсѣмъ иная область фактовъ, чѣмъ теперь; а между тѣмъ, если мы изъ изображеній церковныхъ историковъ вычтемъ тѣ научныя представленія о Карлѣ Пятомъ, которыя легли въ основу ихъ, то мы получимъ остатокъ, и остатокъ этотъ будетъ одинъ и тотъ же во всѣхъ трехъ случаяхъ. Этотъ остатокъ будетъ убѣжденіе, что реформаціонное движеніе—сильное, могучее движеніе, а католицизмъ—направленіе слабое, дряхлое, отжившее свой вѣкъ. Это убѣжденіе не могло быть результатомъ изученія фактовъ, потому что факты и ихъ изученіе въ данныхъ трехъ случаяхъ были различны. Это убѣжденіе навѣяно извнѣ и, понятно, подъ вліяніемъ религіозныхъ симпатій. Оно очень распространено: оно высказывается почти всѣми протестантскими исторіями реформаціи (а ихъ девяносто девять на одну католическую). Я уже не объ исторіяхъ церкви говорю. Это убѣжденіе перешло и въ русскую литературу, оказало свое вліяніе на Кудрявцевѣ (въ его этюдѣ о Карлѣ Пятомъ) и оказываетъ свое вліяніе и теперь. Какъ часто можно встрѣтить утвержденіе, что всѣ настоящіе, честные, передовые люди были на берегу, противоположномъ католицизму, что истинно убѣжденныхъ защитниковъ стараго нельзя было найти. „Представители стараго образованія",—говоритъ профессоръ Карѣевъ [1]),—„только подсмѣивались надъ гуманистами, считая ихъ недалекими людьми, непонимающими, что выгода заключается вовсе не въ занятіяхъ такого рода вещами, какими занимались гуманисты. Но съ теченіемъ времени, когда новое образованіе пустило корни и его представители стали отбивать хлѣбъ у схоластиковъ, послѣдніе начали относиться къ нимъ со злобой". Намъ кажется, что

[1]) Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы въ новое время. Т. II, Стр. 28.

подобное утвержденіе, слишкомъ странное само по себѣ, является лишь отдаленнымъ отраженіемъ религіозныхъ симпатій протестантскихъ историковъ: такъ часто ослѣпительныя западныя молніи отражаются у насъ, въ Россіи, смирными, безгромными зарницами.

Исторія преломляется подъ извѣстнымъ угломъ религіозныхъ воззрѣній,—это, конечно, для науки не особенно выгодно, но въ сущности глубоко симпатично. Нельзя, напримѣръ, серьезно ставить въ упрекъ Гизелеру [1]), когда послѣдній говоритъ, что булла противъ Лутера была дѣломъ личной ненависти Экка, или когда онъ же говоритъ, что Вормскій эдиктъ былъ результатомъ какой-то принципіальной ненависти со стороны Алеандра ко всѣмъ нѣмцамъ. Мнѣ думается, что сознательнаго искаженія нѣтъ, а просто-на-просто убѣжденному протестанту кажется, что порядочныхъ людей на сторонѣ католицизма рѣшительно быть не можетъ, а что протестанты всѣ честные, славные, здоровые и сильные люди. Когда Бауръ, перечисляя приверженцевъ Лутера, называетъ Гуттена здоровымъ и полнымъ силъ [2]), то это можетъ быть смѣшно, наивно, но поставить это въ вину умному и глубокому историку едва ли у кого хватитъ безсердечной смѣлости. Такъ любящій отецъ считаетъ сильнымъ и здоровымъ слабаго, больного сына своего. Но этотъ же отецъ, напротивъ, въ чужихъ дѣтяхъ будетъ видѣть всѣ недостатки, въ особенности, если это будутъ дѣти его враговъ. Тотъ же Гуттенъ, который у Баура „полонъ силъ“, у католическаго историка Янсена только и интересенъ, какъ больной совсѣмъ даже неинтересной болѣзнью [3]). Но въ нашемъ случаѣ Янсенъ не совсѣмъ подходящъ.

Эгельхаафъ [4]) сравниваетъ его съ Дöллингеромъ и замѣчаетъ, что послѣдній полемизируетъ изъ-за истины, а Янсенъ—изъ-за своей тенденціи [5]). Дѣйствительно, умный, ученый, многотомный трудъ Янсена въ наукѣ имѣетъ очень

---

[1]) Gieseler. Lehrbuch der Kirchengeschichte. Стр. 82 и 91.

[2]) Baur. Kirchengeschichte der neueren Zeit. Стр. 51.

[3]) Janssen. Geschichte des deutschen Volkes. T. II. Стр. 56 и пр.

[4]) Egelhaaf. Deutsche Geschichte im sechzehnten Jahrhundert. T. I. Стр. 192.

[5]) Объ Янсенѣ см. Pastor Ludwig. Johannes Janssen 1829—1891.

мало вѣса, хотя онъ и оказалъ, по словамъ проф. Карѣева [1]), вліяніе даже на протестантскихъ писателей; но вліяніе это заключалось не въ томъ, что были принимаемы мнѣнія Янсена, а лишь въ томъ, что умный и талантливый Янсенъ изобразилъ исторію Германіи въ болѣе полномъ видѣ, что онъ обратилъ вниманіе на такія стороны жизни, на которыя до него обращали мало вниманія. Но въ дѣлѣ освѣщенія фактовъ, въ дѣлѣ ихъ изображенія у Янсена происходитъ такое сильное искаженіе, что исторія дѣлается совершенно неправдоподобной. При чтеніи Янсена иногда охватываетъ злость, злость на то, зачѣмъ безобразится исторія, къ чему, для кого. На Янсена можно страшно негодовать, и я понимаю всѣ тѣ сильныя выраженія, которыми его награждали протестантскіе критики. На Баура и Гизелера негодовать нельзя: вѣра, какъ огонь, все очищаетъ. Но я не думаю, чтобъ Янсенъ былъ вѣрующій человѣкъ.

Въ своемъ отвѣтномъ словѣ критикамъ Янсенъ убѣждаетъ въ началѣ, что имъ руководитъ одно исканіе объективной истины. Это говорится въ первомъ письмѣ. Но уже во второмъ нѣмецкій историкъ признается, что онъ потому принужденъ обратить вниманіе на Эбрарда, что тотъ нападаетъ на католическую вѣру [2]). Въ срединѣ своего отвѣта Янсенъ говоритъ, что онъ будетъ защищать нѣмецкаго императора отъ нападокъ, какъ бы тотъ ни назывался — Карлъ Пятый или иначе [3]). А второй свой отвѣтъ критикамъ Янсенъ кончаетъ заявленіемъ, что „мы, католики, не позволимъ уничтожить папство“ [4]). Все это на первый взглядъ непонятно: что Янсену Карлъ Пятый и что ему вообще всѣ Габсбурги! Янсенъ во всемъ рѣшительно оправдываетъ Карла Пятаго [5]), но онъ не можетъ же это дѣлать только потому, что Карлъ Пятый—германскій императоръ! Вообще все это странно и непріятно: у Янсена, почти что у единственнаго

---

[1]) Н. Карѣевъ. Исторія Западной Европы. Т. II. Стр. 18.

[2]) Janssen. An meine Kritiker. Стр. 8.

[3]) Ibid. Стр. 158.

[4]) Janssen. Ein zweites Wort an meine Kritiker. Стр. 145.

[5]) Janssen. Geschichte des deutschen Volks. Т. II. Стр. 143 и пр.

подобное утвержденіе, слишкомъ странно...
является лишь отдаленнымъ отраженіемъ ...
патій протестантскихъ историковъ; такъ ...
ныя западныя молніи отражаются у насъ ...
ними, безгромными зарницами.

Исторія преломляется подъ извѣстн...
ныхъ воззрѣній,—это, конечно, для ...
годно, но въ сущности глубоко оцени...
мѣръ, серьезно ставить въ упрекъ ...
слѣдній говоритъ, что булла проти...
личной ненависти Экка, или ...
Вормскій эдиктъ былъ результат...
ной ненависти со стороны Ал...
Мнѣ думается, что сознательно...
на-просто убѣжденному проте...
ныхъ людей на сторонѣ ка...
можетъ, а что протестанты ...
и сильные люди. Когда Ба...
Лутера, называетъ Гуттен...
то это можетъ быть смѣ...
вину умному и глубокому...
безсердечной смѣлости. ...
нымъ и здоровымъ слаб...
же отецъ, напротивъ, въ ...
недостатки, въ особенно...
говъ. Тотъ же Гуттенъ, ...
католическаго историк...
больной совсѣмъ даже ...
шемъ случаѣ Янсенъ. ...

Эгельхаафъ [4]) сравн...
чаетъ, что послѣдній ...
сенъ—изъ-за своей те...
ный, многотомный ...

1) Gieseler. Lehrbuch ...
2) Baur. Kirchengeschi...
3) Janssen. Geschichte...
4) Egelhaaf. Deutsche...
5) Объ Янсенѣ см...

..асны между собой. Это благо за-
. Германіи. Но подъ чьей властью
..ная Германія—на это разные исто-
... Кромѣ того, здѣсь примѣшивается
..ныхъ симпатій, о которомъ мы уже
..али бы единства сплошь католиче-
..лошь протестантскаго. Одни думаютъ,
..дъ, причина разъединенія Германіи
..маціи; другіе—что виноватъ въ этомъ
..й не всталъ на Вормскомъ сеймѣ во
..го движенія. Такъ, по крайней мѣрѣ,

..няютъ обыкновенно къ ученикамъ Шлос-
.. словами, къ Гейдельбергской школѣ,
..нусомъ, Кортюмомъ, Гагеномъ. Шлоссеръ
..лся большимъ почетомъ въ Германіи; но
..сто бываетъ, его стали бранить, и Вегеле
..ріи германской историографіи говоритъ [1]),
Исторія Шлоссера совершенно позабыта въ
..ныхъ чертахъ. Но переведенная на русскій
..щая Исторія Шлоссера пользовалась и поль-
..ъ и теперь, при крайней бѣдности русской на-
..ратуры по всеобщей исторіи, извѣстной популяр-
..ри всѣхъ ея достоинствахъ она въ высшей степени
.. какъ-то странно даже теперь читать утвержденія
..а въ родѣ, напр. такихъ, что возставшіе испанскіе
при Карлѣ Пятомъ руководились тѣми же стремле-
что и революціонеры во Франціи при Людовикѣ XVI.
..го странной, старческой наивностью въ изображеніи
..рическихъ событій Гейссеръ часто бываетъ очень по-
..ь на своего учителя Шлоссера. Но въ другомъ у него
..о сходнаго. Шлоссеръ былъ, по вѣрному выраженію Ве-
..е [2]), натурой космополитической: для него человѣчество
..о выше всего. Для Гейссера, какъ и для Гервинуса,—

[1]) Wegele. Geschichte der deutschen Historiographie. Стр. 1064.
[2]) Ibid. Стр. 1068.

нѣмецкаго историка, мы видимъ это поклоненіе власти безотносительно до того, въ чемъ она состоитъ. Я не думаю, чтобъ Янсенъ имѣлъ какую-нибудь скверную цѣль: онъ, видя, что многое валится и ломается подъ вліяніемъ холодной всепожирающей волны времени, судорожно цѣпляется за что попало, лишь было бы за что хвататься, онъ ищетъ предмета вѣры, но онъ не вѣритъ. За то онъ искренно ненавидитъ всѣхъ сомнѣвающихся, отрицающихъ, разрушающихъ прежнее, за то онъ и облилъ бранью Гуттена, что тотъ ломалъ старое. „То, что было враждебно фантому свободы, безграничной и туманной, все это Гуттенъ старался уничтожить, какъ деспотизмъ. Какая-либо великая идея никогда не волновала его“. Такъ говоритъ Янсенъ [1]) про Гуттена. Даже бѣдность и ту готовъ Янсенъ поставить въ упрекъ несчастному рыцарю [2]). Намъ еще придется въ самомъ сочиненіи поближе познакомиться съ Янсеномъ, съ его странными мыслями и еще болѣе странными цитатами. Но, повторяю, въ наукѣ его взгляды не имѣли значенія. Онъ изображаетъ Карла Пятаго агнцемъ, который стремится къ имперіи въ старомъ смыслѣ и котораго все французы обижаютъ.

Впрочемъ, у Янсена есть одна черта, за которую многое простится: онъ, кажется, любитъ свою родину. Онъ считаетъ, что реформація много виновна въ тѣхъ несчастіяхъ, которыя Германія испытывала въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ вѣкахъ. Впрочемъ, кто-же изъ нѣмцевъ не любитъ своей родины, кто не сожалѣетъ о ея бѣдствіяхъ; только одни (въ этомъ случаѣ Янсенъ стоитъ не одинъ) признаютъ, что вся вина въ реформаціи, другіе думаютъ, что виноватъ католицизмъ и его защитники т. е., другими словами, Карлъ Пятый. При оцѣнкѣ Карла Пятаго выступаетъ, такимъ образомъ, новый элементъ—элементъ національный, элементъ патріотическій: Карла Пятаго начинаютъ судить, поскольку онъ содѣйствовалъ благу Германіи. Относительно того, въ чемъ должно заключаться это благо, всѣ историки, какъ

---

1) Janssen. Geschichte des deutschen Volks. T. II. Стр. 56.

2) Ibid. Стр. 259.

вообще всѣ нѣмцы, согласны между собой. Это благо заключается въ единствѣ Германіи. Но подъ чьей властью должна быть объединенная Германія—на это разные историки отвѣчаютъ различно. Кромѣ того, здѣсь примѣшивается тотъ элементъ религіозныхъ симпатій, о которомъ мы уже говорили. Католики желали бы единства сплошь католическаго; протестанты—сплошь протестантскаго. Одни думаютъ, что причина всѣхъ бѣдъ, причина разъединенія Германіи заключается въ реформаціи; другіе—что виноватъ въ этомъ Карлъ Пятый, который не всталъ на Вормскомъ сеймѣ во главѣ реформаціоннаго движенія. Такъ, по крайней мѣрѣ, думаетъ Гейссеръ.

Гейссера причисляютъ обыкновенно къ ученикамъ Шлоссера или, другими словами, къ Гейдельбергской школѣ, вмѣстѣ съ Гервинусомъ, Кортюмомъ, Гагеномъ. Шлоссеръ прежде пользовался большимъ почетомъ въ Германіи; но потомъ, какъ часто бываетъ, его стали бранить, и Вегеле въ своей исторіи германской исторіографіи говоритъ [1]), что Всеобщая Исторія Шлоссера совершенно позабыта въ своихъ основныхъ чертахъ. Но переведенная на русскій языкъ Всеобщая Исторія Шлоссера пользовалась и пользуется у насъ и теперь, при крайней бѣдности русской научной литературы по всеобщей исторіи, извѣстной популярностью. При всѣхъ ея достоинствахъ она въ высшей степени устарѣла: какъ-то странно даже теперь читать утвержденія Шлоссера въ родѣ, напр. такихъ, что возставшіе испанскіе города при Карлѣ Пятомъ руководились тѣми же стремленіями, что и революціонеры во Франціи при Людовикѣ XVI. Этой то странной, старческой наивностью въ изображеніи историческихъ событій Гейссеръ часто бываетъ очень похожъ на своего учителя Шлоссера. Но въ другомъ у него мало сходнаго. Шлоссеръ былъ, по вѣрному выраженію Вегеле [2]), натурой космополитической: для него человѣчество было выше всего. Для Гейссера, какъ и для Гервинуса,—

---

[1]) Wegele. Geschichte der deutschen Historiographie. Стр. 1064.

[2]) Ibid. Стр. 1068.

выше всего благо Германіи, ея національные интересы [1]). Вотъ поэтому то Гейссеръ и скорбитъ объ разъединенности Германіи. По мнѣнію Гейссера, Карлъ Пятый могъ бы объединить Германію подъ своей властью, если бы всталъ во главѣ реформаціи и не издалъ бы Вормскаго эдикта. „Минута, потерянная въ 1521 году", говоритъ Гейссеръ [2]), „была невозвратима. Это было несчастіемъ для императора, но вмѣстѣ съ тѣмъ несчастіемъ и для нашей націи; послѣдствія этого она терпитъ и понынѣ".

И такъ, мы видимъ, что политическимъ идеаломъ Гейссера была Германія, объединенная подъ властью императора. Но у другихъ историковъ политическіе идеалы бываютъ другіе. Гейссеръ въ усиленіи княжеской власти въ Германіи видитъ всю бѣду; по его мнѣнію, только императорская власть могла объединить Германію. У Вебера же княжеская власть, составлявшая въ двадцатыхъ годахъ шестнадцатаго вѣка такъ называемое „имперское правительство", могла объединить Германію. Веберъ прямо говоритъ: „имперское правительство стало дѣйствовать въ національныхъ интересахъ, приняло свободу совѣсти и независимость нѣмецкаго народа подъ свою защиту; противъ возникшаго государственнаго единства Германіи возсталъ Францъ Зикингенъ" [3]). Другіе видятъ причину разъединенія Германіи въ томъ, что Габсбурги со своими наслѣдственными землями были носителями императорской власти. Третьи, наоборотъ, полагаютъ, какъ напримѣръ Ланцъ [4]), что интересы націи и императорской власти были одни и тѣ же и то, что было горемъ для націи, было горемъ и для императора.

Всѣ вышеприведенныя утвержденія явились результатомъ не тщательной разработки фактовъ, а лишь извѣстныхъ политическихъ симпатій. Глубоко страдая о разъединеніи Гер-

---

[1]) О политическихъ взглядахъ Гейссера см. предисловіе проф. Трачевскаго къ Исторіи Революціи Гейссера.

[2]) Häusser. Исторія Реформаціи. Стр. 46.

[3]) Веберъ. Всеобщая Исторія. Т. X. Стр. 138.

[4]) Lanz. Actenstücke und Briefe zur Geschichte Kaiser Karl's V, Einleitung. Стр. XVII.

маніи, всѣ нѣмецкіе историки стремятся найти виновника въ этомъ несчастіи своей родины. Одни считаютъ виновникомъ Лутера, другіе — Карла Пятаго; одни полагаютъ, что только императоръ могъ-бы объединить Германію, другіе находятъ, что сами князья, если бы не было крестьянскаго и рыцарскаго возстанія, объединили бы Германію. Это различіе при рѣшеніи важнаго историческаго вопроса зависитъ отъ различія политическихъ мнѣній, которое очень сильно въ Германіи. Почему происходитъ это различіе—отвѣчать слишкомъ долго: вѣроятно, это различіе происходитъ отъ того, что каждый по своему любитъ свою родину и по своему, если и понимаетъ ея благо одинаково съ другими, думаетъ о достиженіи этого блага: Римъ одинъ, но различны пути къ нему. Этотъ Римъ для нѣмцевъ—могучая, нераздѣльная Германія. Какъ можно было достигнуть этого идеала, почему онъ не достигнутъ былъ раньше — на это разные историки отвѣчаютъ различно. Но у всѣхъ существуетъ убѣжденіе, что, если бы не помѣшали извѣстныя обстоятельства въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка, то Германія была бы едина и была бы сильна. Это чисто патріотическое убѣжденіе,—оно не вытекаетъ изъ фактовъ. А это убѣжденіе часто можно встрѣтить въ нѣмецкихъ исторіяхъ реформаціи: оно туманитъ истинное изображеніе прошлаго, оно вредитъ наукѣ.

Что составляетъ силу Германіи, что всего важнѣе для ея единства,—отвѣтъ на это дается не изъ изученія исторіи, а на основаніи личныхъ симпатій. А личныя симпатіи между собой часто очень различны. Янсенъ полагаетъ, что католицизмъ могъ бы объединить Германію, Гейссеръ думаетъ, что это сдѣлалъ бы протестантизмъ; Ланцъ—что это сдѣлала бы Габсбургская монархія, Веберъ—что это сдѣлали-бы сами князья, Штраусъ—что это сдѣлало бы просвѣщеніе. Въ особенности интересенъ тутъ примѣръ Штрауса: патріотическое убѣжденіе, что и въ началѣ шестнадцатаго вѣка Германія непремѣнно объединилась бы, раздѣляетъ человѣкъ, который всегда стоялъ далеко отъ оффиціальной науки и не былъ въ обществѣ нѣмецкихъ профессоровъ, ихъ мнѣній и партій. „Протестантизмъ въ борьбѣ съ католической реакціей совершенно разбилъ единство и могущество Германіи“,

говоритъ Штраусъ въ своей монографіи объ Ульрихѣ Гуттенѣ... [1]) Германія, слѣдовательно, не только могла объединиться, она была уже. объединена въ шестнадцатомъ вѣкѣ: Штраусъ, такимъ образомъ, идетъ дальше нѣмецкихъ профессоровъ. Штраусъ говоритъ это подъ вліяніемъ патріотизма: онъ патріотъ, любитъ свою родину и нисколько этого не скрываетъ. Но, кромѣ всего этого, Штраусъ литераторъ, а какъ литераторъ, какъ человѣкъ слова онъ стремится къ свѣту, просвѣщенію, духовной свободѣ. Онъ рыцарь просвѣщенія, рыцарь родной національной нѣмецкой литературы. Это просвѣщеніе, эта литература и объединили, по его мнѣнію, Германію. „Изъ общечеловѣческаго образованія германскаго народа“, говоритъ Штраусъ „произошло политическое единство и могущество, произошло новое нѣмецкое государство“. Но вѣдь въ началѣ шестнадцатаго вѣка, по Штраусу же, существовало и единство, и могущество Германіи, а Германія при этомъ вовсе не была просвѣщена; слѣдовательно, единство и могущество Германіи вовсе не связаны съ ея просвѣщеніемъ, какъ говорилъ сейчасъ только Штраусъ. Выходитъ что-то странное: оба стремленія Штрауса—и Штрауса, какъ литератора, и Штрауса, какъ патріота—оба эти стремленія сплелись въ одинъ клубокъ, какъ единоборцы у Данта... Происходитъ ужасная путаница очертаній: если одинъ рисунокъ на стеклѣ положить на другой и посмотрѣть на свѣтъ, произойдетъ тоже самое. Штраусъ говоритъ то изъ стремленія къ политическому могуществу Германіи, то изъ стремленія къ просвѣщенію. Какъ литераторъ, онъ желаетъ процвѣтанія торговли, которая, по его мнѣнію, оказывала неоцѣненныя услуги просвѣщенію[2]). Какъ патріотъ, онъ желаетъ войнъ и одобряетъ ихъ, забывая, что нѣсколько страницъ предъ тѣмъ онъ осуждалъ ихъ, потому что онѣ вредятъ торговлѣ. Какъ патріотъ, онъ бранитъ реформацію, осуждаетъ Лутера за его споръ съ Цвингли, потому что все это вносило разладъ въ политическое устройство Германіи. Какъ литераторъ, онъ хвалитъ реформацію за то, что она

---

1) Strauss. Ulrich von Hutten. Стр. 573.
2) Ibid. Стр. 319.

избавила Германію отъ всѣхъ, по его мнѣнію, представителей тьмы: клерикаловъ, схоластиковъ, ультрамонтанскихъ писателей, вообще отъ всѣхъ римскихъ людей; за это Штраусъ прощаетъ реформаціи все, даже разъединеніе Германіи[1]). Какъ литераторъ, Штраусъ готовъ стоять за самую большую политическую свободу, какъ патріотъ—онъ желаетъ сильной государственной власти. Какъ литераторъ и ученый, онъ одинаково любитъ всѣ націи; какъ патріотъ, онъ считаетъ нужнымъ выбранить французовъ за хвастовство [2]). Происходитъ путаница, мутность, неясность мыслей подъ вліяніемъ личныхъ симпатій. Но эти личныя симпатіи очень естественны: очень понятно и даже похвально, что Штраусъ любитъ свою родину, любитъ просвѣщеніе, ненавидитъ обскурантизмъ. А въ результатѣ выходитъ искаженіе истины.

Вообще, я думаю, трудно, очень трудно писать исторію своей родины. Въ концѣ концовъ, всегда являются убѣжденія, выросшія на религіозной или политической почвѣ, и эти убѣжденія, какъ призма, преломляютъ свѣтъ исторической правды. Нѣтъ нѣмецкаго ученаго, который не любилъ бы своей родины, или не былъ бы религіозенъ, а слѣдовательно, нѣтъ нѣмецкой исторіи реформаціи, гдѣ не было бы уклоненія отъ истины подъ вліяніемъ этихъ убѣжденій. Но не смотря на все это, нѣмецкая историческая наука—все-таки великая наука: въ ней есть много удивительныхъ изображеній прошлаго, много замѣчательныхъ историческихъ изслѣдованій, а если и замѣчается патріотическое и религіозное искаженіе событій, то этого нельзя ставить въ вину, какъ нельзя ставить въ вину Рафаэлю, что онъ ошибался въ перспективѣ и плохо изображалъ древесную листву. Еще разъ повторяю, ни одна наука не сдѣлала больше нѣмецкой науки для уясненія прошлаго Западной Европы. Много великихъ, много геніальныхъ ученыхъ работало на германской научной нивѣ. И для уясненія исторіи первой половины шестнадцатаго вѣка, т.-е. исторіи реформаціи, никто не сдѣлалъ больше

---

1) Strauss. Ulrich von Hutten. Стр. 533.
2) Ibid. Стр. 125.

того, что сдѣлала и дѣлаетъ нѣмецкая наука вообще, Ранке и его школа въ частности.

Въ Германіи существовали и другія школы, онѣ существуютъ и теперь; но школа экономистовъ очень мало занималась шестнадцатымъ вѣкомъ, если не считать Лампрехта. Юристы занимались царствованіемъ Карла Пятаго лишь слегка, Гейдельбергская же школа ужасно стара, не смотря на то, что ея сочиненія довольно молоды по времени. Когда, напримѣръ, Гейссеръ [1]) увѣряетъ, что библія Лутера принесла большую пользу, потому что въ нее въ нѣмецкихъ семьяхъ записывались всѣ важнѣйшія событія изъ жизни домочадцевъ, то это приниженіе значенія великой книги къ роли календарей въ помѣщичьихъ семьяхъ даже не смѣшно, а, просто, старо, какъ давно вышедшее изъ моды, бывшее когда-то моднымъ платье. Что касается до Вебера, то многое у него изображено съ какой-то отчасти полудѣтской, отчасти полустарческой наивностью. Развѣ только у старыхъ и добродушныхъ историковъ XVII вѣка можно встрѣтить подобныя утвержденія: напримѣръ, что люди могутъ умирать отъ печали, [2]) заболѣвать отъ страха [3]) и другихъ душевныхъ волненій. Веберъ не стѣсняется, напримѣръ, объяснить появленіе радикальныхъ элементовъ среди лутеранъ тѣмъ, что нѣкоторые лутеране обидѣлись на словесныя оскорбленія со стороны католиковъ и сдѣлались радикалами [4]). Да и потомъ фактическая канва бываетъ ужасно сбита у Гейссера и Вебера. По поводу вышедшей недавно послѣдней части исторіи Вебера въ русскомъ переводѣ, даже въ петербургскихъ газетахъ указывалось на то, какія странныя несообразности говоритъ Веберъ о движеніяхъ русскаго войска въ послѣднюю турецкую кампанію. Ошибки Вебера бываютъ иногда даже совсѣмъ непростительны. Въ одномъ, напримѣръ, мѣстѣ нѣмецкій историкъ говоритъ [5]) о существованіи двухъ университетовъ въ Падуѣ и въ Венеціи. Но

[1]) Häusser. Исторія Реформаціи. Стр. 64.
[2]) Веберъ. Всеобщая Исторія. Т. X. Стр. 17.
[3]) Ibid. Стр. 87.
[4]) Ibid. Стр. 145.
[5]) Ibid. Т. XI. Стр. 697.

на самомъ дѣлѣ, въ Венеціи университета не было, а университетъ былъ только въ Падуѣ. Вообще Веберъ и Гейссеръ часто путаются въ годахъ и даютъ неправильныя даты, хотя, можетъ быть, и незначительныхъ событій. Все это остатки добраго стараго времени, того добраго времени, когда исторія была отчасти предметомъ удовольствія, отчасти арсеналомъ ржаваго оружія. Но все это исчезло послѣ трудовъ Ранке: не даромъ одинъ ученый (Хальвихъ) сравниваетъ Ранке съ молніей, очистившей душную атмосферу.

Ранке первый поставилъ на твердую научную почву изученіе прошлаго своей родины. Вегеле въ своей исторіи нѣмецкой исторіографіи говоритъ, что установленные Ранке методъ и техника изслѣдованія едва ли подвергнутся основному измѣненію со временемъ[1]). Гизебрехтъ разсказываетъ, что въ самомъ началѣ научной карьеры Ранке читалъ романы Вальтеръ Скотта и былъ возмущенъ тѣмъ искаженіемъ исторіи, которое онъ встрѣтилъ въ нихъ. „Онъ принялъ рѣшеніе", по словамъ Гизебрехта [2]), „не допускать въ своихъ работахъ ничего, что не было бы обосновано фактами". Ранке сталъ слѣдовать методу Нибура, сталъ примѣнять критическій анализъ и издалъ въ 1824 году свою исторію романскихъ и германскихъ народовъ съ 1494—1535 года, а въ качествѣ дополненія, второй свой трудъ „Къ критикѣ историковъ новаго времени" (Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber). Въ первомъ трудѣ своемъ онъ изобразилъ прошлое, какимъ оно на самомъ дѣлѣ было; во второмъ онъ указалъ, какими путями онъ достигъ этого результата. „Настоящее убѣжденіе начинается сомнѣніемъ", говорилъ онъ потомъ... [3]) Я не знаю, но мнѣ кажется, что заслуга Ранке чрезвычайно велика—гораздо больше, чѣмъ думаютъ: ужъ одно то, что по нѣкоторымъ періодамъ, ну хоть по шестнадцатому вѣку, Ранке установилъ правильно и твердо фактическій остовъ, тотъ остовъ, ту канву событій, безъ которой не вышьешь никакого историческаго узора.

---

[1]) Wegele. Geschichte der Historiographie. Стр. 1042.
[2]) Giesebrecht. Gedächtnissrede von L. Ranke. Стр. 6.
[3]) Winckler. L. Ranke. Lichtstrahlen aus seinen Werken. Стр. 163.

Нѣкоторые считаютъ Ранке геніальнымъ. Я боюсь говорить это слово, но все-таки какъ-то непонятно, чудесно и странно своей чудесностью многое, что касается судьбы его сочиненій. Вѣдь 50 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ вышло знаменитое сочиненіе Ранке о Германіи въ реформаціонный періодъ, и, вѣдь, чего не было въ эти 50 лѣтъ! Молодое стало старымъ, красивое — безобразнымъ, холодная волна времени, о которой говорится въ одномъ изъ маленькихъ стихотвореній Виктора Гюго, унесла много надеждъ и вѣрованій, смыла нѣсколько почернѣвшихъ кумировъ, поглотила много, очень много умныхъ и, когда-то, молодыхъ книгъ, а сочиненія Ранке все еще молоды, какъ старый, но все еще зеленый дубъ на холмахъ Шварцвальда, и „Исторію Германіи въ реформаціонный періодъ“ всѣ—и Мауренбрехеръ, и Эгельхаафъ—считаютъ самымъ авторитетнымъ сочиненіемъ.

Пройдетъ много лѣтъ, будущіе посѣтители берлинской королевской галлереи картинъ, въ которой висятъ портреты выдающихся германскихъ дѣятелей за послѣднее время, будущіе посѣтители, повторяю я, позабудутъ многія лица: имъ ничего не будетъ говорить ни Моммсенъ съ сухими нервными глазами, ни находящійся тутъ-же Гельмгольцъ, который сидитъ за спектроскопомъ, даже о самомъ императорѣ Вильгельмѣ, скачущемъ на рыжемъ конѣ не подалеку отъ портретовъ великихъ ученыхъ, — будущіе посѣтители будутъ мало помнить, но, увидавъ маленькій портретъ Ранке въ орденахъ, въ синемъ фракѣ съ двумя звѣздами, увидавъ его, они непремѣнно узнаютъ стараго историка своей родины и улыбнутся ему, какъ знакомому. Даже и до сихъ поръ, когда Ранке лѣтъ семь какъ ужъ умеръ, да и теперь никто какъ-то не осмѣливается посмотрѣть на него съ исторической точки зрѣнія, указать мѣсто его среди другихъ историковъ: твердой и точной критической оцѣнки великаго историка до сихъ поръ еще нѣтъ.

Мы имѣемъ матеріалы для біографіи Ранке и его переписку, изданные Дове. Есть также нѣсколько общихъ характеристикъ (напр. проф. Виноградова, Гизебрехта), есть сборникъ изреченій Ранке, составленный, по правдѣ сказать, очень неудачно Винклеромъ, есть нѣсколько некрологовъ

(Revue Historique, Историческій Вѣстникъ), десятокъ страницъ нѣмецкой исторіографіи Вегеле, но всего этого слишкомъ недостаточно, такъ что въ данное время трудно сказать о Ранке что-либо опредѣленное. Мы находились въ крайнемъ затрудненіи, но ничего не сказать о Ранке мы все-таки не рѣшились.

Говоря о Ранке, всегда говорятъ объ его объективности. „Знаменитая объективность Ранке", говоритъ проф. Виноградовъ [1]), „прямо вытекаетъ изъ его историческаго пониманія, изъ признанія самостоятельнаго права всякаго законченнаго существованія, всякой исторической силы отстаивать себя". Можетъ быть, это и такъ, но вполнѣ объективнымъ признать Ранке трудно. Объективность Гете второй части Фауста, спокойно взирающаго подъ старость на мелкій, ничтожный родъ людской, такая объективность никогда не была свойствомъ Ранке: онъ многое любилъ и многое ненавидѣлъ. Относительно политики у него были свои строгіе и твердые взгляды. Напримѣръ, Ранке самъ нѣсколько разъ говоритъ въ своей перепискѣ о своихъ собственныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ взглядахъ на многіе вопросы. „Я расхожусь совершенно съ Тьерри относительно политики" [2]), говоритъ въ одномъ письмѣ Ранке. Какъ ни какъ, Ранке всегда отдаетъ предпочтеніе нѣмцамъ передъ французами, протестантамъ передъ католиками. „Никто не будетъ сомнѣваться, что Исторія Германіи въ реформаціонный періодъ написана убѣжденнымъ протестантомъ", говоритъ въ своей рѣчи Гизебрехтъ [3]). Но въ общемъ безспорно, что Ранке выше всего ставилъ историческую правду. Противополагая себя французскимъ историкамъ, Ранке говоритъ: „всѣ эти люди полны вопросами дня, я же стараюсь стать на историческую точку зрѣнія" [4]).

Для того, чтобъ правильно изобразить прошлое, нужно все понимать, и Ранке все стремился понять и многое понималъ. Я не знаю, но никогда я не читалъ болѣе высокой,

---

[1]) Русская Мысль. 1888 г. Кн. III.

[2]) Ranke. Zur eigenen Lebensgeschichte. Her. Dove. Стр. 345.

[3]) Giesebrecht. Gedächtnissrede Стр. 16.

[4]) Ranke. Zur eig. Lebensgeschichte. Стр. 350.

честной и свѣтлой книги, чѣмъ изданная Дове переписка Ранке: изъ-за покрытыхъ типографской краской листовъ сквозитъ такое доброе, честное, хорошее лицо германскаго ученаго, какое... ну, какое ужъ навѣрное не встрѣтишь ни на прямыхъ и жесткихъ улицахъ Берлина, ни среди раззолоченнаго вѣнскаго рококко. Такія лица теперь если и попадаются, то далеко отъ пышныхъ, шумныхъ и надоѣдливыхъ столицъ, такія лица можно видѣть еще на Рейнѣ, среди зубчатыхъ обломковъ замковъ, среди мягкой зелени виноградниковъ, въ маленькихъ веселыхъ университетскихъ городахъ, — тамъ, гдѣ такъ много думаютъ и такъ много мечтаютъ, глядя, какъ багровое солнце розовымъ золотомъ дрожитъ на далекомъ Рейнѣ, тамъ, гдѣ слушаютъ музыку Мендельсона и поютъ хоромъ молодыя пѣсни германскихъ студентовъ, гдѣ любятъ поэзію Шиллера, лунную ночь въ горахъ и старую нѣмецкую пѣснь про храбраго рыцаря и коварную красавицу, тамъ, гдѣ боготворятъ все прекрасное и ненавидятъ пошлость и полицейскихъ, а главное, ни про кого не злословятъ, никого не бранятъ. Ранке тоже никого не бранитъ и ни про кого не злословитъ, даже съ католикомъ Кампшульте, у котораго взгляды совершенно различны со взглядами Ранке, и съ тѣмъ не ссорится великій историкъ. Въ Исторіи Эрфуртскаго университета Кампшульте Ранке видитъ серьезныя достоинства и считаетъ своимъ долгомъ обратить вниманіе издателя Гейбеля на Исторію Кальвина, составленную Капмшульте. „Изслѣдованіе налагаетъ обязанность безпристрастія“, говоритъ Ранке [1]). Ранке протестантъ и убѣжденный протестантъ, но никогда не бранитъ ни за что, ни про что католическую религію, какъ это дѣлаютъ другіе протестантскіе историки (и не одни нѣмцы, а и историки другихъ національностей: вспомнимъ, напримѣръ, итальянца Комба (вальдейца), англичанина Фруда и др.) Ранке самъ сознается, какимъ благоговѣніемъ наполнилась душа его, когда онъ ночью однажды посѣтилъ соборъ Парижской Богоматери [2]), или когда онъ днемъ во время

---

1) Ranke. Zur eig. Lebensgeschichte. Стр 485.
2) Ibid. Стр. 443.

службы зашелъ подъ дряхлые своды Св. Стефана въ Вѣнѣ [1]). Но не одни звуки церковнаго органа ударяютъ по струнамъ его сердца. Съ какой любовью говоритъ онъ о музыкѣ, о Вагнерѣ и Мейерберѣ [2]), съ какой свѣтлой радостью вдыхаетъ онъ въ себя весенній воздухъ Парижа и любуется на зелень Тюльерійскихъ каштановъ [3]).

Про великаго старца Гете Баратынскій говорилъ, что онъ все понималъ, все ему было доступно; но это былъ Гете, это былъ богъ, олимпіецъ, какъ онъ самъ называлъ себя. Ранке былъ смертный, а ни одинъ смертный всего понять не можетъ. Ранке не все понималъ, хотя онъ ко всему подходилъ кротко и незлобиво, стараясь все уяснить себѣ, все простить... Во-первыхъ, Ранке былъ нѣмецъ. Я этимъ не хочу сказать ни плохого, ни хорошаго, но, во всякомъ случаѣ, Ранке родился въ Тюрингіи, былъ въ нѣмецкой монастырской школѣ, потомъ въ 1814 году поступилъ въ Лейпцигскій университетъ, а потомъ былъ учителемъ во Франкфуртѣ на Одерѣ. Самъ Ранке нѣсколько разъ подтверждаетъ, какую силу имѣютъ надъ человѣкомъ событія юности. „Впечатлѣнія, воспринимаемыя въ юности", говоритъ Ранке, „имѣютъ вліяніе на всю послѣдующую жизнь"... [4]). Ранке все-таки нѣмецъ и протестантъ, хотя, можетъ быть, все это въ самой незначительной степени.

Взятіе Рима буйными и дикими войсками Карла Пятаго, это знаменитое Sacco di Roma, запачкавшее царствованіе Карла Пятаго своимъ безобразіемъ, Ранке старается подвести подъ взрывъ національнаго нѣмецкаго чувства ненависти къ Риму. А между тѣмъ, разсказывая о событіяхъ въ Сербіи при Черняевѣ, Ранке говоритъ, что всѣ русскіе были пьяны сербской водкой и были всѣ сплошь искатели приключеній [5]). Нѣмецкій историкъ совсѣмъ просмотрѣлъ всякую идею въ этомъ движеніи. Изъ этого мы видимъ, что Ранке не всегда былъ въ состояніи освобождаться отъ цѣпкихъ на-

[1]) Ibid. Стр. 172.
[2]) Ibid. Стр. 481.
[3]) Ibid. Стр. 441.
[4]) Winckler. Lichtstrahlen. Стр. 167.
[5]) Ranke. Zur eig. Lebensgeschichte. Стр. 622.

ціональныхъ предразсудковъ. Иногда религіозныя убѣжденія Ранке сдавливали его безпристрастіе. Про отца Гіацинта Ранке говоритъ [1]), что этотъ послѣдній представляетъ собою явленіе не почтенное, а клерикальное. Здѣсь чувствуется, что Ранке протестантъ. До извѣстной степени это мѣшало ему все понимать, но, вѣдь, въ сущности все понимать не такъ ужъ особенно похвально: вѣдь, бываютъ такія мерзости, которыхъ лучше не понимать.

Ранке былъ свѣтлый, умный, хорошій человѣкъ, онъ любилъ науку, любилъ родину, его волновали идеи ясныя и чистыя; онъ болѣе или менѣе воображалъ всѣхъ людей такими. „Въ большихъ, внутреннихъ рѣшеніяхъ", говоритъ Ранке [2]), „я признаю искренними людей". Но, конечно, бываютъ и такіе люди, которыхъ невольно каждый заподозритъ въ неискренности, хотя они и даютъ очень важныя нравственныя рѣшенія. Искренность многихъ проповѣдниковъ аскетизма у насъ и на Западѣ очень и очень подозрительна. Ранке не хочетъ сомнѣваться въ людяхъ; онъ воображаетъ людей лучше, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Бываютъ люди, которые во всемъ дѣйствуютъ изъ-за матеріальной выгоды. Ранке и такихъ не понимаетъ. Онъ самъ дѣйствовалъ, руководствуясь идеями, такъ же дѣйствуютъ, по его мнѣнію, и остальные люди. Думая такъ, Ранке ошибался, потому что, если и нельзя объяснить всю совокупность жизненныхъ явленій факторами матеріальной жизни, то все-таки нельзя не согласиться, что извѣстное изреченіе [3]), что „статистика— остановившаяся исторія, исторія — продолжающаяся статистика", что это изреченіе имѣетъ за собой хоть и не всю, но, во всякомъ случаѣ, извѣстную, можетъ быть, и незначительную долю истины. Но Ранке никогда не раздѣлялъ этого убѣжденія. По мнѣнію Ранке, людскими дѣлами управляетъ Богъ. „Что людскіе разсчеты", говоритъ въ одномъ мѣстѣ Ранке,—„Божье предопредѣленіе смѣется надъ ними".

---

[1]) Ranke. Zur. eig. Lebensgeschichte. Стр. 501.

[2]) Winckler. Lichtstrahlen. Стр. 163.

[3]) М. Ковалевскій поставилъ это изреченіе эпиграфомъ къ своему изслѣдованію о крестьянскомъ хозяйствѣ во Франціи. Рус. Бог. № 2. 93 г.

Это одно изъ самыхъ основныхъ убѣжденій Ранке [1]. „Идеи“, говоритъ Ранке [2], „которыя основываютъ собою извѣстное состояніе людей, заключаютъ въ себѣ божеское и вѣчное, хотя не въ полномъ объемѣ. Поэтому, одно время эти идеи бываютъ благодѣтельны, даруютъ многому жизнь, и новыя созданія подымаются ихъ дыханіемъ. Потомъ эти идеи смѣняются другими. Это—проявленіе Бога въ мірѣ“. Итакъ, Богъ посылаетъ идеи людямъ, и эти идеи руководятъ міромъ. Бороться съ вызванными ими движеніями невозможно отдѣльному человѣку [3]. Въ этихъ идеяхъ вся сила, а сила привлекаетъ все, даже и деньги [4]. Отдѣльные люди являются представителями этихъ идей и эти отдѣльные люди—властители. Идеи, двигающія міръ, это идеи нравственно-религіознаго характера [5]. Но религіозно-нравственныя идеи пропитываютъ собою государственное устройство [6]. Хотя міромъ, все-таки, по мнѣнію Ранке, управляетъ Богъ. „Всегда человѣчество смотрѣло на эту Вѣчную Силу, всегда поклонялось ей“ [7], говоритъ Ранке. Но эта Вѣчная Сила проявляется въ идеяхъ. „Исторія никогда не должна терять изъ виду вѣчныя идеи, обусловливающія духовную жизнь человѣчества“, говоритъ въ другомъ мѣстѣ Ранке [8]. Вотъ каковъ историческій символъ вѣры Ранке. Вспомнимъ, что Тьеръ, знаменитый, гордый Тьеръ называлъ Ранке великимъ историкомъ Европы [9], и не будемъ ни одного слова говорить ни въ охужденіе, ни въ возвеличеніе вышеприведенныхъ мыслей Ранке. Когда смотришь на солнце, то въ сущности ничего не видно: глазамъ больно, текутъ слезы... Ранке такое же солнце.

Но какъ ни какъ, а все-таки Ранке выросъ подъ свѣтло-

---

1) L. Ranke. Französische Geschichte. T. I. (Sämmtliche Werke т. VIII) Стр. 396.
2) Ranke. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. T. I. Стр. 55.
3) Ibid. T. III. Стр. 74.
4) Winckler. Lichtstrahlen. Стр. 156.
5) Ibid. Стр. 151.
6) Ranke. Deutsche Geschichte. Стр. 188 и мн. др. т. III.
7) Ibid. Стр. 3. т. III.
8) Winckler. Lichtstrahlen. Стр. 161.
9) Ranke. Zur eigenen Lebensgeschichte. Стр. 374.

голубымъ небомъ Германіи. Эта связь политики съ религіозно-нравственными идеями нигдѣ такъ не возможна, какъ въ Германіи. Ранке со многими властителями, со многими владѣтельными князьями былъ друженъ, онъ вліялъ на нихъ, и многія его идеи приводились въ исполненіе... Вообще Ранке очень сильно почиталъ княжескую власть въ Германіи: это особенно сильно сказалось на постановкѣ занимающаго насъ вопроса о Карлѣ Пятомъ. Онъ говоритъ, что княжеская власть въ шестнадцатомъ вѣкѣ была настолько сильна, что побороть ее не было возможности и Карлъ Пятый, которому одинъ разъ удалось сломить власть князей, былъ самъ побѣжденъ этой властью [1]). Это случилось потому, что съ княжеской властью сплелась другая власть— власть религіозной идеи, власть идеи протестантизма. Ранке особенно настаиваетъ на томъ, что именно княжеская власть взяла въ свои руки дѣло реформаціи. „Духовенство", говоритъ Ранке [2]), никогда не утвердилось бы безъ княжеской власти". Карлъ V не признавалъ княжеской власти. „Карлъ Пятый", говоритъ Ранке [3]), „смотрѣлъ на государство, какъ на право, которое ему доставалось и которымъ онъ могъ распоряжаться, какъ хотѣлъ. Къ концу его царствованія государство стало конгломератомъ (Gemeinschaft) князей". Карлъ Пятый былъ не только династически самолюбивъ, но въ торжествѣ католической церкви онъ видѣлъ предметъ своего честолюбія" [4]). Реформація съ княжеской властью боролась противъ Карла Пятаго: княжеская власть помогала реформаціи, реформація помогала княжеской власти. Landfriede, Kammergericht—организація исполнительной власти—были установлены подъ вліяніемъ реформаціи, а сама реформація подъ вліяніемъ этихъ учрежденій могла крѣпнуть, рости, увеличиваться.... [5]). Еще разъ повторяю: „великая, посланная Богомъ идея реформаціи тѣсно слилась съ княжеской властью. Карлъ Пятый,

---

[1]) Ibid. Стр. 619.
[2]) Ranke. Deutsche Geschichte. Стр. 322. Т. V.
[3]) Ibid. Стр. 301. Т. V.
[4]) Ibid. Стр. 310. Т. V.
[5]) Ibid. Стр. 314. Т. V.

который боролся и противъ князей и противъ реформаціи—по неволѣ долженъ былъ быть побѣжденъ". Таково мнѣніе Ранке. Великій историкъ изображаетъ, такимъ образомъ, нѣмецкихъ князей шестнадцатаго вѣка людьми проникнутыми реформаціонной идеей, онъ считаетъ ихъ представителями протестантизма... Противъ этого можно очень много спорить... Впрочемъ, о Ранке намъ придется много, очень много вспоминать... О Ранке, впрочемъ, вспоминаютъ всѣ работающіе по исторіи Германіи.

Вліяніе Ранке не ограничивается одними сочиненіями: Ранке создалъ цѣлую школу. Его историческій семинарій [1]) создалъ массы научныхъ работниковъ: Гизебрехтъ, Зибель были учениками Ранке. А у этихъ учениковъ были уже свои ученики—да и ученики эти сходятъ въ могилу... Вотъ недавно сошелъ въ могилу Мауренбрехеръ и сошелъ не молодымъ человѣкомъ: ему было пятьдесятъ четыре года [2]). Время, какъ посмотришь, идетъ ужасно быстро, а человѣчество движется медленно, тяжело, со стономъ и слезами.

Мауренбрехеръ занимался исторіей реформаціи въ очень широкомъ объемѣ: много его сочиненій имѣютъ соприкосновеніе съ нашей темой. Въ 1865 году имъ была издана монографія о Карлѣ Пятомъ и нѣмецкихъ протестантахъ. Въ 1874 году—Studien und Skizzen zur Geschichte der Reformationszeit. Въ 1882 году—Очеркъ дѣятельности Карла Пятаго въ Allgemeine Deutsche Biographie. Въ 1880 году—Исторія католической реформаціи, т. е. католической реакціи другими словами, а въ 1886 г., 1888 и 1889 гг.—нѣсколько этюдовъ по исторіи Тридентскаго собора въ редактируемомъ имъ Historisches Taschenbuch. Намъ много придется говорить объ освѣщеніи Мауренбрехеромъ отдѣльныхъ вопросовъ и часто придется спорить съ умнымъ и холоднымъ историкомъ.

Умъ, разумъ,—я думаю, его одного недостаточно для того, чтобы правильно изображать прошлое. Нужно прежде всего любить людей, чтобы понять, о чемъ думали, во что вѣрили, на что надѣялись такіе же люди, какъ и мы, за нѣсколько

---

[1]) См. статью Брикнера. Вѣстникъ Европы 1893 г.—іюнь.
[2]) Revue Historique. 93 г. Т. I. Стр. 216.

столѣтій передъ нами. Мауренбрехеръ былъ уменъ, снабженъ свѣдѣніями, но онъ былъ холоденъ, холоденъ, какъ сталь, при помощи которой высѣкаютъ фигуры изъ камня... По мнѣнію Мауренбрехера, Карлъ Пятый былъ настоящимъ Габсбургомъ [1]). Онъ, какъ и всякій Габсбургъ, стремился къ увеличенію своего могущества, какъ и всякій Габсбургъ понималъ императорскую власть въ средневѣковомъ смыслѣ [2]). Кромѣ того, въ Карлѣ Пятомъ скрывалось испанское вліяніе: во-первыхъ, маккіавелизмъ Фердинанда Католика и ревность къ религіи бабки его Изабеллы. Воспитывался Карлъ Пятый нидерландцами и среди нидерландцевъ [3]). Карлъ Пятый стремился къ церковному единству, но это единство было невозможно [4]). У Ранке, даже у стараго Робертсона Карлъ Пятый живой человѣкъ, его можно любить и ненавидѣть. У Мауренбрехера Карлъ Пятый не живой человѣкъ, а старинная фреска изъ мозаики. Мозаика всегда рябитъ въ глазахъ и она всегда холодна; такъ же холоденъ, жестокъ и твердъ Карлъ Пятый у Мауренбрехера. „Твердо и стойко (starr und steif) стоялъ Карлъ на своемъ“, говоритъ, напримѣръ, про Карла Пятаго Мауренбрехеръ [5]). Я думаю, что Мауренбрехеръ эту жесткость и твердость считаетъ громаднымъ достоинствомъ; онъ самъ старается казаться такимъ.

Въ предисловіи къ своимъ Studien und Skizzen Мауренбрехеръ старается всѣхъ увѣрить въ томъ, что ему нѣтъ никакого дѣла до общественнаго мнѣнія и что онъ считаетъ нужнымъ пренебрегать симпатіями и антипатіями читающей публики. Но для этого Мауренбрехеръ недостаточно высокъ ростомъ. Уже въ своей „Исторіи Католической Реформаціи“ онъ является нѣсколько сбитымъ съ своего первоначальнаго взгляда на энциклопедическій составъ характера Карла Пятаго. Онъ признаетъ тамъ, что Карлъ Пятый былъ прежде всего испанцемъ [6]). Да и въ прежнихъ сочиненіяхъ пыль на-

---

1) Maurenbrecher. Studien und Skizzen. Стр. 105.
2) Ibid. Стр 103.
3) Ibid. Стр. 107.
4) Ibid. Стр. 128.
5) Historisches Taschenbuch. 1890 Стр. 321.
6) Maurenbrecher. Geschichte der Katholischen Reformation. Стр. 185.

ціональныхъ предразсудковъ застилала иногда Мауренбрехеру глаза. Въ Studien und Skizzen онъ бросаетъ, напримѣръ, подобнаго рода утвержденіе: „мы говоримъ о специфическомъ, самовластномъ, напыщенномъ и надменномъ направленіи политики Бурбоновъ; мы также можемъ говорить, что Гогенцолернамъ присуще особое чувство государственности, вслѣдствіе чего личность властителя совершенно отожествляется съ интересами государства“ [1]). Изъ этого мы видимъ, что не всякій, объявляющій, какъ Мауренбрехеръ, что онъ не руководится никакими религіозными и политическими симпатіями, не всякій, повторяю я, можетъ написать безпристрастную книгу, какъ не всякій говорящій „Господи, Господи“, можетъ войти въ царствіе небесное.

Наука живетъ преемствомъ идей. Каждое сколько-нибудь выдающееся сочиненіе является лишь отдѣльнымъ звеномъ, связаннымъ съ предыдущими научными работами и съ послѣдующими: одинъ конецъ этой цѣпи теряется во мракѣ временъ, другой кончается книгами, только что изданными. Въ сущности, цѣпь не особенно подходящее названіе. Гораздо лучше то сравненіе, которое употребляли часто дарвинисты, именно—сравненіе съ деревомъ, стволъ котораго и половина вѣтвей закрыты водой: всѣ вѣтки связаны между собой, хотя этого и не видно; дерево растетъ, прибавляются новыя вѣтки, которыя поднимаются все выше и выше, но эти новыя вѣтки выходятъ изъ прежнихъ вѣтвей. То же самое происходитъ въ научной нѣмецкой литературѣ о Карлѣ Пятомъ: взгляды мѣняются, и въ одно и то же время существуетъ нѣсколько взглядовъ. Такъ, въ настоящее время существуетъ два или, вѣрнѣе, три взгляда на Карла Пятаго. Выражены эти взгляды наиболѣе ясно въ работахъ трехъ ученыхъ—Эгельхаафа, Бецольда и Баумгартена. Скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

Эгельхаафъ въ 1884 году издалъ „Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation“, а въ 1889 г. первый томъ своей „Deutsche Geschichte im sechzehnten Jahrhundert bis zum Augsburger Religionsfrieden“; за этимъ томомъ послѣдовалъ второй въ 1892

---

[1]) Maurenbrecher. Studien und Skizzen. Стр. 101.

году. Эгельхаафъ, конечно, полонъ многихъ національныхъ предразсудковъ; рецензентъ „Русской Мысли“ упрекаетъ [1]) Эгельхаафа въ возвеличеніи Лутера. Но это общая болѣзнь всѣхъ протестантскихъ писателей; Эгельхаафъ же даетъ все-таки нѣчто новое. Возвеличивая Лутера, Эгельхаафъ однако довольно ясно высказывается противъ положенія Ранке, что князья стали защитниками реформаціи: по мнѣнію Эгельхаафа, ни имперское правленіе въ началѣ двадцатыхъ годовъ не стояло за реформацію, ни Шпейерскій сеймъ въ 1526 году не далъ чинамъ имперіи религіозной автономіи [2]). Вообще, Эгельхаафъ выдвигаетъ впередъ политическіе вопросы: не одна религія волновала умы въ двадцатыхъ годахъ шестнадцатаго вѣка, но и политическій вопросъ объ отношеніи власти императора къ власти князей. Трудно, конечно, опредѣлить, чѣмъ вызванъ этотъ взглядъ: можетъ быть, Эгельхаафъ писалъ подъ вліяніемъ тѣхъ вопросовъ, которые бродили недавно по обширной Германской имперіи въ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годахъ, когда нужно было урегулировать власть отдѣльныхъ князей съ властью императора. — О Карлѣ Пятомъ Эгельхаафъ говоритъ, что онъ стремился къ имперіи въ средневѣковомъ смыслѣ и желалъ церковнаго единства [3]). Онъ былъ представителемъ старыхъ, уже отжившихъ стремленій. „Если дѣдъ Максимиліанъ называется романтикомъ, то внукъ Карлъ заслуживаетъ въ три раза больше этого имени“, говоритъ нѣмецкій историкъ. Карлъ Пятый стремился къ тому, чтобы протестанты признали соборъ: это было альфа и омега его политики[4]). У Эгельхаафа много неяснаго, но все-таки видно, что Карлъ Пятый въ религіозныхъ вопросахъ руководился извѣстной идеей.

По мнѣнію Бецольда, никакой религіозной идеи у Карла Пятаго не было: онъ былъ политикъ и только политикъ. „Единственная искренняя страсть этой скрытой натуры была

---

[1]) Русская Мысль. 1890 г. Кн. 8. Стр. 361—367.

[2]) Egelhaaf. Deutsche Geschichte im sechzehnten Jahrhundert. T. I. Стр. 658.

[3]) Egelhaaf. Geschichte Deutschlands. Стр. 439.

[4]) Egelhaaf. Geschichte Deutschlands. Стр. 371.

политика“, говоритъ Бецольдъ [1]), „даже сама нелицемѣрная религіозность Карла до такой степени проникнута элементами политики, интересы католической вѣры до такой степени прикрываются интересами его монархіи, что въ томъ неслыханномъ смѣшеніи религіозныхъ и свѣтскихъ теченій, которое характеризуетъ его время, мы никогда не можемъ сказать, чтобы Карлу Пятому при выборѣ цѣли и средствъ мѣшали религіозныя соображенія“. Таково мнѣніе нѣмецкаго ученаго. Бецольдъ изображаетъ Карла Пятаго какимъ-то маніакомъ политики, человѣкомъ безъ увлеченія, смѣха и улыбки. Въ такомъ отношеніи чувствуется какая-то грубость, подобная, пожалуй, той, съ которой изображались дѣятели реформаціи на современныхъ имъ гравюрахъ, такъ художественно воспроизведенныхъ у Бецольда.

Эгельхаафъ въ своемъ разборѣ книги Бецольда удивляется тому, что, по мнѣнію Бецольда, Карлъ Пятый казался старикомъ съ самой своей юности (greisenhaft von Jugend auf)[2]). Но намъ кажется страннымъ, что Эгельхаафъ не подчеркнулъ въ своей рецензіи всей разницы, которая существуетъ между его взглядомъ на Карла Пятаго и взглядомъ Бецольда. По Бецольду, Карлъ Пятый, достойный внукъ Фердинанда Католическаго, послѣдователь Маккіавелли, черствый политикъ съ тусклыми глазами, однимъ словомъ Карлъ Пятый, котораго мы видимъ на портретѣ кисти Тиціана въ Мюнхенской галлереѣ. По мнѣнію же Эгельхаафа, Карлъ Пятый — внукъ императора Максимиліана, человѣкъ, проникнутый ненужной, неуклюжей, но все-таки красивой идеей средневѣковой императорской власти — Ille Imperii Caesar..., какъ гласитъ надпись на гравюрѣ 1531 года Бартеля Бехама. Эта гравюра помѣщена у Бецольда, но видѣнный нами оригиналъ этой гравюры въ Мюнхенскомъ собраніи не совсѣмъ почему-то сходенъ съ его воспроизведеніемъ у Бецольда.

Среди этихъ двухъ представленій о Карлѣ Пятомъ и колеблются всѣ изображенія великаго императора въ современныхъ историческихъ сочиненіяхъ. Только одинъ Баум-

---

[1]) Bezold. Geschichte der Deutschen Reformation. Въ Коллек. Онкена. Стр. 700.
[2]) Historische Zeitschrift. 1893 г. Стр. 128. Кн. I.

гартенъ рѣшилъ примирить между собой эти два изображенія: онъ изображаетъ Карла Пятаго властителемъ, проникнутымъ идеей средневѣковой императорской власти, но проводящимъ эту идею посредствомъ современныхъ ему средствъ, посредствомъ тонкихъ и холодныхъ политическихъ расчетовъ. Въ первомъ томѣ своемъ Баумгартенъ старается выяснить идею политическаго равновѣсія того времени, старается доказать, что Карлъ Пятый если вступалъ въ союзъ съ Англіей, то имѣлъ перевѣсъ надъ Франціей; если же Франція вступала въ союзъ съ Англіей, то она получала перевѣсъ надъ Карломъ Пятымъ. Въ первомъ томѣ — 536 страницъ. Кромѣ того, въ первомъ томѣ Баумгартенъ старается подчеркнуть значеніе Шьевра и доказать, что Карлъ Пятый лично въ политикѣ участія почти не принималъ. Во второмъ томѣ Карлъ Пятый начинаетъ уже дѣйствовать. Баумгартенъ говоритъ [1]), что Адріанъ VI и Карлъ V имѣли тѣ же убѣжденія, руководились однѣми и тѣми же цѣлями. Далѣе, Баумгартенъ на страницѣ 153 утверждаетъ, что Карлъ Пятый сталъ представителемъ испанскихъ интересовъ. Потомъ Баумгартенъ подчеркиваетъ односторонность утвержденія Ранке, что въ началѣ двадцатыхъ годовъ шестнадцатаго вѣка имперское управленіе Германіи стояло во главѣ реформаціи. Относительно Шпейерскаго сейма 1526 года Баумгартенъ прямо говоритъ, что при современномъ состояніи историческихъ свѣдѣній нельзя уже держаться мнѣнія Ранке, т. е. что на этомъ сеймѣ имперскимъ чинамъ была дана религіозная автономія [2]). Потомъ Баумгартенъ говоритъ, что въ кругу идей Карла V представленіе о дружественномъ соотношеніи папской и императорской власти являлось въ сущности центромъ [3]). Во второмъ томѣ 706 страницъ....

Баумгартенъ въ сущности задался идеей написать полную и подробную исторію Карла Пятаго, явиться преемникомъ Робертсона. Кромѣ того, Баумгартенъ хотѣлъ свести къ одному всѣ результаты ученыхъ изслѣдованій по эпохѣ

---

[1]) Baumgarten. Geschichte Karl's V. T. II. Стр. 71.
[2]) Baumgarten. Geschichte Karl's V. T. II. Стр. 569.
[3]) Ibid. Стр. 628.

Карла Пятаго. Онъ написалъ 1250 страницъ и дошелъ только до 1530 года. Онъ сообщаетъ массу фактовъ, хотя и не особенно хорошо профильтрованныхъ. Но что касается до взгляда Баумгартена на Карла V, то взглядъ этотъ какъ-то мутенъ и неясенъ. Это происходитъ не отъ обилія подробностей, а отъ чего то лежащаго въ самомъ Баумгартенѣ. Въ маленькой брошюрѣ, которую издалъ Баумгартенъ, несмотря на то, что она очень мала, все-таки существуетъ та же матовость взглядовъ, хотя Баумгартенъ прямо признаетъ, что Карлъ Пятый стремился къ возвеличенію императорской власти въ самомъ обширномъ объемѣ какъ въ дѣлахъ мірскихъ, такъ и въ духовныхъ. Онъ хотѣлъ быть настоящимъ главою христіанства, истиннымъ защитникомъ церкви. Для того, чтобы достигнуть этого, онъ прибѣгалъ къ самымъ точнымъ холоднымъ расчетамъ [1]). Баумгартенъ говоритъ, что самостоятельное національное развитіе являлось само по себѣ отрицаніемъ политическаго идеала Карла Пятаго [2]). Вообще, Баумгартенъ пишетъ съ литературной точки зрѣнія очень хорошо; но слогъ его какъ-то мало говоритъ сердцу читателя, такъ же мало, какъ... красивый хрестоматичный разсказъ о молитвѣ Карла Пятаго послѣ битвы при Павіи. Впрочемъ, можетъ быть, все это обусловливается самой задачей Баумгартена — составить полный сводъ свѣдѣній о Карлѣ Пятомъ. Въ сборникахъ, хрестоматіяхъ, энциклопедическихъ словаряхъ рѣдко можно увидать авторскую личность.

О первыхъ двухъ томахъ были даны самые лучшіе отзывы. Только въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ появился отзывъ съ укоризной Баумгартену. „Появившаяся въ концѣ прошлаго года „Исторія Карла V“ Страсбургскаго проф. Германа Баумгартена“, говорится въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, „оказывается далеко не лишнею (sic!?). Авторъ начинаетъ съ изслѣдованія: была-ли мать Карла V, несомнѣнно безумная въ 1529 г., такою же въ младенчествѣ своего сына (?!!). Но ни этотъ вопросъ, ни оцѣнка событій, имѣвшихъ вліяніе на воспитаніе ребенка, не разъяснены окончательно Баумгарте-

---

1) Baumgarten. Karl V und die Deutsche Reformation. Стр. 55.

2) Ibid. Стр. 31.

номъ (?!)“ [1]). Этотъ отзывъ очевидное недоразумѣніе. У Баумгартена о сумасшествіи Іоанны почти совсѣмъ не упоминается. Въ остальныхъ отзывахъ европейскихъ ученыхъ книгу Баумгартена хвалили. Филиппсонъ сдѣлалъ докладъ Бельгійской Академіи о книгѣ Баумгартена, какъ о сочиненіи, представляющемъ очень серьезный интересъ какъ вообще для науки, такъ и для исторіи Бельгіи въ частности [2]). „C'est depuis Robertson le premier travail d'ensemble que l'on ait entrepris sur la vie du grand monarque“, говоритъ Филиппсонъ. Morel-Fatio въ Revue Historique признаетъ такъ же, что M. Baumgarten était parfaitement qualifié pour prendre à notre époque la succession de Robertson [3]). Упрекнуть Баумгартена Morel-Fatio счелъ возможнымъ лишь въ томъ, что Баумгартенъ не un homme d'élat и что онъ не знаетъ двухъ только что вышедшихъ диссертацій изъ Ecole des Chartes. Также странно счелъ нужнымъ упрекать Баумгартена Эгельхаафъ, говоря, что Баумгартенъ, если такъ подробно будетъ излагать о Карлѣ Пятомъ, то принужденъ будетъ издать еще цѣлыхъ восемь томовъ [4]). Но Баумгартенъ самъ раздумалъ писать такъ подробно. Его третій томъ, изданный въ 1892 году, носитъ уже совсѣмъ другой характеръ.

Баумгартенъ, во-первыхъ, сузилъ свою задачу, откинулъ многое изъ дѣятельности Карла V (напримѣръ, хоть отношеніе Карла Пятаго къ новымъ американскимъ владѣніямъ); во-вторыхъ, расширилъ ее, такъ какъ счелъ нужнымъ прибѣгнуть къ изученію архивнаго матеріала. Баумгартенъ подчеркиваетъ, что Карлъ Пятый сталъ смотрѣть болѣе покойно и трезво на окружающее. „Ничего не боящееся католическое воодушевленіе Карла Пятаго уступило мѣсто холодному расчету“, говоритъ Баумгартенъ [5]). „Боязливая осторожность, холодная сдержанность были въ то время

---

1) Историческій Вѣстникъ. 1886 г. Февр. Стр. 486.

2) M. Philipson. Bulletins de l'Academie Royale des Sciences, des Lettres et des Beaux Arts de Belgique. T. XIII. 1887 г. Стр. 329—331.

3) Revue Historique. 1887. Juillet-Août. Стр. 405—407.

4) Egelhaaf. Historische Zeitschrift. 1888 г. T. II. Стр. 317—319.

5) Baumgarten. Geschichte Karl's V. T. III. Стр. 33 и 17.

тактикой императора“, говоритъ Баумгартенъ [1]). Кромѣ того, Баумгартенъ приподнимаетъ ту роль, какую играло въ исторіи Германіи разногласіе между Лутеромъ и Цвингли [2]). Но во всемъ остальномъ Баумгартенъ старается доказать свою основную мысль, что Карлъ Пятый стремился къ средневѣковому идеалу и между тѣмъ не былъ чуждъ современныхъ ему политическихъ пріемовъ. Но пріемы мѣшали самой цѣли, и происходила путаница [3]). „Судьбою Карла V было“, по мнѣнію Баумгартена, „что при самомъ хладнокровномъ взвѣшиваніи политическихъ и военныхъ явленій дѣйствительности онъ дѣлался жертвой своего фантастическаго мірового призванія“ [4]). Но матовость взглядовъ остается и въ третьемъ томѣ. Самъ Баумгартенъ говоритъ, что ошибаются тѣ, которые приписываютъ Карлу Пятому ясные опредѣленные взгляды [5]).

Въ третьемъ томѣ у Баумгартена проглядываетъ иногда какой-то странный патріотизмъ, патріотизмъ не общегерманскій, а какой-то провинціальный, страсбургскій. Баумгартенъ почему-то желаетъ подчеркнуть роль Страсбурга, его значеніе. Такъ, напримѣръ, онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ: „никогда Германія не имѣла лучшаго гражданина, болѣе чистаго человѣка, болѣе благочестиваго протестанта, чѣмъ страсбуржецъ Якобъ Штурмъ“ [6]). Намъ, русскимъ людямъ, непонятно, на какой почвѣ могъ вырости подобный патріотизмъ; да и вообще многое непонятно для насъ на Западѣ...

Впрочемъ я позволю себѣ остановиться. Я помню, въ одномъ миленькомъ наброскѣ Бернардена де С.-Пьера говорится, что вполнѣ ничего описать нельзя, что даже вполнѣ подробнаго описанія цвѣтка земляники быть не можетъ. „Желать что-либо описать вполнѣ—это такъ же безумно, какъ желать вычерпать горстями океанъ“, говоритъ онъ. Нѣмецкую научную литературу, имѣющую отношеніе до нашей

[1]) Ibid. Стр. 86.
[2]) Ibid. Стр. 37, 47, 95, 273.
[3]) Ibid. Стр. 122. См. также о средневѣк. идеалѣ Карла V. Стр. 174, 195.
[4]) Ibid. Стр. 210.
[5]) Ibid. Стр. 332.
[6]) Ibid. Стр. 320.

темы, можно сравнить съ океаномъ: въ ней также есть свои глубины, но также есть и своя пѣна. Мы ужъ говорили объ этой пѣнѣ, объ этомъ безсмысленномъ упражненіи гирями историческаго анализа. Безчисленные доктора философіи берутъ темы иногда по исторіи реформаціи; они также пишутъ и о Карлѣ Пятомъ. Они выхватываютъ какое-нибудь отдѣльное событіе изъ его царствованія или даже отдѣльный годъ и безъ всякаго отношенія къ послѣдующему и предыдущему скучно оттачиваютъ свой критическій мечъ, часто совершенно безцѣльно, такъ какъ потомъ они дѣлаются учителями гимназіи, и мечъ ихъ ржавѣетъ въ ножнахъ. „Въ Германіи, когда оконченъ курсъ въ университетѣ", говоритъ Вадингтонъ[1]), „и нужно писать докторскую диссертацію, выбираютъ тему поспеціальнѣе, которую начинаютъ съ одной какой-нибудь даты и кончаютъ другой какой-нибудь датой, неизвѣстно почему, такъ какъ нѣтъ ни введенія въ началѣ, ни заключенія въ концѣ. Въ сосѣднихъ съ университетомъ архивахъ нашли нѣсколько неизданныхъ писемъ, нѣсколько новыхъ деталей относительно и безъ того уже извѣстной эпохи. Быстро берутся за работу, читаютъ или пробѣгаютъ литературу предмета, такъ какъ совѣсть еще не потеряна, а потомъ безъ всякихъ объясненій приступаютъ къ самой сущности. Когда написано достаточно страницъ, дѣло сдѣлано". Все это правда, но особенной печали для нѣмецкой науки изъ этого все-таки не проистекаетъ: въ мастерской, гдѣ много работаютъ, всегда пыльно.

Въ англійской и французской научной литературѣ нѣтъ пожалуй такихъ безцѣльныхъ книгъ, какъ диссертація Hellwig'a „Die politischen Beziehungen Clemens VII zu Karl V im Jahre 1526". Но за то, если не считать стараго Робертсона, американца Прескотта, маленькой книжки журналиста Стирлинга и нѣсколькихъ рѣзкостей Мотлея, то ничего касающагося до Карла Пятаго въ англійской научной литературѣ мы не найдемъ; да и то, что найдемъ, будетъ незначительно въ сравненіи съ нѣмецкой литературой. Робертсонъ слишкомъ устарѣлъ, Мотлей чрезчуръ громко бранится, называя

---

[1]) Revue Historique. 93 г. I. Стр. 154.

Карла V „тираномъ, имя котораго должно быть предано на вѣчный позоръ". Остаются Прескоттъ и Стирлингъ.

У англичанъ и американцевъ въ отношеніи ихъ къ остальной Европѣ ужасно много общаго: то же снисходительное исканіе курьезовъ внѣшней культуры, то же холодное и высокомѣрное отношеніе ко всему. Они знаютъ Европу, пожалуй, больше русскихъ, но ихъ интересуетъ лишь самая поверхность жизни, поверхность, которая дрожитъ и играетъ въ радужныхъ краскахъ: ихъ занимаютъ одни лишь дворцы, церкви, ордена, фигуры чертей на Страсбургскомъ соборѣ, мистеріи въ Ober-Ammergau... Въ этомъ отношеніи и Прескоттъ и Стирлингъ похожи другъ на друга.

Прескоттъ собственно разсказываетъ лишь о концѣ Карла Пятаго, объ его отреченіи и жизни въ монастырѣ. Отъ мелкихъ анекдотическихъ подробностей, грубо выкрашенныхъ Прескоттомъ, ужасно рябитъ въ глазахъ. Я не понимаю, къ чему приводятся эти анекдоты. Одинъ умный, способный, но плохо направленный русскій писатель въ своей статьѣ о Гофманѣ говоритъ, что романы Вальтеръ Скотта потому имѣли успѣхъ въ Англіи, что нѣсколько веселили отъ томящей скуки, царствующей на Островѣ. По разсказамъ, и въ Америкѣ страшно скучно. Прескоттъ хочетъ занять чѣмъ-нибудь угрюмую публику и разсказываетъ ей о гордыхъ благородныхъ кастилльянцахъ, галантныхъ французахъ и хитрыхъ маврахъ. По всей вѣроятности, онъ и самъ не вѣритъ въ истинность того, что онъ сообщаетъ. Вотъ, напримѣръ: „Филиппъ былъ вооруженъ съ головы до ногъ, что вовсе не шло къ нему. Но, кажется, ему пріятно было видѣть себя въ военномъ костюмѣ" [1]). Но почему это Прескотту „кажется", рѣшительно непонятно. Все это цвѣты краснорѣчія; но собраны они довольно талантливо. Когда читаешь у Прескотта, что французы были удивлены вѣжливостью Альбы, пріѣхавшаго сдѣлать формальное предложеніе принцессѣ Елисаветѣ отъ имени своего государя, когда читаешь, что „Альба старался слѣдовать французскимъ обычаямъ, кланялся придворнымъ дамамъ, но въ

---

1) Прескоттъ. Исторія Царствованія Филиппа II. Т. I. Стр. 143.

присутствіи будущей королевы не пользовался своимъ правомъ, стоялъ съ непокрытой головой, что весьма удивляло французовъ, не ожидавшихъ, вѣроятно, такой утонченной вѣжливости, вполнѣ достойной благороднаго кастильца" [1]), когда читаешь этотъ бутафорски-красивый разсказъ, то чувствуешь трепетъ: я ничего не понимаю въ музыкѣ, но дуэтъ изъ «Пуританъ» на меня дѣйствуетъ точно такъ же. Прескоттъ вообще талантливъ: это безспорно. Только русскій переводъ (1858 г) ужасно плохъ: Ноксъ тамъ названъ Кноксомъ [2]).

Стирлингъ менѣе грубъ и менѣе талантливъ. Онъ англичанинъ и литераторъ. У англичанъ есть манера опрощать исторію. Стирлингъ пишетъ о послѣднемъ времени Карла Пятаго, объ его пребываніи въ монастырѣ послѣ отреченія. Стирлингъ старается представить все дѣло очень простымъ, Карла Пятаго уставшимъ отъ жизни, но все еще любящимъ хорошо поѣсть старикомъ [3]). Кромѣ того, онъ старается [4]) выставить Карла Пятаго какимъ то любителемъ старины, покровителемъ искусствъ и ревностнымъ собирателемъ картинъ, какимъ Карлъ Пятый никогда и не былъ. И изъ-за этого неприсущаго совсѣмъ Карлу Пятому ореола ужасно трудно разобрать его лицо, да Стирлингъ и мало заботится объ этомъ: его задачей является дать картину жизни Карла Пятаго въ монастырѣ, а для этого нужно побольше сообщить красивыхъ подробностей. Стирлингъ—не историкъ, а коллекціонеръ интересныхъ разсказовъ; не стремленіемъ къ истинѣ полонъ онъ, а лишь стремленіемъ къ историческому брикабракизму. Эта черта свойственна многимъ англійскимъ писателямъ. Но ею полны также и многіе французы. Вообще, вѣдь, въ сущности это очень характерный фактъ, что отреченіе императора и жизнь его въ монастырѣ почти совсѣмъ не трактуется въ нѣмецкой наукѣ, а между тѣмъ у англичанъ и французовъ является почти единствен-

---

[1]) Прескоттъ. Исторія Царствованія Филиппа II. Т. I., ч. 1. Стр. 177.
[2]) Ibid. Т. I., ч. 2-я. Стр. 74.
[3]) Stirling. Das Klosterleben Kaiser Karls, des Fünften, über. Kaiser. Стр. 51.
[4]) Ibid. Стр. 243, 262.

ной темой изъ жизни Карла Пятаго, на которую направлено вниманіе историковъ. Пишо, Минье и бельгіецъ Гашаръ разрабатываютъ эту тему на французскомъ языкѣ.

Пишо написалъ книгу о Карлѣ Пятомъ: это странная, чудная книга. Страненъ самъ Пишо, его языкъ, его пріемы. Въ приложеніи къ своей книгѣ, тамъ, гдѣ помѣщаются оправдательные документы, Пишо помѣстилъ свою автобіографію, гдѣ говоритъ, что онъ особенно можетъ хорошо написать исторію Карла Пятаго и разсказываетъ про свою тетушку Терезу [1]). Пишо старается провести ту мысль, что Карлъ Пятый отличался не столько политическими свойствами, сколько моральными [2]). Расположенный къ меланхоліи, вслѣдствіе своего рожденія отъ Іоанны Безумной, Карлъ Пятый впалъ въ совершенную меланхолію по смерти своей любимой жены Изабеллы. Это то и было причиной его отреченія [3]). Пишо прямо признаетъ, что для исторической науки анекдотъ имѣетъ значеніе [4]). Интересы дня вводятся имъ въ серьезныя примѣчанія. Однимъ словомъ, Пишо представитель того пыльнаго и не особенно чистаго направленія во французской исторіографіи, какое однако очень распространено. Одна глава у Пишо называется такъ: La femme sous l'empire de Charles-Quint. Цѣлыя восемь страницъ посвящены описанію не особенно легальныхъ отношеній Карла Пятаго къ одной нидерландской дѣвушкѣ. Пишо называетъ ее Маргаритой [5]), Баумгартенъ называетъ ее Жанной [6]). Трудно разобрать, кто болѣе правъ.

Пишо всюду старается выдвинуть двѣ вещи: во-первыхъ, свою собственную личность: онъ всюду подчеркиваетъ свое знаніе, свою оригинальность и бранитъ всѣхъ историковъ, начиная съ Минье. Во-вторыхъ, Пишо подчеркиваетъ силу и значеніе чувства: онъ поетъ цѣлые гимны любви, любви къ женщинѣ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Все это отча-

---

[1]) A Pichot. Charles-Quint, chronique, etc. Стр. 545.

[2]) Ibid. Стр. 590.

[3]) Ibid. Стр. 486.

[4]) Ibid. Стр. 348.

[5]) Ibid. Стр. 95—103.

[6]) Baumgarten. Geschichte Karl's V. T. II. Стр. 57.

сти національныя черты, отчасти, можетъ быть, результатъ времени. Пишо издалъ свою книгу въ 54 году, въ то время, когда всѣ политическія вѣрованія лежали въ грязи, когда всѣ знамена были захватаны сальными руками. Единственно, что осталось еще не загрязненнымъ, это чувство любви къ женщинѣ. Кромѣ того, въ это время пошла масса сѣрыхъ, одинаковыхъ людей: они были всѣ похожи между собой, какъ... кусокъ миткаля похожъ на другой такой же кусокъ... Дюжина задавала тонъ: хотѣлось выбиться изъ нея — поговорить о себѣ. Поэтому, можетъ быть, Пишо и говоритъ о себѣ такъ много. Пишо пишетъ разбросанно, горячо и нѣсколько безтолково, подражая Виктору Гюго и Ламартину. Его врагъ Минье пишетъ совсѣмъ иначе.

Минье пишетъ въ холодномъ тонѣ большихъ французскихъ классиковъ. Онъ пишетъ опредѣленно, точно и сжато. Все ясно и понятно, какъ на хорошемъ геометрическомъ чертежѣ, какъ на картинѣ стараго французскаго художника изъ римской жизни. Относительно революціи, о которой такъ много, бѣшено и горячо писали, у Минье есть свой опредѣленный, точный взглядъ либерала временъ реставраціи. Бурная, горячая жизнь Парижа девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка изображена у Минье съ холодной опредѣленностью. Одинъ фактъ аккуратно цѣпляется за другой, и вся цѣпь событій выступаетъ въ стройномъ порядкѣ. А между тѣмъ, при этой опредѣленности у Минье все-таки факты сжимаются въ тиски политическихъ убѣжденій. Трефортъ справедливо замѣчаетъ [1]), что Минье въ сущности былъ основателемъ той революціонной легенды, которая потомъ была распространена Тьеромъ. Эта опредѣленность и точность очень хороши при изложеніи военныхъ дѣйствій, и одно изъ лучшихъ сочиненій Минье посвящено исторіи войнъ Карла Пятаго съ Франциском Первымъ. Это, безспорно, очень хорошее пособіе при изученіи отношеній двухъ знаменитыхъ государей. Минье, впрочемъ, до извѣстной степени вредитъ черта, общая многимъ произведеніямъ исторической научной мысли во Франціи: во-первыхъ,

---

[1]) Trefort. Mignet und seine Werke. Стр. 9.

извѣстный консерватизмъ мысли, во-вторыхъ, отсутствіе критики и обиліе анекдотовъ. Эти двѣ черты связаны между собою (Минье потому и приводитъ различные разсказы, что вѣритъ въ ихъ истинность), но все-таки странно какъ-то читать подобныя утвержденія, напр., что курфюрсты лишь потому выбрали Карла Пятаго императоромъ, что боялись нарушить разъ данную присягу [1]). Странно также видѣть ссылки на Брантома въ качествѣ главнаго источника [2]). Изъ старинныхъ изданій довѣрчивыхъ историковъ прошлыхъ вѣковъ Минье выписываетъ цѣлыя страницы съ разговорами Карла Пятаго съ Франциско́мъ и чуть-ли даже не считаетъ ихъ вполнѣ достовѣрными. Но въ общемъ, повторяю, «Rivalité pe François I et de Charles-Quint» — прекрасное сочиненіе: твердо, опредѣленно изображепа въ немъ исторія войнъ до 30 года. Отъ исторіи войнъ ничего больше опредѣленности не требуется.

Исторія отреченія Карла Пятаго, написанная Минье, насъ гораздо менѣе удовлетворяетъ. Мысль Минье заключается въ томъ, чтобы, изобразивъ Карла Пятаго страдающимъ чуть-ли не всѣми недугами, доказать, что задача, возложенная на него судьбою, превышала его силы и что вслѣдствіе этого и произошло отреченіе. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи есть много интересныхъ, хорошихъ частностей; но я рѣшительно не понимаю, что такой умный и хорошій историкъ, какъ Минье, можетъ принимать комплименты придворно-оффиціальнаго стиля за выраженіе истинныхъ чувствъ, какъ это онъ часто дѣлаетъ въ этомъ сочиненіи [3]). Неужели этотъ свѣтскій человѣкъ никогда не видалъ, что за раскрашенной скорлупой бываетъ иногда гнилое яйцо. Мауренбрехеръ говоритъ, [4]) что у Минье въ его „Исторіи Отреченія Карла Пятаго“ находится приковывающая вниманіе характеристика этого императора. „Къ отреченію Карла Пятаго привели“, говоритъ Минье, „болѣзни человѣка, усталость властителя,

---

[1]) Mignet. Rivalité de François I et de Charles-Quint. T. I. Стр. 196.
[2]) Ibid. T. II. Стр. 43.
[3]) Mignet. Charles-Quint, son abdication, напр. стр. 139.
[4]) Allgemeine Deutsche Biographie. T. XV. Ст. Мауренбрехера. Стр. 206.

чувства христіанина“ [1]). Въ такомъ родѣ говорится у Минье все о великомъ императорѣ. Это красиво, холодно и... неглубоко.

Вообще, во французской научной литературѣ мало подводится итоговъ, а больше сообщается фактовъ. Нигдѣ нѣтъ такихъ, какъ тамъ, прекрасныхъ изданій документовъ. Гашаръ, хотя и бельгіецъ, но все-таки очень близкій къ французамъ, замѣчателенъ, какъ прекрасный издатель документовъ и незначительный ихъ толкователь. Изслѣдованій, посвященныхъ отдѣльнымъ вопросамъ изъ эпохи Карла Пятаго, во французской литературѣ очень мало, только развѣ въ послѣднее время, если не считать работъ бельгійца Гашара и Кервина де Леттенхове, появляются подобнаго рода изслѣдованія, напр. Пелльяра [2]).

Впрочемъ, я думаю, намъ нужно остановиться: мы заняли много мѣста, а между тѣмъ мы не перечислили даже самыхъ главныхъ работъ, касающихся нашей темы, мы ничего не сказали ни объ Исторіи Правленія Фердинанда I, составленной Бухгольцомъ, ни о работахъ по исторіи Нидерландовъ Генне и Hoop-Scheffer'а, ни объ итальянской исторіи Карла Пятаго Левы (Storia documentata di Carlo V). Мы также не упомянули о важныхъ работахъ Höfler'а и Druffel'а. Со многими изъ нихъ намъ придется еще встрѣчаться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Во введеніи мы упомянули только о томъ, что насъ поразило или своею характерностью, или наибольшей чистотой и ясностью основныхъ положеній. Намъ казалось, что многое при изображеніи въ научныхъ сочиненіяхъ исторіи Карла Пятаго, что многое, повторяемъ мы, туманится предвзятыми взглядами. Рутина французскихъ историковъ и политическія и религіозныя симпатіи нѣмцевъ сильно тормозятъ на Западѣ правильное отношеніе къ его прошлому. Вообще, трудно, повторяемъ мы, написать правдивую исторію своей родины. Русскіе люди могли бы написать безпристрастную исторію Запада; только для этого нужно еще ждать много

---

1) Mignet. Charles-Quint, son abdication. Стр. 458. Т. II.

2) Paillard. L'Invasion Allemande en 1544.

времени, пожалуй, еще цѣлое столѣтіе. Вспомнимъ, что въ XVI вѣкѣ имѣли самое сказочное понятіе о Россіи, вспомнимъ, какъ удивился Гуттенъ, когда узналъ отъ Герберштейна, что гиперборейскихъ горъ нѣтъ и что по Россіи течетъ Волга[1]). Вспомнимъ, что въ донесеніяхъ Карлу Пятому о союзѣ съ Россіей не говорится никогда, а если упоминается имя Россіи, то лишь по поводу отношеній великаго князя Московскаго къ Польшѣ [2]). Вспомнимъ все это и поймемъ, что русскій народъ—молодой народъ, и русская наука—молодая наука и... терпѣливо будемъ ждать и надѣяться.

Первое русское слово о Карлѣ Пятомъ сказалъ Кудрявцевъ. До него имя Карла Пятаго упоминалось довольно, впрочемъ, часто: Исторія Робертсона была уже переведена на русскій языкъ, въ разговорахъ во дворцѣ Государя Николая Павловича упоминалось о Карлѣ Пятомъ [3]). Одинъ талантливый, но плохо направленный русскій посвятилъ въ своихъ письмахъ изъ Франціи и Италіи нѣсколько страницъ Карлу Пятому. Но Кудрявцевъ все-таки первый отнесся критически ко взглядамъ на Карла Пятаго западныхъ ученыхъ и изложилъ свой собственный взглядъ въ обширной статьѣ, помѣщенной теперь во второмъ томѣ его сочиненій. Если не считать отдѣльныхъ намековъ Стирлинга, то всѣ объясненія таинственнаго отреченія Карла Пятаго у западныхъ ученыхъ кружатся около одного пункта, именно, что Карлъ Пятый отрекся вслѣдствіе *личныхъ* душевныхъ или физическихъ обстоятельствъ. Кудрявцевъ же выдвигаетъ чисто *внѣшнее* обстоятельство—банкротство его политической власти, неудачу въ борьбѣ съ протестантами. Эта неудача послѣдовала вслѣдствіе того, что Карлъ Пятый былъ мечтатель, мысль котораго витала среди туманныхъ идеаловъ средневѣковой жизни, и который былъ еще идеальнѣе въ своемъ воззрѣніи на міръ, чѣмъ современники Готфрида Бульонскаго.

---

1) Strauss. Ulrich Hutten. Стр. 233.

2) Lanz. Correspondenz des Kaisers Karl V. Стр. 112. Т. I.

3) Сѣверный Вѣстникъ. 1893 г. Мартъ. Зап. Смирновой. Стр. 155.

По мнѣнію Кудрявцева, Карлъ Пятый понималъ императорскую власть въ средневѣковомъ смыслѣ. Это положеніе до извѣстной степени можетъ быть обосновано фактами и пользуется до извѣстной степени популярностью въ западноевропейской научной литератутѣ. Но Кудрявцевъ облекаетъ его въ чрезчуръ странную одежду. Вотъ что говоритъ Кудрявцевъ про Карла Пятаго: „Всеобщая война съ врагами христіанскаго міра при помощи и содѣйствіи римской церкви стояла на первомъ планѣ у Карла Пятаго".—„Мысль борьбы съ Турками, уходя далеко отъ своей современности, возвращалась къ давно прошедшимъ и почти забытымъ уже идеаламъ; что бы ни предпринималъ Карлъ для своей цѣли, онъ остался бы одинокъ среди современнаго ему общества, утратившаго самый смыслъ подобныхъ предпріятій". Результатомъ стремленія къ борьбѣ съ Турками являлось желаніе возстановить Священную Имперію и вѣнчаться императорской короной въ Римѣ. „Но возобновить старыя и почти забытыя притязанія на Италію значило окончательно разорвать съ Франціей", замѣчаетъ Кудрявцевъ и поэтому принимаетъ войну съ Францискомъ за „ненужную" войну, вытекающую не изъ потребностей государства, а лишь изъ туманныхъ, давно отжившихъ свой вѣкъ средневѣковыхъ идеаловъ. „Неудивительно", говоритъ Кудрявцевъ, „что Карлъ и его современники часто не узнавали или переставали понимать другъ друга. Когда въ нихъ жила неумолкающая потребность обновленія, Карлъ думалъ только о томъ, чтобы снова вызвать къ жизни духъ среднихъ вѣковъ и, смотря на все окружающее съ ихъ точки зрѣнія, умѣлъ, однако, быть еще идеальнѣе въ своемъ воззрѣніи на міръ, чѣмъ современники Готфрида Бульонскаго, Фридриха Барбароссы, Людовика Святого". Этою-то мечтательностью и думаетъ Кудрявцевъ объяснить то, что Карлъ Пятый не понялъ реформаціоннаго движенія. Мы привели почти подлинныя слова Кудрявцева: въ нихъ попадаются кой-какія странности; такъ, напр., называть притязанія на Италію давно забытыми—это по меньшей мѣрѣ странно.

Взглядъ этотъ приведенъ у Кудрявцева довольно послѣдовательно, хотя иногда онъ сбивается въ сторону. Кудряв-

цевъ, напр., говоритъ: „важнѣйшія рѣшенія Карла обыкновенно истекали прежде всего изъ личныхъ интересовъ; общіе же или государственные, большею частью, стояли у него на второмъ планѣ“ [1],—это утвержденіе не совсѣмъ вяжется съ вышеприведенной характеристикой Карла, какъ человѣка, болѣе идеальнаго, чѣмъ Готфридъ Бульонскій. Кромѣ того, если говорить вполнѣ откровенно—все это изложено у Кудрявцева — преотвратительнѣйшимъ языкомъ. Это какой-то приторный, пухлый—точно сыро испеченная булка—языкъ! А языкомъ этимъ писали всѣ лучшіе люди пятидесятыхъ годовъ. Тогда была въ сущности такая мода. Писали, впрочемъ, и раньше. Я нигода не могъ понять, что такой тонкій критикъ, какъ Бѣлинскій, могъ писать такимъ тягучимъ, паточнымъ языкомъ... И всѣмъ хорошимъ, честнымъ людямъ сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ непремѣнно какъ-то свойственъ этотъ языкъ. Вѣдь право тогдашніе литературные негодяи—вродѣ Сеньковскаго писали куда лучше! Впрочемъ дѣло не въ нихъ, а въ Кудрявцевѣ...

Кудрявцевъ былъ свѣтлый, чистый человѣкъ. Онъ многое зналъ и многое любилъ: онъ любилъ Россію и западный міръ, но и въ Россіи и на Западѣ онъ все-таки многое ненавидѣлъ, многое презиралъ. Онъ былъ представителемъ хорошаго идеализма русскихъ людей сороковыхъ—пятидесятыхъ годовъ; не даромъ онъ былъ другомъ Грановскаго и его ученикомъ. Нужно прочесть статьи его о Вѣнскомъ Бельведерѣ, чтобы понять, какою любовью любилъ онъ все чистое и прекрасное. Реформацію онъ считалъ такимъ же чистымъ и прекраснымъ явленіемъ; онъ не былъ въ состояніи представить себѣ, какъ могъ Карлъ Пятый бороться противъ нея, и сдѣлалъ изъ него ничего непонимающаго мечтателя въ стилѣ среднихъ вѣковъ. При этомъ сказалась другая черта Кудрявцева, именно, какая-то странная довѣрчивость, какая-то мечтательность по отношенію къ самымъ простымъ жизненнымъ вопросамъ. Свой взглядъ Кудрявцевъ доказываетъ выписками изъ оффиціальныхъ писемъ и дипломатическихъ актовъ. Не нужно быть особенно опытнымъ въ жизни,

[1]) Кудрявцевъ. Сочиненія. Т. II. Стр. 406.

чтобы опредѣлить, какъ рѣдко можетъ быть искренна оффиціальная бумага, а въ особенности оффиціальная бумага Карла, который, какъ сознается самъ Кудрявцевъ, былъ воспитанъ вовсе не въ тѣхъ правилахъ, чтобы подписанная имъ бумага могла связать его совѣсть.

Эта довѣрчивость, съ одной стороны, чисто личное свойство Кудрявцева: умный, благородный историкъ бываетъ какъ-то странно наивенъ въ жизненныхъ дѣлахъ. „Грановскій", говоритъ Кудрявцевъ, „могъ припомнить себя играющимъ па коврѣ вмѣстѣ съ другими дѣтьми. Это было, по всей вѣроятности, еще въ Погорѣльцѣ, куда онъ перевезенъ былъ вскорѣ послѣ рожденія и отданъ на воспитаніе кормилицѣ. Но какъ только кончилось кормленіе, дѣдъ потребовалъ его къ себѣ"[1]). Нужно быть очень наивнымъ, чтобы полагать, что у человѣка могутъ оставаться воспоминанія о его грудной жизни. Но, съ другой стороны, Кудрявцевъ наивенъ потому, что онъ весь полонъ благороднаго идеализма юности, наивенъ потому, что богатства западной духовной жизни поразили его, какъ поражалъ въ Средніе вѣка Римъ набожныхъ пилигриммовъ. Съ Кудрявцевымъ изученіе западнаго прошлаго въ Россіи переживало чистый и невинный періодъ отрочества, того отрочества, безъ котораго не бываетъ зрѣлости. Я не знаю, но Кудрявцевъ мнѣ всегда напоминалъ тотъ чистый образъ херувима, который, изображенный на куполѣ храма, едва виднѣется изъ облаковъ ладона и привлекаетъ къ себѣ сердца молящихся. На Западѣ въ храмахъ не встрѣтишь такого херувима, да впрочемъ, среди западныхъ людей не найдешь и Кудрявцева съ его чистой и благородной вѣрой во все хорошее, прекрасное. И всѣмъ занимающимся по западно-европейской исторіи нужно подражать примѣру Кудрявцева, нужно такъ же чисто, какъ и онъ, любить Западъ, его церкви, звуки органа, высокія, голыя стѣны замковъ, вишневые плащи миннезенгеровъ, грубую рясу монаха изъ верблюжьей шерсти и украшенную горностаями одежду венеціанскаго дожа...

Кудрявцевъ много любилъ, но мало понималъ. Истори-

---

[1]) Кудрявцевъ. Сочиненія. Т. II. Стр. 552.

ческій фонъ данной имъ характеристики Карла Пятаго но-правиленъ, невѣренъ. „Ключъ къ поведенію Карла Пятаге нужно искать не въ идеяхъ Готфрида Бульонскаго или нѣмецкихъ Оттоновъ, а въ понятіяхъ и страстяхъ его современниковъ",—говоритъ проф. В. И. Герье. „Когда Гете задумалъ написать Ифигенію",—говоритъ проф. В. И. Герье [1]),—„онъ старался наполнить свое воображеніе образцами греческой пластики и потому цѣлые дни занимался рисованіемъ античныхъ статуй. Историкъ Карла V долженъ былъ искать соотвѣтствующаго настроенія не въ воспоминаніяхъ о крестовыхъ походахъ и Гогенштауфенахъ, а въ исторической галлереѣ итальянскихъ династовъ эпохи Возрожденія — этихъ виртуозовъ политики—такъ вѣрно и рельефно очерченныхъ Буркгардомъ и въ мемуарахъ Филиппа де-Коминя". Наше твердое и искреннее убѣжденіе заключается въ томъ, что русскій историкъ, если онъ полюбитъ и пойметъ западную жизнь прошлыхъ вѣковъ (безъ любви ничего понять нельзя), то онъ въ состояніи будетъ правильно и твердо изобразить исторію Карла Пятаго. Для этого, повторяю, нужно знать и очень много знать. Чтобы знать прошлое, чтобы понимать его, нужно имѣть представленіе о всей совокупности жизни. А жизнь, въ сущности, слагается изъ массы мелочей: солнце отражается всюду—и въ росинкѣ на благоуханномъ лепесткѣ розы, и въ глубокомъ бездонномъ океанѣ; оно дрожитъ и въ грани драгоцѣннаго алмаза, и въ грязномъ осколкѣ разбитаго стекла. И для историка прекомичная шляпа съ наушниками, о которой упоминается въ „Письмахъ темныхъ людей", особенной формы сережки, изображенныя на портретѣ неизвѣстной женщины, приписываемомъ S. del Piombo [2]) (музей во Франкфуртѣ на Майнѣ)—пожалуй гораздо важнѣе, чѣмъ тѣ смотры, свиданія, рукопожатія и лобзанія властителей, объ описаніе которыхъ притупилось уже такъ много историческихъ перьевъ. И мнѣ кажется, что русской наукѣ въ дѣлѣ изображенія западнаго прошлаго вообще и реформаціоннаго періода въ частности, что русской наукѣ при-

---

[1]) Вѣстникъ Европы. 1887 г. Окт. Стр. 580.

[2]) Müntz. Histoire de l'art pendant la Renaissance. T. II. Стр. 822.

надлежитъ славное, хорошее будущее. Но по исторіи реформаціи въ русской наукѣ сдѣлано, повторяю, очень мало.

Кромѣ немногихъ отдѣльныхъ статей, о которыхъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ, въ русской литературѣ можно почерпнуть нѣсколько оригинальныхъ указаній относительно исторіи реформаціоннаго періода. Арсеньевъ въ предисловіи и послѣсловіи [1]) сдѣлалъ одно вѣрное, по нашему мнѣнію, замѣчаніе, что въ нѣмецкой научной литературѣ реформацію считаютъ почему-то исключительно нѣмецкимъ національнымъ явленіемъ. Проф. Карѣевъ въ своей недавно изданной „Исторіи Западной Европы въ новое время“ развиваетъ ту же мысль и старается показать, что реформація Лутера была лишь отдѣльнымъ потокомъ въ общеевропейскомъ реформаціонномъ движеніи. Въ лекціяхъ Петрова и Баура есть нѣсколько вѣрныхъ указаній, отличныхъ отъ утвержденій западно-европейскихъ ученыхъ. Но лекціи Петрова слишкомъ кратки, лекціи Баура изданы слишкомъ плохо... Но, впрочемъ, довольно! Представить полный очеркъ научной литературы о Карлѣ Пятомъ рѣшительно невозможно, невозможно ужъ потому, что нельзя прочесть всѣхъ сочиненій на эту тему. Мы прочли всего какую-нибудь часть литературы о Карлѣ Пятомъ и сочли нужнымъ дать отчетъ о прочитанномъ. Теперь мы позволимъ себѣ перейти къ изложенію тѣхъ выводовъ, которые мы извлекли изъ нашихъ занятій. Но прежде, чѣмъ говорить о дѣятельности Карла Пятаго, прежде чѣмъ стремиться охарактеризовать великаго императора, мы позволимъ себѣ хоть слегка замазать тотъ историческій фонъ, на которомъ выдѣляется его дѣятельность, сказать нѣсколько словъ о томъ времени, въ которое онъ жилъ...

---

[1]) Къ книгѣ Лихачевой „Европейскіе реформаторы“.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отношенія отдѣльныхъ національностей другъ къ другу часто занимали собою русскую и западную литературу. Влад. Соловьевъ требовалъ признанія одной вселенской правды и отрицалъ всякое право на существованіе правдъ помѣстныхъ, національныхъ. Н. Страховъ, послѣдній рыцарь и вмѣстѣ оруженосецъ славянофильства, возставалъ противъ этого. Эти споры какъ то ужасно спутываютъ самые простые и очевидные законы исторической жизни. Исторія насъ учитъ, что въ одно и то же время всѣ народы бываютъ сходны между собой и вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются другъ отъ друга. Въ жизни народовъ бываютъ общія теченія, — я говорю о народахъ, только имѣющихъ между собою сношенія,—но эти теченія въ каждой національности измѣняютъ свою окраску. Намъ нужно опредѣлить, каково было это общее теченіе въ шестнадцатомъ вѣкѣ среди европейскихъ народовъ, намъ нужно опредѣлить ту атмосферу, въ которой жилъ и которой дышалъ императоръ Карлъ V.

Карлъ V родился въ 1500 году. „En el ano 1500 de Cristo, cuando el mundo", говоритъ про Карла V Сандоваль [1]). Намъ нужно опредѣлить, что было до Карла Пятаго въ пятнадцатомъ вѣкѣ... Пятнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ такъ называемаго гуманизма. „Идеи гуманистовъ носятъ не національный, а общечеловѣческій характеръ, чѣмъ и объясняется огромный успѣхъ движенія за Альпами", говоритъ проф. Корелинъ [2]). „Культурное движеніе, извѣстное подъ именемъ

---

[1]) Sandoval. Historia del Emperador Carlos V. Madrid. 1846 г. Стр. 49. T. I.

[2]) Корелинъ. Ранній итальянскій гуманизмъ. Стр. 1086.

Ренесанса, широко и глубоко захватило духовную, отчасти и матеріальную жизнь личности и общества", говоритъ тотъ же авторъ [1]). Намъ нужно разобраться въ томъ, каково было это движеніе. „Къ концу пятидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія въ исторической наукѣ не существовало опредѣленнаго и установившагося взгляда на гуманистическое движеніе", говоритъ профессоръ Корелинъ [2]). Но вѣдь въ сущности и теперь точной и твердой характеристики Ренесанса нѣтъ! Я говорю объ опредѣленномъ, точномъ взглядѣ въ томъ смыслѣ, чтобъ онъ признавался всѣми. Иначе придется признать, что и до пятидесятыхъ годовъ были опредѣленные взгляды. Гизо полагалъ, что Ренесансъ произвели Византійскіе Греки, бѣжавшіе съ Востока, и никто не можетъ сказать, что этотъ взглядъ не былъ бы опредѣленъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

Чѣмъ задавались, какія задачи преслѣдовали дѣятели Ренесанса, какова была основная мысль, основная идея этого движенія, къ чему оно стремилось—на все это разные историки отвѣчаютъ различно. Мюнцъ считаетъ, что въ эпоху Возрожденія царствовали идеи Платона. „При изученіи эпохи Ренесанса нужно безостановочно упоминать о Платонѣ",—говоритъ Мюнцъ во второмъ томѣ [3]), вышедшемъ уже послѣ изслѣдованія проф. Корелина. „Всѣ художники, благодаря философіи Платона, сдѣлались идеалистами", говоритъ Мюнцъ. По мнѣнію же профессора Корелина, классическая древность (а слѣдовательно и идеи Платона) служила только оружіемъ въ борьбѣ со старой культурой и сама по себѣ, своимъ содержаніемъ, своею сущностью никакого вліянія не имѣла [4]). Профессоръ Кирпичниковъ называетъ гуманистовъ піонерами реформаціи [5]). Каутски [6]) (Kautsky) говоритъ, что прямой противоположностью реформаціи былъ гуманизмъ.

---

[1]) Ibid. Стр. 1.
[2]) Ibid. Стр. 1021.
[3]) Muntz. Histoire de l'art pendant la Renaissance. Стр. 836. Т. II.
[4]) Корелинъ. Ранній итальянскій гуманизмъ. Стр. 1076.
[5]) Кирпичниковъ. Предисловіе къ переводу „Похвалы глупости". Стр. XIII.
[6]) Каутски. Сѣв. Вѣстникъ. 1890 г. Кн. II. Стр. 162.

Проф. Карѣевъ говоритъ [1]): „Современная наука все болѣе и болѣе убѣждается въ томъ, что въ основѣ гуманистическаго движенія лежалъ индивидуализмъ“,— но самъ же относитъ къ гуманистамъ Маккіавелли, политическая теорія котораго можетъ быть признана за полное отрицаніе индивидуальной свободы [2]). Во всемъ этомъ нужно разобраться. „Гуманистическій индивидуализмъ характеризуется, во-первыхъ, интересомъ человѣка къ самому себѣ, къ своему внутреннему міру“, говоритъ проф. Корелинъ [3]); „во-вторыхъ, интересомъ во внѣшнемъ мірѣ, преимущественно къ другому человѣку; въ третьихъ, убѣжденіемъ въ высокомъ достоинствѣ человѣческой природы вообще и въ неотъемлемомъ правѣ человѣка развивать свои способности и удовлетворять своимъ потребностямъ; въ четвертыхъ, интересомъ къ окружающей дѣйствительности, поскольку она имѣетъ вліяніе на человѣка“.

Я позволю себѣ возразить на это слѣдующее: во-первыхъ, въ средневѣковой литературѣ можно найти произведенія, проникнутыя чисто-личнымъ характеромъ. Переписка Абеляра и Элоизы представляетъ разительный примѣръ литературнаго произведенія, проникнутаго интересомъ къ горямъ и страданіямъ отдѣльнаго человѣка [4]). Проф. Корелинъ говоритъ, что Боккачіо переноситъ въ литературу личныя дѣла. Но перенесеніе личныхъ дѣлъ въ литературу практиковалось и раньше: стоитъ только вспомнить поэзію миннезенгеровъ, трубадуровъ, Clericorum vagantium. Даже въ тяжелой литературѣ средневѣковой латыни и тамъ, напримѣръ, можно найти произведенія, проникнутыя чисто личнымъ чувствомъ: заключенный въ темницѣ Теодульфъ во многихъ стихотвореніяхъ говоритъ о своихъ мукахъ. [5]) Любовь къ сестрѣ

---

[1]) Карѣевъ. Исторія Западной Европы. Т. II. Стр. 428.

[2]) Ibid. Стр. 423.

[3]) Корелинъ. Ранній итальянскій гуманизмъ. Стр. 1061.

[4]) Я прямо отношу переписку Абеляра и Элоизы къ литературнымъ произведеніямъ; я даже думаю, что ни Абеляръ, ни Элоиза не принимали тутъ никакого участія (см. объ этомъ Sabatini „Abelardo ed Eloisa secondo la traditione popolare“, а также Romania 1880, № 36, Стр. 618).

[5]) A. Ebert. Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters. T. II. Стр. 83.

часто была предметомъ средневѣковыхъ элегій. [1]) Про одну изъ такихъ элегій Эбертъ говоритъ, что она выказываетъ индивидуальный характеръ. [2]) Самъ проф. Корелинъ говоритъ: „Индивидуализмъ, являясь характернымъ свойствомъ гуманистической литературы, не составляетъ ея спеціальнаго признака. Въ этомъ отношеніи гуманисты отличаются отъ своихъ предшественниковъ количественно, а не качественно“. [3]) Индивидуализмъ, безспорно, характеризуетъ собою многія произведенія гуманистической литератры. Но опредѣлять эпоху Возрожденія, какъ эпоху индивидуализма, мнѣ кажется, не вполнѣ правильно, не вполнѣ строго. „Придавая общему названію точное созначеніе, философъ постарается обратить вниманіе на такія свойства, которыя, будучи общи всѣмъ вещамъ, обыкновенно означаемымъ названіемъ, весьма важны и сами по себѣ. Онъ, по возможности, изберетъ такія отличительныя свойства (differentia), которыя приводятъ къ наибольшему числу интересныхъ особенностей (propria)“. Такъ говоритъ Джонъ Стюартъ Милль. [4]) Опредѣлять литературу эпохи Возрожденія, какъ это дѣлаетъ Буркхардтъ, называть индивидуализмъ отличительной чертой этой литературы, мнѣ кажется, не совсѣмъ правильно. Во-первыхъ, индивидуализмъ не общее свойство всѣхъ литературныхъ произведеній, которыя обыкновенно причисляются къ гуманистическому движенію: напримѣръ, Маккіавелли. Во-вторыхъ индивидуализмъ былъ также свойствомъ произведеній средневѣковой литературы.

Рядомъ со взглядомъ Буркхардта, существуетъ другой взглядъ у историковъ на сущность гуманизма: эти историки опредѣляютъ гуманизмъ, какъ возрожденіе классической древности. Представителемъ такого взгляда является Фойгтъ. Но проф. Корелинъ ясно показалъ, что знаніе классическихъ языковъ и литературы само по себѣ еще менѣе, нежели индивидуализмъ, можетъ служить признакомъ гуманистиче-

---

1) Ibid. T. II. Стр. 296.
2) Ibid. T. II. Стр. 297.
3) Корелинъ. Ранній итальянскій гуманизмъ. Стр. 1066.
4) Д. С. Милль. Система Логики. Т. I. Стр. 176.

скаго движенія. [1]) Дѣйствительно, классическую литературу знали и въ Средніе вѣка. Обороты классическихъ писателей встрѣчаются по всей средневѣковой литературѣ. Даже у благочестиваго Алкуина стихотвореніе начинается, напр., такъ: Musa volans veniat Monimagno ferre salutem [2]). Виргилія любили въ Средніе вѣка, Овидія любили и подражали. „Comprehensio Temporum, Mensium, Dierum atque Horarum" — Вандальберта [3]) положительно очень хорошее подражаніе Фастамъ. Къ языческой литературѣ въ Средніе вѣка относились всегда съ большимъ уваженіемъ. Вспомнимъ, что въ самомъ началѣ средневѣковья монахиня Росвита уже подражала римскимъ комедіямъ. Языческую религію, правда, очень бранили въ началѣ (напр. Блаженный Августинъ); но потомъ сильной ненависти и отвращенія не было. Часто повторялись презрительныя выходки по адресу языческихъ боговъ, какъ иногда повторяются онѣ и теперь. К. Мазуринъ характеризуетъ язычество полнымъ всякихъ мерзостей, [4]) но нельзя же думать, что онъ держится такого же мнѣнія относительно классической литературы, иначе онъ не посвятилъ бы свой трудъ памяти М. Н. Каткова. Итакъ, Ренесансъ не опредѣляется ни какъ стремленіе къ индивидуализму, ни какъ возрожденіе классической древности. Нужно найти другое опредѣленіе. До сихъ поръ оно еще не найдено. Проф. Корелинъ говоритъ: „Всесторонняя и детальная исторія внутренняго развитія гуманизма невозможна". [5])

Мы уже раньше говорили о томъ, что до сихъ поръ еще не вполнѣ опредѣлена сущность гуманизма, и что въ исторической наукѣ до сихъ поръ еще нѣтъ единогласно всѣми признаваемаго опредѣленія гуманизма. Почему это происходитъ, отвѣтить на это трудно. Намъ кажется, что, опредѣляя сущность гуманизма, всегда стараются приписать ему положительныя задачи. Но, можетъ быть, у гу-

---

[1]) Корелинъ. Ранній итальнскій гуманизмъ. Стр. 1067.

[2]) Monumenta Germaniae Historica Poetarum Latinorum Medii Aevi T. I, ч. I. Стр. 260.

[3]) Ibid T. II. Стр. 577.

[4]) К. Мазуринъ. Тертулліанъ. Стр. VII.

[5]) Корелинъ. Ранній итальянскій гуманизмъ. Стр. VIII.

манизма задачи были лишь отрицательныя! Въ томъ, что гуманистическое движеніе относилось отрицательно къ идеаламъ средневѣковой жизни — въ этомъ, я думаю, всѣ согласны. Гуманизмъ боролся противъ аскетическо-іерархическаго идеала Среднихъ вѣковъ. (Мы позволили себѣ прибѣгнуть къ опредѣленію Эйкена). Но во имя чего боролись гуманисты? Мнѣ кажется, лишь во имя того, что они не вѣрили въ средневѣковый идеалъ; но я не знаю, вѣрили-ли они во что-нибудь сами. Литература есть зеркало общества. Всякое литературное произведеніе связано со средою, изъ которой оно вышло, какъ это доказывалъ въ своихъ чтеніяхъ объ искусствѣ краснорѣчивый и блестящій, теперь уже лежащій въ могилѣ, Ипполитъ Тэнъ. Отрицаніе средневѣковаго идеала, которымъ характеризуется гуманизмъ, имѣетъ за собою глубокіе корни. Человѣчество никогда не стоитъ на мѣстѣ, оно всегда движется и движется вѣчно. Средневѣковый католицизмъ удовлетворялъ въ теченіе вѣковъ религіознымъ потребностямъ европейскихъ народовъ. Каждый человѣкъ, имѣя въ душѣ своей религіозные запросы, требуетъ удовлетворенія ихъ. Кромѣ того, каждый человѣкъ долженъ имѣть свою обязанность, долженъ нести какую-нибудь свою службу. Средневѣковые люди несли свою службу Богу средневѣковаго католицизма. Каждый человѣкъ несъ свою службу, каждый человѣкъ получалъ отвѣтъ на свои религіозные запросы, хотя одного, можетъ быть, удовлетворяло лишь чувство сліянія съ Божествомъ, лишь глубокое проникновеніе въ тайны религіи; другого-же — наивная, дѣтская молитва предъ какимъ-нибудь святымъ сѣномъ, на которое, по преданію, былъ положенъ въ пещерѣ Спаситель и надъ которымъ съ такимъ ехидствомъ смѣется Лоранъ [1]). Но средневѣковый католицизмъ пересталъ удолетворять религіознымъ запросамъ. Онъ уже не руководитъ дѣйствіями людей: въ него просто не вѣрятъ. Но, не вѣря въ католицизмъ, всетаки нужно во что-нибудь вѣрить.

Когда въ теченіе Среднихъ вѣковъ кого-нибудь не удовлетворялъ католицизмъ, то тогда уходили въ ересь,

---

[1]) Laurent. La Réforme Стр. 86.—Etudes sur l'histoire de l'humanité. T. VIII.

создавали свою собственную религію. Когда холодное невѣріе коснулось умныхъ, талантливыхъ, хорошо знающихъ классическую древность итальянскихъ ученыхъ и писателей, извѣстныхъ подъ именемъ гуманистовъ, то, мнѣ кажется, имъ стало страшно. Люди Возрожденія потеряли вѣру въ старое и не знали, во что вѣрить, что поставить центромъ, къ чему стремиться. Судорожное стремленіе вѣрить, во что бы ни вѣрить, характеризуетъ все Возрожденіе: сегодня они прославляютъ Мадонну, завтра возжигаютъ лампады передъ Платономъ; сегодня хохочутъ надъ средневѣковымъ суевѣріемъ, завтра уходятъ въ таинственныя дебри еврейской кабалы. Рисуютъ въ одно и то же время Венеру и Распинаемаго Христа. Но вѣры все-таки нѣтъ, а между тѣмъ нужно во что нибудь вѣрить, чему нибудь служить.

Средневѣковое папство опиралось на единство религіи среди всѣхъ европейскихъ народовъ. Надъ всѣми европейскими народами стоялъ одинъ духовный владыка—римскій папа. Онъ издавалъ законы религіозной жизни, для всѣхъ обязательные, наказывалъ несогласныхъ съ нимъ, наставлялъ колеблющихся. Ему всѣ служили, всѣ удовлетворялись его законами. Но къ концу Среднихъ вѣковъ перестали удовлетворяться распоряженіями папской власти. Папа все болѣе и болѣе утрачивалъ космополитическій характеръ своей власти, интересы своего папскаго государства онъ принималъ все ближе и ближе къ сердцу, а на ряду съ этимъ, подвластные ему народы все менѣе и менѣе удовлетворялись его предписаніями. Прежде папа, посылая духовныхъ въ какую-нибудь часть французскаго государства, былъ въ состояніи и хотѣлъ удовлетворить религіознымъ потребностямъ населенія. Въ концѣ Среднихъ вѣковъ онъ уже не хотѣлъ и не могъ этого сдѣлать; вслѣдствіе этого и появляются стремленія къ национализаціи церквей, имѣвшія цѣлью отобрать у папы право распоряжаться извѣстной частью религіозной жизни и дать до извѣстной степени религіозную власть представителямъ отдѣльныхъ государствъ. По Болонскому конкордату французскій король получилъ право назначать на высшія духовныя должности кого онъ найдетъ наиболѣе пригоднымъ. Такимъ образомъ,

французскій король могъ въ этомъ отношеніи лучше удовлетворить религіознымъ запросамъ населенія чѣмъ папа; онъ могъ также въ этомъ отношеніи быть болѣе безпристрастнымъ. Съ этимъ стремленіемъ къ націонализаціи церквей реформація очень тѣсно связана, гораздо тѣснѣе, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Сущность средневѣковой жизни, въ основѣ которой лежало служеніе Богу, сущность этой жизни не была поколеблена этимъ направленіемъ; религіозные интересы стояли тутъ на первомъ планѣ. Совсѣмъ иначе относится къ средневѣковой жизни гуманизмъ.

„Ренесансъ переходитъ въ раціонализмъ, а потомъ въ матеріализмъ и невѣріе", говоритъ Лоранъ.[1] Мнѣ кажется, что Ренесансъ начался съ невѣрія. Лоранъ любитъ приводить, какъ представителя Ренесанса, Эразма. У Эразма есть удивительное произведеніе, именно — „Похвала глупости". Это удивительное и, дѣйствительно, высокопрекрасное произведеніе. Глупость, по мнѣнію Эразма, правитъ всѣмъ міромъ, и счастливы тѣ, кто глупъ. „Глупость причина любви, она украшаетъ дѣтство, юность, старость", говоритъ Эразмъ. Эразмъ ни во что не вѣритъ и ничего не признаетъ. „Вотъ если камень упадетъ на голову — это положительное зло, а стыдъ, безчестіе, позоръ, брань приносятъ зло лишь постольку, поскольку они чувствуются", говоритъ Эразмъ. „Наука", говоритъ Эразмъ „обязана своимъ бытіемъ тѣмъ же злымъ существамъ, отъ которыхъ идетъ все дурное, т. е. демонамъ, а простодушное поколѣніе золотого вѣка отлично обходилось безъ нея, руководясь однимъ природнымъ инстинктомъ"... „Счастливѣе другихъ тѣ, которые по развитію ближе подходятъ къ скотамъ и довольствуются своею участью". „Говорятъ великое бѣдствіе быть обманутымъ, а по моему гораздо большее не быть обманутымъ". „Если посмотрѣть съ луны на безчисленныя треволненія людей, то увидишь лишь рой мухъ и комаровъ". Такъ говоритъ Эразмъ. Все, стало быть, относительно, ничего нѣтъ святого.

Глупости противоположенъ умъ; но однимъ умомъ тяжело жить человѣку. Все, чѣмъ наслаждаются люди, вся

---

[1]) Laurent. La Réforme. Стр. 415.

радость и весь блескъ жизни—все тускнѣетъ, все исчезаетъ какъ миражи пустыни, если руководиться однимъ умомъ; картина великаго художника будетъ казаться лишь полотномъ, замазаннымъ краской, горячая, вдохновенная проповѣдь—глупымъ, безсмысленнымъ наборомъ словъ. Для того, чтобы наслаждаться, нужно закрывать умъ чувствомъ или вѣрой, нужно быть глупымъ; при яркомъ свѣтѣ нельзя спать, и несчастенъ тотъ человѣкъ, что страдаетъ безсонницей. Эразмъ не могъ спать, не могъ быть глупымъ: поэтому онъ несчастенъ. Мнѣ всегда кажется, что Мефистофелю должно быть ужасно грустно и скучно, а между тѣмъ его всегда почему-то изображаютъ торжествующимъ, съ улыбкой на тонкихъ губахъ. Улыбка впрочемъ вовсе не говоритъ о торжествѣ: можно смѣяться и вмѣстѣ съ тѣмъ плакать. Эразмъ смѣялся и вмѣстѣ съ тѣмъ плакалъ о томъ, что онъ слишкомъ уменъ. Другіе гуманисты не были такъ умны; у нихъ осталось еще многое, во что они вѣрили, многое, чѣмъ они увлекались, но они не вѣрили ужъ въ римскій католицизмъ, въ іерархическо-аскетическій идеалъ средневѣковой жизни. А между тѣмъ, человѣкъ не можетъ жить безъ всякой цѣли, не можетъ не служить чему-нибудь. Гуманисты поставили, какъ конечную цѣль — самого человѣка, удовлетвореніе его вкусовъ и желаній. Всѣ люди болѣе или менѣе—эгоисты, но эгоизмъ закрытъ у нихъ другими стремленіями, какъ тѣло прикрыто одеждой. У гуманистовъ не было другихъ стремленій, у нихъ оставался одинъ эгоизмъ, и имъ было очень грустно. Они стремились къ удовлетворенію всѣхъ человѣческихъ желаній, но въ сущности сами не желали этого. Желанія бываютъ очень различны, людей нужно сдерживать, иначе отъ всего міра останутся одни обломки; эту сдержку люди Возрожденія видѣли въ государствѣ.

Съ эпохи Возрожденія начинается свѣтское государство въ современномъ смыслѣ этого слова. „Является новый элементъ въ исторіи: государство, какъ обдуманное, сознательное явленіе, — государство, какъ продуктъ извѣстнаго искусства“, говоритъ Буркхардтъ. (Въ сущности, собственныя слова Буркхардта таковы: Da tritt ein neues Lebendiges in die Geschichte: der Staat als berechnete, bewusste Schöpfung, als Kunst-

werk).[1]). Искусство политики выдвигается на первый планъ, съ нимъ связано искусство военное и дипломатическое. Это искусство построенія государства родилось въ Италіи, въ Италіи, гдѣ въ эту же эпоху стремились къ удовлетворенію всѣхъ человѣческихъ желаній и стремленій, признавая ихъ вполнѣ законными. „Глубочайшую противоположность трудно съ достаточною ясностью выразить", говоритъ Буркхардтъ,[2]) „Флоренція была въ то время занята развитіемъ индивидуальностей во всѣхъ рѣшительно отношеніяхъ, а между тѣмъ деспотичные ея властители не признавали никакой другой индивидуальности, кромѣ своей и своихъ ближайшихъ слугъ". Но противъ этого произвола никто не боролся. „Каждый отдѣльный человѣкъ протестовалъ внутри себя", говоритъ Буркхардтъ, [3]) „противъ княжеской власти, но онъ все-таки старался по возможности приспособиться къ ней, а не бороться противъ нея" Гуманисты не боролись противъ новаго государства, они поддерживали его какъ потому, что они вѣрили въ него, такъ и потому, что имъ было выгодно. Личная польза и нравственные стимулы такъ сильно перепутываются между собою въ исторіи, что трудно разобрать, гдѣ кончается одно и начинается другое.

Въ Средніе вѣка, въ сущности, было одно государство. Это сильное, могучее государство была церковь. „Церковь", говоритъ Эйкенъ,[4]) „представляла собою твердую и однообразную систему. Основаніемъ ея было извѣстнаго рода государственное устройство, въ которомъ должностныя лица имѣли права, которыя однако вытекали не изъ ихъ собственной власти, а изъ выгоды всей Церкви и изъ авторитета главнѣйшаго епископа". Выгода цѣлаго, потребности всей Церкви имѣли преимущественное значеніе и имъ приносились въ жертву выгоды и польза отдѣльныхъ членовъ. Выгода и польза отдѣльныхъ орденовъ всегда приносились въ жертву благу и потребностямъ всей Церкви. Итакъ, въ Средніе вѣка самымъ могучимъ государствомъ была Церковь. Это было

[1]) Burckhardt. Die Cultur der Renaissance. T. I. Стр. 4.
[2]) Ibid. Стр. 12.
[3]) Ibid. Стр. 61.
[4]) Eicken. Geschichte und System der Mittelalterlichen Weltanschauung. Стр. 435.

государство съ цѣлой лѣстницей должностей, начиная съ остеарія до кардинала, каждое должностное лицо имѣло свою компетенцію, было отвѣтственно передъ высшей инстанціей. Вся земля—отъ Скандинавіи до странъ Африки, граничащихъ съ Исламомъ — была покрыта сѣтью этой организаціи. Такъ хактеризуетъ Эйкенъ средневѣковую Церковь.

Въ сущности, подъ покровомъ власти Церкви существовало государство, но нравственной жизнью руководила все-таки Церковь. Въ вѣкъ гуманизма надъ нѣкоторыми людьми Церковь потеряла это руководство, и идея государства безъ церковнаго и религіознаго вмѣшательства стала выдвигаться на первый планъ. Государство стремилось, правда, присвоить себѣ нѣкоторую религіозную автономію, стремилось отнять у Церкви часть правъ и присвоить ихъ себѣ. Но на ряду съ идеей національзаціи Церквей, съ идеей государственной власти въ религіозныхъ дѣлахъ, выдвигается другая идея, идея чистаго государства безъ всякой религіозной примѣси. Эта идея государства ради самого государства явилась въ Италіи. Итальянцы не могли, конечно, стремиться къ національзаціи Церкви по самой политической структурѣ своей страны. Къ идеѣ государства безъ всякой посторонней примѣси примкнули гуманисты, потому что они хотѣли и хотѣли, можетъ быть, даже инстиктивно, какъ вообще всѣ люди, передъ кѣмъ-нибудь исполнять свой долгъ, чему-нибудь служить, хотя Буркхардтъ и несогласенъ съ этимъ. „Государство являлось результатомъ рефлексіи, основаннымъ на хорошо разсчитанныхъ и строго обдуманныхъ соображеніяхъ“, говоритъ Буркхардтъ. Эта идея новаго государства, государства для государства, нашла себѣ выраженіе въ умной и проницательной книгѣ знаменитаго Маккіавелли. Впрочемъ, о Маккіавелли существуетъ такая масса мнѣній, что намъ нужно, остановившись на минуту, разобраться въ нихъ, чтобы имѣть возможность говорить болѣе или менѣе увѣренно.

Относительно Маккіавелли существуетъ, во-первыхъ, мнѣніе Ранке и Гервинуса.[1]) Они видятъ въ Маккіавелли одно

---

[1]) Къ нимъ отчасти примыкаетъ и кн. Е. Трубецкой (Политическое Міросозерцаніе Эпохи Возрожденія).

только стремленіе къ объединенію Италіи. Для этой великой цѣли онъ считалъ позволительными всѣ средства. „Когда возвратились во Флоренцію Медичи“, говоритъ Ранке, [1] „которые вновь подняли популярныя идеи и присоединили къ идеѣ о власти Флорентійскаго княжества тенденціи итальянской независимости, Маккіавелли перешелъ также на сторону этихъ тенденцій. Изъ флорентинца онъ превратился въ итальянца и всѣ свои мысли обратилъ къ освобожденію Италіи“. Другіе считаютъ Маккіавелли просто-на-просто льстецомъ, желавшимъ угодить лестью Лоренцо Медичи. Третьи считаютъ Маккіавелли, по самой природѣ своей, безнравственнымъ и думаютъ, что онъ отъ искренняго сердца давалъ подобнаго рода совѣты (напр. Маколей). Въ сущности, разборъ и разслѣдованіе того, для какой цѣли писалъ свою книгу Маккіавелли,—для насъ не представляютъ большой важности. Идею самодовлѣющаго государства, государства безъ церкви, Маккіавелли могъ одинаково признавать, могъ одинаково руководиться ею и будучи патріотомъ итальянскаго объединенія, и будучи просто на просто безнравственнымъ человѣкомъ. Только намъ придется при нашемъ утвержденіи о Маккіавелли, какъ защитникѣ государства для государства, намъ придется, повторяю я, всетаки столкнуться съ однимъ взглядомъ на Маккіавелли, который не допускаетъ нашего утвержденія. Этотъ взглядъ изложенъ проф. Алексѣевымъ въ его книгѣ „Маккіавелли, какъ политическій мыслитель“.

Проф. Алексѣевъ прямо объявляетъ, что его задачей является „доказать, наперекоръ господствующимъ воззрѣніямъ, что Маккіавелли разсматривалъ политическіе вопросы не съ односторонней точки зрѣнія практическаго политика“. [2] „Государство само по себѣ цѣли не имѣетъ“, передаетъ проф. Алексѣевъ политическое ученіе Маккіавелли, „цѣль государства—общее благо“. [3] Для доказательства этого профессоръ

---

[1]) Ranke. Zur Kritik neuerer Geschichtschreiber. Стр. 172.

[2]) **Алексѣевъ. Маккіавелли, какъ политическій мыслитель. Стр. XI.**

[3]) Ibid. Стр. 41.

Алексѣевъ ссылается на выписки изъ сочиненія Маккіавелли:[1]) Флорентійскую исторію и Discorsi... La cagione perchè tutti questi governi sono stati defettivi, è che le riforme di quegli sono state fatte non a statisfazione del bene commune, ma a corroborazione e securtà della parte (Discorso sul Riformar lo stato di Firenze). По мнѣнію проф. Алексѣева, это мѣсто въ достаточной степени доказываетъ, что Маккіавелли не былъ защитникомъ идеи самодовлѣющаго государства.

Мы не будемъ опровергать это мѣсто само по себѣ, но мы позволимъ себѣ сдѣлать лишь одно замѣчаніе. Проф. Алексѣевъ говоритъ, что прежніе изслѣдователи Маккіавелли слишкомъ много обращали вниманія на „Государя" и слишкомъ мало изучали другія сочиненія Маккіавелли, его письма, дипломатическія донесенія. Намъ кажется, что прежніе изслѣдователи поступали правильно. О каждомъ писателѣ можно доказать, что онъ держался какихъ угодно мнѣній, если слѣдовать методу проф. Алексѣева, т. е. выдергивать отдѣльныя мѣста изъ цѣльныхъ произведеній. Я позволю себѣ сослаться на то разнообразіе характеристикъ, которое существуетъ, напримѣръ, относительно политическихъ воззрѣній Тацита. Точно также выдергиваются отдѣльныя мѣста его сочиненій, складываются въ извѣстномъ порядкѣ и являются такимъ образомъ основаніемъ для характеристики; вырываются другія мѣста, и является другая характеристика, и одинъ и тотъ же человѣкъ является и врагомъ свободы и защитникомъ ея, и человѣкомъ, преданнымъ императорской власти, и ненавидящимъ императора республиканцемъ. Тоже самое повторяется относительно Маккіавелли.

Проф. Алексѣевъ старается доказать, что Маккіавелли былъ республиканцемъ; но между тѣмъ, въ тѣхъ же сочиненіяхъ Маккіавелли можно найти мѣста, въ которыхъ Маккіавелли очень рѣзко отзывается о самой основѣ республиканскаго правленія, о народѣ (наприм. Discorsi, кн I, гл. 53, гл. 25 и 29). „Perchè quel popolo è non altrimenti che uno animale

[1]) Вопросъ о томъ, какъ писать одно или два „к" въ словѣ Маккіавелли, занималъ меня. Но въ концѣ концовъ я пришелъ къ заключенію, что и то и другое правописаніе правильно.

bruto, il quale, ancora che di feroce natura e silvestre, sia stato nudrito sembre in carcere ed in servitu, che dipoi lasciato a sorto in uno compagna libero, non essendo uso a pascersi nè sappiendo le latebre dove si abbia a rifuggire, diventa preda del primo che cerca rincatenarlo“ (Discorsi, кн. I, гл. 16), говоритъ этотъ республиканецъ, по мнѣнію Алексѣева, и другъ народа. Нужно брать не отдѣльные обрывки изъ многочисленныхъ сочиненій Маккіавелли, а сами сочиненія во всей ихъ цѣльности. Прочитавъ, напр., „Государя“, трудно утверждать, что Маккіавелли былъ республиканецъ, и что выше всего онъ ставилъ общее благо. Отдѣльными вырѣзками, повторяю, можно рѣшительно все доказать. Кардаунсъ какъ-то доказалъ, что подлинныя письма Маріи Стюартъ—не ея письма, а письма Екатерины Медичи, и онъ доказалъ это сличеніемъ отдѣльныхъ, вырванныхъ изъ текста мѣстъ. Пауль Кассель доказывалъ, что Македонцы и древніе Германцы одно и то же. Сеньковскій доказывалъ, что Трояне были Славянами и „Слово о Полку Игоревѣ“ было написано при Петрѣ Великомъ. Доказать все можно, но, кромѣ обоснованности, историческій взглядъ долженъ быть правдоподобенъ.

Взглядъ проф. Алексѣева на Маккіавелли, мнѣ кажется, рѣшительно неправдоподобенъ, и Маккіавелли всегда останется въ нашихъ глазахъ поклонникомъ политики Цезаря Борджіа и Фердинанда Католическаго, всегда останется 21-ая глава его „Государя“, никогда не исчезнетъ 18-ая глава той же книги, гдѣ онъ совѣтуетъ государямъ прибѣгать къ звѣриной хитрости, гдѣ онъ говоритъ, что государь долженъ въ извѣстныхъ случаяхъ оскорблять и пренебрегать вѣрностью, любовью къ людямъ, человѣчностью и религіей. Про Фердинанда Католическаго Маккіавелли говоритъ: „Въ наше время существуетъ государь, назвать котораго я не считаю позволительнымъ, который на словахъ—само благочестіе и первый другъ мира, но на дѣлѣ давно уже потерялъ бы свое государство, если бы проводилъ въ жизнь эти убѣжденія“. Маккіавелли считаетъ примѣръ этого государя достойнымъ подражанія. Мнѣ кажется, этого довольно, чтобы понять, что Маккіавелли вовсе не былъ... республиканцемъ и радѣтелемъ народнаго блага. Маккіавелли былъ и

всегда оставался представителемъ идеи самодовлѣющаго государства. Даже у проф. Алексѣева [1]) приведено нѣсколько мнѣній Маккіавелли, изъ которыхъ ясно вытекаетъ, что флорентійскій секретарь не признавалъ ничего другого, кромѣ государства, —ни племени, ни семьи, ни единства языка,— за связующее начало. Маккіавелли, еще разъ повторяю, былъ представителемъ идеи чистаго государства, безъ всякаго вмѣшательства церкви. Но на ряду съ этой идеей существовала другая идея, идея національзаціи церквей, по которой у римско-католической церкви, т. е., другими словами, у папы отнималась извѣстная часть правъ и государство брало на себя удовлетворять религіознымъ запросамъ народонаселенія.

Впрочемъ, въ исторіи вовсе не все происходитъ такъ точно и размѣренно, какъ это часто изображается въ историческихъ сочиненіяхъ. Обѣ идеи, идея самодовлѣющаго государства и идея національзаціи церквей, часто спутывались между собою и сплетались въ одинъ клубокъ. Вообще, сколько въ исторіи лицемѣрія и какъ трудно иногда бываетъ найти основныя убѣжденія человѣка! Маккіавелли, напримѣръ, все-таки легко понять и не трудно сказать, что, являясь защитникомъ государства для государства, онъ весь центръ тяжести видитъ въ войнахъ, трактатахъ, удачныхъ союзахъ, въ увеличеніи государства въ горизонтальномъ, а не въ вертикальномъ направленіи. Гораздо труднѣе различить основную тенденцію знаменитыхъ мемуаровъ Филиппа де Комминя. Комминь, съ одной стороны, пожимаетъ руку гуманистамъ [2]); съ другой стороны, любезно посвящаетъ свою книгу архіепископу Вьенскому. Комминь постоянно возводитъ глаза къ небу и всегда говоритъ о Богѣ. По мнѣнію Филиппа де Комминя, Богъ управляетъ всѣмъ міромъ; за ослушаніе Богъ наказываетъ князей и наказываетъ ихъ уменьшеніемъ потомства, тѣмъ, что государь начинаетъ избѣгать хорошихъ совѣтниковъ, начинаетъ слушаться другихъ, которые даютъ плохіе совѣты и склоняютъ государя къ та-

---

[1]) Алексѣевъ. „Маккіавелли". Стр. 36 и слѣд.

[2]) Burckhardt. Die Cultur der Renaissance. T. I. Стр. 96.

кимъ мѣрамъ, которыя возбуждаютъ недовольство среди подданныхъ [1]). Этою мыслью о подданныхъ Комминь сильно отличается отъ Маккіавелли, и Баумгартенъ, который видитъ лишь отличіе Комминя въ его религіозности, Баумгартенъ [2]), утверждающій, что во всемъ остальномъ Комминь похожъ на Маккіавелли, поступаетъ не совсѣмъ правильно.

Маккіавелли очень мало думаетъ о сѣрой массѣ подданныхъ. Комминь думаетъ о нихъ, но думаетъ о подданныхъ лишь постольку, поскольку они могутъ помѣшать силѣ и могуществу государства; силу же и могущество Комминь, правда, понимаетъ такъ же, какъ и Маккіавелли, и считаетъ своимъ долгомъ служить государству только для одного государства. Идея государства для государства сквозитъ въ мемуарахъ Комминя, хотя и прикрытая густою пеленой молитвенныхъ возгласовъ и лицемѣрныхъ причитаній. Принципъ Людовика XI—qui nescit dissimulare nescit regnare—отразился также въ сочиненіяхъ Комминя. Маккіавелли и Комминь вліяли, какъ сами по себѣ, такъ, въ сущности, являлись отраженіемъ существовавшей въ то время дѣйствительности. Фердинандъ Католическій и Людовикъ XI были именно такими, какими ихъ изображали Маккіавелли и Комминь. Въ эту же эпоху пріобрѣла громадную силу дипломатія. Всякій старался какъ можно шире раскинуть свою власть, какъ можно больше присвоить себѣ владѣній и каждому было дѣло до поступковъ другого властителя. Союзы, договоры, лиги смѣняютъ одна другую, идея политическаго равновѣсія просвѣчиваетъ уже въ этихъ договорахъ. Все это было новое, все это было еще незнакомое въ Средніе вѣка.

Къ концу Среднихъ вѣковъ римская католическая церковь, которая руководила до сихъ поръ жизнью людей, перестала удовлетворять религіознымъ запросамъ. Гуманизмъ явился результатомъ этого: гуманисты судорожно стремились найти смыслъ жизни, но не находили его. Ихъ литература была проявленіемъ индивидуализма, потому что они не имѣли никакой другой руководящей идеи. Вслѣдствіе того, что церковь перестала руководить людьми,

---

[1]) Philippe de Commynes. Mémoires, ed. par Chantelauze. Стр. 406.

[2]) Baumgarten. Geschichte Karl's V. Стр. 326, т. 1.

въ Италіи родилась идея самодовлѣющаго государства съ распространеніемъ въ ширь, а не въ глубь. Къ этой идеѣ примкнули нѣкоторые изъ гуманистовъ. Но идея государства для государства находила себѣ примѣненіе и въ другихъ странахъ, можетъ быть, даже совершенно помимо итальянскаго вліянія. Съ развитіемъ государства, во внѣшнемъ смыслѣ этого слова, связано развитіе дипломатическихъ сношеній, знаменующее собою XVI вѣкъ. Рядомъ съ этой идеей явилась другая идея, тоже, можетъ быть, вытекающая изъ того, что римская церковь потеряла свое вліяніе,— это идея національзаціи церквей, вслѣдствіе которой часть религіозныхъ дѣлъ переходила въ вѣдѣніе государства.

Вотъ собственно то идейное наслѣдство, которое получилъ отъ стараго Карлъ V. Вотъ въ какомъ положеніи засталъ Карлъ V Европу относительно идей, идей, имѣвшихъ силу и проявлявшихся въ чемъ-нибудь. Я не говорю о тѣхъ идеяхъ, которыя еще неслышно бродили, я не говорю о тѣхъ идеяхъ, которыя были свойственны лишь одной какой-нибудь національности. Я говорю объ общеевропейскихъ идеяхъ того времени. Каково же было общеевропейское положеніе въ политическомъ отношеніи? Какое наслѣдство досталось Карлу V во внѣшнихъ политическихъ событіяхъ? Исторія внѣшней политики очень мало подвергается измѣненію. Войны, сраженія и договоры всегда изображаются одинаково у всѣхъ историковъ. Мнѣнія на отдѣльныя личности мѣняются, многіе факты подвергаются сомнѣнію и толкуются каждый годъ по разному, а исторія войнъ, союзовъ и оффиціальныхъ сношеній остается неизмѣнно одна и та же. Одной изъ лучшихъ картинъ внѣшней политики Европы въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка является исторія Раумера, которая была давно, очень давно написана. Мы лишь вкратцѣ разскажемъ эти всѣмъ извѣстные факты, уже давно подвергшіеся катехизаціи учебниковъ.

Самымъ выдающимся явленіемъ международной политики въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка были итальянскія войны; онѣ начались походомъ Карла VIII для завоеванія Неаполя, гдѣ на смѣну французской династіи Карла Анжуйскаго воцарилась Аррагонская династія. Карлъ VIII достигъ своей цѣли, Неаполь былъ въ его рукахъ, но противъ

него была заключена лига Людовикомъ, новымъ герцогомъ Милана, Венеціей, Фердинандомъ, Максимиліаномъ и папой: Французы были изгнаны; преемникъ Карла VIII, Людовикъ XII, заявилъ притязанія на Миланъ, завоевалъ его. Людовикъ XII считалъ себя прямымъ наслѣдникомъ Висконти. Карлъ VIII также считалъ себя наслѣдникомъ Анжуйскаго дома. Неаполемъ завладѣлъ Фердинандъ Аррагонскій. Въ 1508 году между Людовикомъ XII, императоромъ Максимиліаномъ, Фердинандомъ и папой Юліемъ II образовалась Камбрейская лига противъ Венеціи; а въ 1511 году образуется лига противъ Людовика XII; въ эту лигу входятъ папа Юлій II, Фердинандъ, Генрихъ VIII, Швейцарцы и императоръ Максимиліанъ. Войска лиги изгоняютъ Французовъ изъ Милана, пока наконецъ Францискъ I, преемникъ Людовика XII, не рѣшилъ опять завоевать Миланъ. 13-го и 14 сентября 1515 года происходитъ знаменитая битва при Мариньяно. Францискъ I одержалъ блистательную побѣду надъ Швейцарцами и сдѣлался вновь обладателемъ Милана. Противъ Франциска I были папа Левъ X, Фердинандъ, Максимиліанъ Сфорца и императоръ Максимиліанъ. Знаменитыя войны за Италію Карла V и Франциска I примыкаютъ къ войнамъ Карла VIII, Людовика XII и Максимиліана, императора германскаго. Вообще, царствованіе Карла V во внѣшней политикѣ очень близко примыкаетъ къ предшествовавшимъ.

Борьба между Французами и Карломъ V ведетъ свое начало еще съ царствованія Людовика XI. Знаменитый прадѣдъ Карла V, герцогъ Бургундскій Карлъ Смѣлый, былъ самымъ непримиримымъ врагомъ Людовика XI. По смерти Карла Смѣлаго Людовикъ XI предъявилъ свои права на остальную часть Бургундскаго герцогства въ качествѣ сюзерена вымершаго дома Бургундскихъ Валуа. Это было послѣ битвы близъ Нанси, гдѣ было нанесено третье страшное пораженіе Карлу Смѣлому, но Людовикъ XI долженъ былъ встрѣтиться съ женихомъ, а потомъ и мужемъ дочери Карла Смѣлаго, Маріи Бургундской, Максимиліаномъ. Максимиліанъ побѣдилъ Французовъ, заставилъ ихъ отказаться отъ стальныхъ провинцій. По смерти Маріи Бургундской, Лю-

довикъ XI возобновилъ свои замыслы, но опять потерпѣлъ неудачу. Въ концѣ концовъ, впрочемъ, собственно Бургундское герцогство осталось въ рукахъ Людовика XI. Войны Карла V съ Франциcкомъ I можно считать за продолженіе этихъ пререканій. Кромѣ того, Фердинандъ Аррагонскій отнялъ Наварру у короля Іоанна. Генрихъ Альбре, сынъ Іоанна, былъ женатъ на сестрѣ Франциска I, Маргаритѣ, и французскій король желалъ возвратить ему его королевство. Кромѣ того, Нидерландскіе областные государи, герцогъ гельдернскій, графъ маркскій и герцогъ клевскій давно возмущались противъ власти Габсбурговъ, ихъ поддерживали французскіе короли.

Вообще, то было время, когда каждый властитель съ завистью смотрѣлъ на другого, старался захватить какъ можно больше владѣній и всячески старался помѣшать возвеличенію власти другого, вступая для этого въ лиги, заключая безчисленные договоры. Благодаря отдаленнымъ родственнымъ связямъ, предъявлялись притязанія на цѣлыя страны благодаря пустому титулу, Габсбурги считали себя въ правѣ вмѣшиваться въ дѣла Италіи [1]). И бѣдная Италія терзалась полчищами иноземцевъ, отдавалась то одному, то другому властителю:

— O tu culifeo la sorte
Dono infelice di bellezza!....

Какъ говорилось про Италію лѣтъ 50 тому назадъ. По тѣлу Италіи ходили Испанцы, Французы, Нѣмцы, Швейцарцы. Италія, казалось, умерла и никогда не воспрянетъ. Она вся была разбита на нѣсколько частей: сѣверъ съ Миланомъ, изъ-за котораго спорилъ германскій императоръ съ Французами и который, наконецъ, достался Французамъ; югъ съ Неаполемъ и Сициліей, изъ-за котораго спорили тоже Фран-

---

1) **Намъ непонятны теперь эти войны за Италію. Г. Михайловъ въ одной своей статьѣ сдѣлалъ очень вѣрное сравненіе: онъ сравнилъ Миланъ, Неаполь и пр. съ славянскими княжествами Балканскаго полуострова. Нужна ли намъ Болгарія?—Нужна и вмѣстѣ съ тѣмъ не нужна. Точно также нуженъ и вмѣстѣ не нуженъ былъ Миланъ Карлу (Сѣверный Вѣстникъ № 6 Стр. 179—1891 г.).**

цузы съ Фердинандомъ Католическимъ и который, наконецъ, достался Фердинанду. Наконецъ, середина Италіи, а также остальной сѣверъ и югъ, по которымъ было разсыпано множество мелкихъ княжествъ и республикъ. Въ большинствѣ изъ нихъ правили тиранны. Каждый изъ такихъ правителей стремился отчасти къ расширенію своей территоріи, отчасти къ огражденію союзами своей самостоятельности и своей династіи въ виду собственнаго безсилія. Папы тоже прежде всего были итальянскіе свѣтскіе государи, понимавшіе власть въ смыслѣ ея расширенія, а опять таки не углубленія. Сикстъ IV, Александръ VI и Юлій II начинаютъ собою рядъ свѣтскихъ папъ.

Въ сущности, это стремленіе къ увеличенію государства за его предѣлами связано съ тѣмъ, что внутри государства были рѣшены главнѣйшія задачи, сила феодальныхъ властителей сломлена, и государи могли обратить свое вниманіе на внѣшнія задачи. Такъ, напримѣръ, въ теченіе восьми столѣтій до XV вѣка вся сила Испаніи уходила на борьбу съ Маврами. Но въ 1492 году пала Гренада, послѣдній оплотъ мавританскаго владычества на полуостровѣ. А чѣмъ менѣе страшны становились Мавры въ Испаніи, тѣмъ все болѣе и болѣе разгорался раздоръ между сословіями, а благодаря раздору сословій могла возвышаться центральная власть. Бракъ Фердинанда и Изабеллы въ 1469 году положилъ твердое основаніе Испанской монархіи, такъ какъ въ лицѣ ихъ соединились два главнѣйшія государства Испаніи, Кастилія и Аррагонія. Фердинандъ усиливаетъ свою королевскую власть тѣмъ, что онъ получаетъ отъ Сикста IV право назначать на вакантныя мѣста высшихъ церковныхъ сановниковъ, соединяетъ со званіемъ короля званіе гроссмейстера военно-духовныхъ орденовъ, но главная цѣль его все-таки — расширеніе своихъ владѣній. Правда, реорганизовавъ инквизиціонный судъ, Фердинандъ много содѣйствовалъ углубленію королевской власти въ Испаніи, но углубленіе это было ему лишь постольку важно, поскольку оно давало возможность слѣдовать внѣшней политикѣ. Фердинандъ заботится о выгодныхъ бракахъ своихъ дѣтей, вступаетъ въ союзы съ Англіей и Португаліей и въ концѣ концовъ присоединяетъ къ своей

коронѣ корону обѣихъ Сицилій. Англія пользуется внѣшне-политическими стремленіями другихъ государствъ и, по возможности, старается выгоднѣе продать свою дружбу.

Вездѣ, стало быть, внутреннія дѣла были покончены; только въ Германіи предстояло рѣшить массу внутреннихъ вопросовъ. Отдѣльные князья были настолько сильны, что почти не обращали никакого вниманія на императорскую власть. Они вели войны между собою, заключали между собою союзы (напр. знаменитый Швабскій союзъ). Кромѣ Габсбургской династіи самыми сильными изъ властителей были династіи веттинская, виттельсбахская, гогенцоллернская. Веттинская династія раздѣлялась на двѣ линіи: эрнестинскую, съ Тюрингіей и Саксонскимъ курфюршествомъ, и альбертинскую съ Дрезденомъ во главѣ. Въ Виттельсбахской династіи тоже были двѣ линіи: курфюрсты пфальцскіе и герцоги баварскіе. Гогенцоллерны владѣли Бранденбургомъ и частью Франконіи. Съ 1488 года мы имѣемъ цѣлый рядъ рейхстаговъ въ Германіи, которые стараются урегулировать внутренній порядокъ въ имперіи. Къ концу царствованія Фридриха III, Габсбурги получили нѣсколько большую власть въ дѣлахъ Германіи, благодаря Швабскому союзу [1]). Но на рейхстагѣ въ Вормсѣ 1495 года отдѣльные властители все-таки имѣли перевѣсъ [2]). Отдѣльные властители, отдѣльные чины Германской имперіи не желали итальянскихъ войнъ. Максимиліанъ же стремился къ нимъ и, согласившись на Вормскія постановленія, онъ добился со стороны чиновъ согласія на войну 1499 года [3]). Но уже на рейхстагѣ въ Кельнѣ 1505 года принято было нѣсколько рѣшеній, не соотвѣтствующихъ единству Германіи [4]); въ 1507 году было нѣсколько установленій, въ которыхъ отражалось единство имперіи [5]). Но все-таки центральная власть была очень слаба [6]). Княже-

---

[1]) Ranke. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. T. I, Стр. 69.
[2]) Ibid. Стр. 77.
[3]) Ibid. Стр. 90.
[4]) Ibid. Стр. 110.
[5]) Ibid. Стр. 115.
[6]) Ibid. Стр. 134.

ская власть возвышалась и крѣпла, она давила рыцарей, города и простой народъ.

А между тѣмъ, при такой внутренней неурядицѣ Германіи Европейскимъ государямъ предстояло разрѣшеніе многихъ важныхъ вопросовъ по внѣшней политикѣ. Изъ этихъ вопросовъ однимъ изъ самыхъ главныхъ былъ вопросъ турецкій. Отъ турецкихъ вассаловъ страдала Испанія, турецкіе пираты часто захватывали въ плѣнъ обитателей береговъ Италіи и Испаніи, Турки угрожали съ Востока Германіи и землямъ Габсбурговъ. „Держа въ одной рукѣ Коранъ, а въ другой мечъ", какъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ про Турокъ Ранке, Турки готовились залить всю Европу кровью. Всѣ христіанскіе люди въ Европѣ мечтаютъ о борьбѣ съ невѣрными: собирался такъ называемый турецкій грошъ: въ Германіи на рейхстагахъ, какъ Te Deum, была обязательна рѣчь о борьбѣ съ врагами христіанства: но, когда рейхстагъ кончался, турецкій вопросъ, какъ парадный камзолъ изъ бархата, убирался въ кладовую, чтобы лежать неподвижно до слѣдующаго рейхстага. А Турки, между тѣмъ, не шутя собирались на Европу: тимары, янычары, сипаи весело дѣлили въ умѣ своемъ Германскую имперію на части, а въ Германіи было все раздроблено, и все менѣе и менѣе имѣла значенія императорская власть.

Относительно идей въ Германіи происходила еще большая путаница. Всѣ ненавидѣли Римъ и стремились къ національизаціи церкви, но никто не могъ взять въ руки эту идею. Многіе стояли за императорскую власть, находили ее правильной, законной, посланной отъ Бога. Другіе стояли за княжескую власть, находили ее тоже правильной и законной. Фруассаръ говоритъ: „Доктора права и другіе свѣдущіе люди въ правѣ, которыхъ князья помѣщаютъ въ университетахъ и держатъ при своихъ дворахъ и которые тратятъ всю свою ученость и все свое искусство на то, чтобы укрѣпить власть и верховенство князей, какъ единственно законныя и надъ всѣмъ господствующія, оказываютъ величайшую услугу княжеской власти". А между тѣмъ, все еще существовала императорская власть, которой приходилось считаться какъ и съ общимъ раздробленіемъ въ Германіи,

говоря иначе, съ отдѣльными князьями, такъ и съ самой Германіей. Дѣло въ томъ, что интересы императорской власти и самой Германіи очень сильно расходились, и Максимиліану, напримѣръ, приходилось бороться какъ и съ отдѣльными князьями, такъ и съ общимъ административнымъ совѣтомъ, какъ называетъ „Reichsregiment" проф. Карѣевъ, или съ общимъ имперскимъ управленіемъ, какъ называютъ это учрежденіе другіе. Общее имперское управленіе было введено въ 1495 году на сеймѣ въ Вормсѣ; тогда же былъ введенъ и общій имперскій судъ „Reichskammergericht", былъ установленъ земскій миръ подъ страхомъ „опалы изгнанія" (выраженіе проф. Карѣева). Reichskammergericht зависѣлъ не отъ отдѣльныхъ князей, а замѣщался всѣми чинами имперіи, при чемъ имперія была раздѣлена на 10 округовъ, во главѣ которыхъ стояло по два старшины. Максимиліанъ боролся противъ этого учрежденія Reichskammergericht'а и Reichsregiment'а, потому что они уменьшали императорскую власть, но они же—имперскій судъ и имперское управленіе—боролись противъ сепаратизма отдѣльныхъ князей и могли бы быть опорой національнаго германскаго единства.

Вообще, то было странное, путанное, непонятное по своимъ тенденціямъ время. Обрывки политическихъ идей рѣяли въ воздухѣ и кружились, какъ снѣжинки во время вѣтра; но цѣльнаго рѣшительнаго ничего не было. Относительно Максимиліана, напримѣръ, существуетъ самое пестрое разнообразіе во взглядахъ, даже не среди обильной нѣмецкой литературы, а и въ литературахъ другихъ національностей, напр., хотя въ англійской литературѣ. Маколей [1]) бранитъ изо всѣхъ силъ Максимиліана, говоритъ про него, что онъ страдалъ безсильнымъ зудомъ славы, былъ опрометчивъ и въ то же время робокъ, былъ упрямъ и непостояненъ, вѣчно торопился и вѣчно опаздывалъ. Другой же англичанинъ Брайсъ [2]) считаетъ Максимиліана однимъ изъ образцовыхъ государей и даже основателемъ монархіи и власти Габсбургскаго дома въ большей степени, чѣмъ Рудольфъ. Тотъ же

---

[1]) Маколей. Сочиненія Т. I. Стр. 93, СПБ. 1860 г.

[2]) Брайсъ. Священная Римская Имперія. Москва, 1891 г. Стр. 249.

Брайсъ говоритъ, что Германская имперія въ эпоху Максимиліана сдѣлалась выраженіемъ національнаго единства. По мнѣнію Брайса, не случайно произошло измѣненіе въ титулахъ, не случайно явился новый титулъ «Imperator Electus». Дѣло въ томъ, что въ 1508 году Максимиліанъ I, не пропущенный венеціанцами въ Римъ, получилъ отъ папы Юлія II буллу, которой ему разрѣшалось называться Imperator Electus. Брайсъ видитъ въ этомъ проявленіе германизаціи императорской власти. Въ это время, по мнѣнію Брайса, эпитетъ „римскій“ сдѣлался насмѣшливымъ прозваніемъ, а между тѣмъ Брайсъ самъ сознается, что и Максимиліанъ, и Карлъ V стремятся получить званіе римскаго императора и почему-то Брайсу кажется, что Карлъ V былъ неправильно коронованъ, именно потому, что не былъ коронованъ въ Римѣ. Все это неясно, спутано и сбито. Самъ Брайсъ сознается въ этомъ. „Слѣдуетъ замѣтить, что сказанное нами вѣрно только вообще и съ извѣстной вѣроятностью“, говоритъ онъ [1]). Брайсъ ссылается на путаницу и неясность документовъ, но не одни документы мутны, мутна и неясна сама исторія, какъ вообще мутна и неясна вся человѣческая жизнь.

Есть гордая и смѣлая увѣренность у историковъ, что можно открыть законы исторической жизни, что эти законы будутъ также тверды и ясны, какъ законы физики, астрономіи и другихъ математическихъ наукъ. Но многія попытки къ опредѣленію этихъ законовъ кончались неудачею и многія уже позабыты, какъ позабыта шумѣвшая и гремѣвшая у насъ лѣтъ тридцать тому назадъ книга знаменитаго Бокля. Намъ кажется, что исторію всегда дѣлали и будутъ дѣлать одни только люди, а разъ дѣйствуютъ люди, дѣйствуетъ и душа человѣческая, а что такое душа человѣческая, почему она дѣйствуетъ такъ, а не иначе — этого никто никогда не опредѣлилъ, да врядъ-ли и опредѣлитъ. И при рѣшеніи историческихъ вопросовъ мы всегда имѣемъ передъ собой этотъ иксъ и никогда не можемъ говорить опредѣленно; мы должны давать лишь приблизительное рѣшеніе, болѣе или менѣе правдоподобное. Напримѣръ, хоть въ данномъ

---

[1]) Брайсъ. Священная Римская Имперія. Москва. 91 г. Стр. 359.

случаѣ. Брайсъ говоритъ, что при Максимиліанѣ императорская власть германизировалась, а между тѣмъ, мы видимъ, что Максимиліанъ и Карлъ V стремятся въ Римъ и мечтаютъ о полученіи императорской короны. Брайсъ говоритъ, что для Карла V вовсе не нужно было короны Римской имперіи, а между тѣмъ, умирающій Карлъ Бурбонъ [1]) говоритъ о громадномъ значеніи коронованія для власти Карла V. Намъ кажется, что Брайсъ неправъ, а очень можетъ быть, что ошибаемся мы, а не онъ. Нашей задачей является охарактеризовать дѣятельность Карла V и его личность. Поступки являются результатомъ душевной дѣятельности человѣка, а кто пойметъ чужую душу, кто разберетъ, что преимущественно вліяетъ на нее? Конечно, каждый человѣкъ съ его идеями и стремленіями лишь отдѣльное звено въ общей цѣпи, и мы указали на то, что было до Карла V какъ въ мірѣ идей, такъ и въ мірѣ фактовъ внѣшней политики. Теперь мы перейдемъ къ самой исторіи великаго императора, къ его поступкамъ, словамъ и стремленіямъ. Но мы начнемъ уже съ самаго начала, съ того времени, когда Карлъ V дѣйствовалъ еще несамостоятельно. Впрочемъ, обо всемъ этомъ мы скажемъ во второй главѣ.

---

[1]) Ranke. Geschichte Deutschlands. T. II. Стр. 278.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

На Западѣ и у насъ о наслѣдственности говорилось очень много: антропологи-криминалисты писали статьи и читали лекціи; модные адвокаты говорили на судѣ; сочиненія Гальтона переводились на всѣ языки; законъ наслѣдственности признавался дѣйствующимъ всегда и неизмѣнно... Теперь говорить объ этомъ перестали... Въ сущности, признавать наслѣдственность правиломъ безъ исключеній рѣшительно невозможно. Даже Золя, на что ужъ ярый адептъ теоріи наслѣдственности, и тотъ въ своемъ „Докторѣ Паскалѣ" признаетъ возможнымъ появленіе здороваго ребенка въ выродившейся семьѣ. Да и не только у людей, но и въ животномъ мірѣ наслѣдственность никогда не является такимъ опредѣленнымъ руководящимъ факторомъ, какъ говорили и повторяли столько разъ и у насъ, и на Западѣ (см. Данилевскаго „Дарвинизмъ"). Мнѣ кажется, что были чисто внѣшнія причины этого преувеличенія значенія наслѣдственности: вопервыхъ—извѣстная боязнь, извѣстный консерватизмъ, который послѣ сорокъ восьмого года разлился по всей Европѣ: лопнуло столько попытокъ соціальнаго переустройства, что ихъ уже стали бояться, какъ огня... А между тѣмъ, родъ людской все сильнѣе и сильнѣе уклонялся отъ своего идеала: преступленія росли съ каждымъ годомъ. Нужно было найти какую-нибудь причину всѣхъ этихъ аномалій,—прежде все приписывали общественному устройству и старались измѣнить его. Теперь дѣлать это боятся, ищутъ другую причину и находятъ ее въ наслѣдственности, съ которой, въ сущности, невозможно бороться. Кромѣ того, какъ ни какъ, а теорія Дарвина очень талантливо была состав-

лона—и главный центръ тяжести въ ней составлялъ законъ наслѣдственности. Всѣ признавали теорію Дарвина, а вмѣстѣ съ ней и законъ наслѣдственности... Впрочемъ, не въ этомъ дѣло, а въ томъ, что къ закону наслѣдственности стали прибѣгать и историки, чтобы объяснить себѣ нѣкоторыя явленія, въ особенности же часто стали прибѣгать къ этому закону для объясненія характера Карла Пятаго.

Мать Карла считали безумной... На основаніи этого многіе вдругъ изображаютъ Карла мрачнымъ маніакомъ съ лихорадочными глазами. Все это рѣшительно неправильно. Карлъ V былъ сынъ Филиппа Красиваго и Іоанны Безумной. Іоанна была третьимъ ребенкомъ Фердинанда и Изабеллы и родилась въ 1479 году. Въ 1495 г. она была обручена съ эрцгерцогомъ Филиппомъ Красивымъ. Сама же свадьба состоялась 18 октября 1496 г. Этотъ бракъ былъ не особенно счастливъ. По смерти Изабеллы, Іоанна сдѣлалась королевой Кастильской, но въ завѣщаніи Изабеллы было оговорено, что Фердинандъ въ отсутствіи изъ Испаніи Іоанны долженъ былъ замѣщать ее. Іоанна оставалась во Фландріи вмѣстѣ съ Филиппомъ. Филиппъ старался о томъ, чтобы не давать усиливаться Фердинанду; для этой цѣли онъ отправился въ Испанію вмѣстѣ со своею женою и добился того, что Фердинандъ долженъ былъ уступить и даже удалился на время изъ Испаніи. Но 25 сентября 1506 года Филиппъ умеръ въ Бургосѣ. Послѣдовалъ цѣлый рядъ недоразумѣній... Іоанна ни во что не хотѣла вмѣшиваться и поручила все Фердинанду. Вся власть надъ Испаніей перешла въ руки Фердинанда и оставалась до самой смерти послѣдняго.

Говорятъ, что вслѣдствіе смерти любимаго супруга Іоанна сошла съ ума. Это мнѣніе раздѣлялось и раздѣляется очень многими; даже осторожный Баумгартенъ [1]) и тотъ признаетъ это. Для историковъ же типа Пишо безуміе Іоанны даетъ поводъ ко многимъ красивымъ вздохамъ. „Одинъ голый разсказъ объ этомъ отчаяніи и продолжительномъ траурѣ доньи Жуаны“,—говоритъ Пишо [2])—„не можетъ воз-

---

[1]) Baumgarten. Geschichte Karl's V. T. I. Стр. 12.

[2]) Pichot. Charles V. Стр. 21.

буждать ничего, кромѣ горестнаго благоговѣнія“ и, захлебываясь, разсказываетъ наиболѣе интересные эпизоды болѣзни Іоанны. Но нѣкоторая, очень, впрочемъ, незначительная часть историковъ утверждаетъ, что Іоанна вовсе не была безумной. Дѣйствительно, очень легко назвать и вполнѣ здороваго человѣка безумнымъ. А между тѣмъ, на безуміи королевы Іоанны строятъ цѣлыя гипотезы о характерѣ Карла V, какъ мы уже говорили. Но въ характеристикѣ безумія Іоанны все-таки существуетъ разноголосица. Одни считаютъ, что Іоанна потеряла разсудокъ вслѣдствіе смерти своего мужа; другіе—вслѣдствіе измѣны его [1]).

Вообще, на исторію Іоанны Кастильской легъ густой налетъ романтической мысли французовъ и мрачной фантазіи испанцевъ. Іоанна у гроба своего мужа, ночью, въ горномъ ущельѣ, въ темномъ платьѣ, развѣваемомъ вѣтромъ, съ волосами въ безпорядкѣ,—это любимый сюжетъ современныхъ испанскихъ художниковъ. А между тѣмъ, повторяю, нѣкоторые историки не считаютъ Іоанну безумной! Дѣйствительно, Іоанну при ея жизни объявляли то безумной, то здравомыслящей. Одинъ изъ первыхъ, кто сталъ отрицать безуміе Іоанны, былъ Бергенротъ. Онъ доказывалъ, что Іоанна была противницей католицизма и что поэтому ее и объявили безумной. Но Гашаръ и Рёслеръ доказывали неправильность взгляда Бергенрота. Бергенротъ старался доказать, что Іоанну пытали, и на основаніи этого онъ дѣлалъ выводъ, что она не была безумной; Рёслеръ и Гашаръ старались убѣдить всѣхъ, что Іоанну не пытали. Намъ кажется страннымъ этотъ споръ: къ безумнымъ въ XVI вѣкѣ относились вовсе не такъ, какъ теперь, и Іоанну могли подвергать экзорцизму. Но все-таки я рѣшительно не вижу фактовъ, почему Іоанна была безумна. Правда, она была апатична къ дѣламъ государства, но намъ кажется, что изображеніе путешествія ея съ мертвымъ тѣломъ Филиппа слишкомъ далеко отъ истины, по крайней мѣрѣ, то изображеніе этого событія, которое мы находимъ у старыхъ испанскихъ историковъ. Намъ кажется, что свѣдѣнія, сообщаемыя по этому поводу старыми историками,

---

[1]) См., напр., Villa. „La Reina Dona-Juana la Loca“.

нужно очень сильно профильтровать и ужъ во всякомъ случаѣ не довѣрять имъ вполнѣ, что дѣлаютъ, между прочимъ, почти всѣ историки, даже Мауренбрехеръ [1]). Можетъ быть, Іоанна и не была безумной.

Шестнадцатый вѣкъ даетъ намъ много бойкихъ, дѣловитыхъ женщинъ, завѣдующихъ политикой цѣлыхъ странъ, почти совсѣмъ незнакомыхъ съ любовью, предпочитающихъ всему договоры, составленіе союзовъ, споры съ большими сановниками подвѣдомственныхъ имъ странъ, женщинъ съ грубыми манерами и грубымъ голосомъ, въ родѣ правительницы нидерландовъ, сестры Карла V,—Маріи. Можетъ быть, Іоанна была имъ противоположностью: прежде всего женщиной, полной любви къ своему мужу, горько оплакивавшей его всю свою жизнь. Вѣдь вовсякомъ случаѣ Іоанна узнавала окружающихъ. Въ исторіи много значитъ случай, и какъ св. Тереза, жившая при Карлѣ V въ Испаніи, останется въ исторіи навсегда святой, такъ Іоанна останется безумной. Но, повторяю, строить на безуміи Іоанны характеристику Карла V невозможно: на одномъ неизвѣстномъ нельзя строить другое неизвѣстное.

Обстоятельства ранней жизни Карла V все-таки отозвались, конечно, на немъ. Карлъ V не зналъ ни ласкъ матери, ни отцовскихъ совѣтовъ: съ ранняго дѣтства онъ росъ сиротою. Шестнадцать первыхъ лѣтъ онъ прожилъ въ Нидерландахъ. Когда ему было шесть лѣтъ, умеръ его отецъ. Онъ зналъ одну лишь свою тетку, Маргариту Австрійскую, которая въ то время была правительницей Нидерландовъ. Мауренбрехеръ говоритъ [2]), что Карлъ V, его сынъ, внукъ и все потомство унаслѣдовали частицу безумія отъ Іоанны. Мнѣ кажется, что Карлъ V унаслѣдовалъ гораздо больше отъ Маргариты Австрійской. Карлъ V не зналъ, будучи ребенкомъ, своей матери. Онъ зналъ одну лишь свою тетку, Маргариту, добродушную, своевластную, бывшую когда-то замужемъ за маленькимъ и бѣдненькимъ герцогомъ Савойскимъ. О времени своего замужества Маргарита давно позабыла; она вся жила въ мірѣ нидерландской политики, ссорилась то съ Макси-

---

[1]) Maurenbrecher. Studien und Skizzen. Стр. 89.
[2]) Maurenbrecher. Studien und Skizzen. Стр. 98.

миліаномъ, то съ Фердинандомъ, терпѣть не могла большихъ нидерландскихъ чиновниковъ, хотя и имѣла свой дворъ сплошь состоящимъ изъ бургундской знати. Дворъ Маргариты Австрійской былъ веселый, богатый дворъ, хорошо организованный, славившійся своей музыкальной капеллой, первой въ Европѣ. И теперь еще въ книгахъ съ переплетами изъ пергамента, которыя еще продаются у старыхъ брюссельскихъ антикваріевъ, можно прочесть про забавы двора Маргариты: про то, какъ охотничьи собаки схватывали кабана за лохматыя уши, какъ вырывался бѣшеный звѣрь и какъ громко и побѣдоносно трубили мѣдные рога. Это былъ, пожалуй, единственный дворъ въ Европѣ, дворъ, гдѣ у придворныхъ руки всегда пахли кожей отъ большихъ и неуклюжихъ перчатокъ, надѣвавшихся при верховой ѣздѣ, дворъ, гдѣ топали, не стѣсняясь, подъ холодными сводами дворца и часто, желая похвастаться своими мускулами на пріемахъ у ея высочества, засучивали атласные рукава и показывали волосатыя руки. Этотъ дворъ не зналъ ни духовъ, ни дорогихъ винъ. Карлъ V выросъ среди этого двора. Съ дѣтьми бургундскихъ дворянъ Карлъ V жилъ до шестнадцатилѣтняго возраста, игралъ съ ними въ мячъ, шалилъ, ѣздилъ на безопасную охоту и очень мало зналъ, что дѣлалось съ его именемъ и съ нимъ самимъ.

Съ самыхъ раннихъ лѣтъ думаютъ о женитьбѣ Карла V: то на M-me Claude, когда ему не было еще и года, то на Маріи Англійской. Наконецъ, рѣшили женить Карла на Ренатѣ, дочери Людовика XII. Этотъ бракъ былъ предложенъ въ 1513 году Фердинандомъ Людовику XII [1]). Въ исторической наукѣ существуетъ взглядъ, что Карлъ V въ началѣ, при жизни Фердинанда и Максимиліана, былъ лишь владѣтелемъ Нидерландовъ и больше, въ сущности, никакой другой величины собою не представлялъ. Но никогда не нужно забывать, что Карлъ V былъ наслѣдникъ испанской короны и что Фердинандъ въ увеличеніи власти Карла могъ видѣть извѣстную долю своей собственной выгоды. Комбинація родственныхъ

[1]) О французской дипломатіи въ эпоху Людовика XII см. очень интересныя главы у Maulde. Histoire de Louis XII.

связей давала Карлу громадную власть, давала еще и при жизни Фердинанда и Максимиліана, даже еще тогда, когда Карлъ былъ несовершеннолѣтнимъ. Scheurl въ письмѣ къ Отто Бекманну [1]) говоритъ, что „Карлу Бургундскому итальянскіе астрологи предсказываютъ владычество надъ всѣмъ свѣтомъ". Поэтому всѣмъ было дѣло, на комъ женится Карлъ V.

Въ началѣ 1513 года, подъ вліяніемъ Максимиліана и Маргариты Австрійской, Карлъ вступаетъ въ союзъ съ Генрихомъ VIII Англійскимъ. Трактатъ этотъ напечатанъ у Ланца и интересенъ тѣмъ, что Карлъ тамъ вездѣ называется принцемъ Кастиліи [2]). Опять новое доказательство того, что на Карла не смотрѣли какъ только на владѣтеля Нидерландовъ. Ланцъ въ предисловіи къ изданнымъ имъ бумагамъ говоритъ [3]), что въ союзѣ съ Англіей Максимиліанъ видѣлъ большую выгоду для себя, въ союзѣ же съ Франціей видѣлъ для себя выгоду Фердинандъ. Но безспорно, что къ союзу съ Англіей склонялась и Маргарита Австрійская; по крайней мѣрѣ, въ то время Маргарита правила всѣми дѣлами Карла, и Людовикъ XII прямо говоритъ въ письмѣ къ Карлу про Маргариту Австрійскую: „elle a la totale charge de vos affaires" [4]). Но потомъ стало преобладать вліяніе Фердинанда. Составленный трактатъ о женитьбѣ Карла, принца Кастиліи, на Ренатѣ, второй дочери короля Людовика XII, подписанный въ Блуа въ первый день декабря 1513 года, помѣщенъ у Du-Mont въ четвертомъ томѣ его „Corps Diplomatique".

Мы уже говорили во введеніи о той ошибкѣ, въ которую впадаютъ многіе изслѣдователи, принимающіе оффиціальный языкъ трактатовъ Карла V за выраженіе личныхъ мнѣній этого императора. [5]) Изъ вышеупомянутаго трактата, составленнаго

---

[1]) Chr. Scheurl. Briefbuch. T. I. Стр. 130.

[2]) Lanz. Monumenta Habsburgica. T. I. Стр. 5.

[3]) Lanz. Monumenta Habsburgica.—Einleitung. Стр. 141.

[4]) Lanz. Correspondenz des Kaisers Karl's V. T. I. Стр. 1.

[5]) Эта ошибка бываетъ не только при характеристикѣ одного Карла Пятаго: то же самое повторяется и относительно Максимиліана. Даже такой умный и знающій историкъ какъ Ulmann не избѣжалъ этой ошибки въ своемъ изслѣдованіи о Максимиліанѣ. [Ulmann. Kaiser Maximilian I. T. II].

ужъ во всякомъ случаѣ не политическими мечтателями, видно, что во всѣхъ оффиціальныхъ бумагахъ того времени повторялись гулкія, пѣнящіяся выраженія объ изгнаніи невѣрныхъ. Такъ, напримѣръ, и въ этомъ трактатѣ, имѣющемъ узкій, односторонній политическій смыслъ, говорится, что все дѣло ведется единственно къ тому, чтобы, какъ сказано въ самомъ текстѣ, „convertir les armées contre les Infidèles" etc. etc [1]). Это чисто оффиціальный пріемъ, такой же, какъ оффиціальное обращеніе въ письмахъ, убѣжденіе въ готовности къ услугамъ или заявленіе о желаніи поцѣловать руку, которымъ, по этикету, должны кончаться всѣ испанскія письма. Увѣренія въ желаніи бороться съ невѣрными, которыя такъ смутили собой Кудрявцева, принадлежатъ къ безчисленному ряду оффиціальныхъ труизмовъ.

За оффиціальной средой международныхъ трактатовъ и договоровъ, въ которыхъ имя Карла, принца Кастиліи, переставляется какъ шахматная фигура, за этой-то холодной, мертвенно-пышной средой, трудно разглядѣть самого Карла. Чему и какъ учился Карлъ — объ этомъ трудно сказать. Учился онъ, по всей вѣроятности, очень мало; его воспитатели—жадный къ политикѣ и деньгамъ, любящій почетъ и самого себя больше всего на свѣтѣ, пресловутый Круа-де-Шьеръ и неуклюжій, честный, мало понимающій и мало кѣмъ понятый Адріанъ, — заботились больше о государственныхъ и личныхъ дѣлахъ, чѣмъ о воспитаніи ввѣреннаго имъ принца. О Карлѣ V до его совершеннолѣтія извѣстно очень мало, или почти ничего. Дипломаты, которые видали его, этого блѣднаго мальчика съ вялыми движеніями рукъ, бѣлокурыми волосами и выдающимся впередъ подбородкомъ, слишкомъ были заняты своими дѣлами, чтобы поговорить съ нимъ и узнать, о чемъ думаетъ этотъ будущій владѣтель столь многихъ и столь обширныхъ странъ. Говорятъ, у Карла V былъ другъ Буссю. Буссю, дѣйствительно, существовалъ. Въ письмѣ къ Маріи, вдовствующей королевѣ Венгерской, Карлъ V упоминаетъ о Boussu, котораго онъ послалъ къ ней, рекомендуя его, проситъ до-

[1]) Du-Mont. Coprs Diplomatique. T. IV. Стр. 178.

вѣриться ему[1]). Но что за человѣкъ былъ этотъ Буссю — никто не знаетъ.

У Лети, очень стараго и очень плохого историка, помѣщенъ заимствованный изъ древнихъ мемуаровъ разсказъ, какъ Карлъ увидалъ въ первый разъ льва въ Брюссельскомъ звѣринцѣ и какъ онъ испугался. Вообще въ дѣтствѣ Карлъ былъ очень боязливъ. Онъ пугался рѣшительно всего, часто блѣднѣлъ, въ особенности когда при немъ говорили объ адѣ, загробной жизни и прочихъ ужасахъ. Но онъ пересиливалъ свой страхъ и по цѣлымъ часамъ читалъ обо всемъ этомъ въ старыхъ рукописныхъ книгахъ съ мѣдными застежками и тонкими миніатюрами. На Карла V въ дѣтствѣ, конечно, также имѣла большое вліяніе торжественная католическая служба, которую любили въ Нидерландахъ,—служба холодная, пышная и скучная, какъ богатыя похороны, безъ поэзіи, блеска и той чувственности, которую такъ любятъ еще до сихъ поръ на югѣ. Само же образованіе Карла было очень плохо: Карлъ V всегда плохо зналъ по-латыни, да и надъ латинскимъ выговоромъ самого его учителя, Адріана, смѣялись итальянцы.

Въ 1515 году Карлъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ и вступилъ въ управленіе Нидерландами. Впрочемъ, вступилъ онъ, конечно, лишь номинально: Нидерландами правили, съ одной стороны, Маргарита, съ другой—Шьевръ. Въ началѣ 1515 г. уже было послано самимъ Карломъ посольство французскому королю Франциску I по поводу заключенія брачнаго договора между Карломъ и Ренатою. Фердинандъ Католическій уже раздумалъ женить Карла на Ренатѣ и предполагалъ женить на этой принцессѣ Фердинанда, брата Карла [2]). Максимиліанъ же желалъ женить Карла на другой принцессѣ. Въ сущности, это посольство было посольствомъ чисто нидерландскимъ и было отправлено по инициативѣ Шьевра. Во главѣ его стояли люди, неискусные въ дипломатіи, удивлявшіеся многому такому, чему нельзя было удивляться, передававшіе слухи за досто-

---

1) Lanz. Correspondenz des Kaisers Karl's V. T. I. Стр. 417.
2) Lanz. Correspondenz des Kaisers Karl's V. T. I. Стр. 13.

вѣрное, помѣщавшіе въ своихъ донесеніяхъ пустые разговоры съ придворными дамами и постоянно требовавшіе новыхъ инструкцій. Благодаря всему этому, происходило много недоразумѣній; Маргарита Австрійская при этомъ зачѣмъ то задерживала объявленіе договора, что очень сердило короля. Впрочемъ, все это кончилось, какъ только раздалась вѣсть о побѣдѣ при Мариньяно.

Значеніе побѣды при Мариньяно ужасно преувеличивается французскими историками и уменьшается нѣмецкими... Ульманнъ, напримѣръ, въ своей исторіи Максимиліана излагаетъ все дѣло такъ, какъ будто императоръ ея совершенно и не замѣтилъ. Это, конечно, вздоръ, и Blondel совершенно правъ, упрекая нѣмецкаго историка въ этомъ [1]). Но за то французы—въ особенности маленькіе (ученики Ecole des Chartes преимущественно)—изображаютъ все дѣло такъ, точно весь міръ оглохъ отъ грома этой побѣды. Истина, какъ часто бываетъ, лежитъ по серединѣ. Карлъ, какъ и всѣ, былъ удивленъ, но не пораженъ до безчувствія.—Сейчасъ послѣ побѣды Карлъ пишетъ письмо Франциску съ поздравленіемъ и письмо Луизѣ Савойской [2]), предлагаетъ вмѣстѣ заботиться о всеобщемъ европейскомъ мирѣ, т. е. все это, конечно, дѣлается отъ имени Карла, а не имъ самимъ. Вообще, повторяю, именемъ Карла дѣйствуютъ рѣшительно всѣ—и Фердинандъ, и Максимиліанъ съ Маргаритой Австрійской, и Фламандцы съ Шьевромъ во главѣ. Сколько интригъ, придворныхъ сплетенъ, хитроумныхъ махинацій скрещивалось надъ главой Карла, который мирно игралъ въ мячъ или училъ сложеніе и вычитаніе. Маргарита Австрійская первое время послѣ признанія Карла V совершеннолѣтнимъ очень сильно поспорила съ Шьевромъ. Шьевръ ее совсѣмъ устранилъ отъ правленія, не давалъ ей читать писемъ, и Максимиліанъ поэтому обратился даже съ письмомъ къ Карлу [3]). Но вотъ 23 января 1516 г. умираетъ

---

[1]) Revue Historique 1893. Juillet—Août. Стр. 384.

[2]) О Луизѣ Савойской см. Jacqueton. La Politique exterieure de Louise de Savoie.

[3]) Le Glay. Correspondance de Maximilien I et de Marguérite d'Autriche. T. II. Стр. 341.

Фердинандъ. Карлу достаются Испанія и Неаполитанскія владѣнія. Карлъ и его Фламандцы собираются въ Испанію... Уже 10 апрѣля 1516 года Scheurl пишетъ Отто Бекманну [1]), что бельгійскій принцъ Карлъ снаряжаетъ флотъ и хочетъ ѣхать въ Испанію. Но Карлъ поѣхалъ только 8 сент. 1517 года [2]).

Фламандцы, явившись въ Испанію, стали поступать по своей всегдашней политикѣ,—стали стараться достать какъ можно больше денегъ отъ населенія: съ самаго перваго дня начали думать объ увеличеніи податей, совершенно не понимая ни испанскаго языка, ни духа испанскаго народа. Съ глухимъ негодованіемъ отвѣчали имъ кортесы. Ни Карлъ, ни испанцы не понимали другъ друга. Это было глупое, непонятное, путанное время, которое кончилось совсѣмъ уже непонятнымъ возстаніемъ коммунерусовъ. Это возстаніе настолько непонятно и настолько плохо разработано, что, для того, чтобы сказать что-нибудь съ увѣренностью, намъ надо разобраться въ имѣющемся у насъ матеріалѣ.

Надъ исторіей возстанія кастильянскихъ городовъ всего болѣе работалъ Хёфлеръ. Хёфлеръ—представитель великонѣмецкой школы: онъ нѣмецкій патріотъ, но патріотъ въ габсбургскомъ смыслѣ этого слова. Онъ возстаетъ противъ утвержденія прочихъ историковъ, главнымъ образомъ испанцевъ, что возстаніе городовъ было гибельно для Испаніи, потому что была подавлена всякая самостоятельность Испаніи, былъ остановленъ ея правильный ростъ. Во всякой странѣ есть свои либералы, которые считаютъ многое сквернымъ и плохимъ, совершенно не зная, почему это плохо. Среди испанскихъ интеллигентовъ еще до сихъ поръ живетъ убѣжденіе, что Карлъ погубилъ Испанію, а испанскіе художники ужасно любятъ изображать наиболѣе трогательныя мѣста возстанія городовъ: колѣнопреклоненныхъ женщинъ, женъ и сестеръ погибшихъ инсургентовъ и пр. и пр. Феррeръ дель Ріо, очень толковый въ остальномъ историкъ, убѣжденъ, что паденіе Испаніи, эпоха ея политиче-

[1]) Chr. Scheurl. Briefbuch. T. I. Стр. 161.
[2]) Commentaires de Charles V publiés par Kervyn de Lettenhove. Стр. 9.

скаго декаданса, началась именно съ этого возстанія. „Вслѣдствіе возстанія комунидадъ",—говоритъ этотъ историкъ,—„началась денатурализація испанской политики; народъ сталъ зависимъ, дворянство принижено и императоръ германскій сталъ заботиться лишь объ удовлетвореніи одного честолюбія" [1]). Хёфлеръ возстаетъ противъ мнѣнія испанскихъ либераловъ (хоть прямо о нихъ не говоритъ) и старается доказать, что внутренняя политика Габсбурговъ въ Испаніи была лишь продолженіемъ политики Фердинанда и Изабеллы.

Въ сущности, относительно испанскаго возстанія мы имѣемъ лишь одинъ фактъ, который признается всѣми. Этотъ фактъ заключается въ томъ, что, когда Карлъ пріѣхалъ въ Испанію, то онъ явился окруженный нидерландскими совѣтниками, и эти нидерландскіе совѣтники возмутили противъ себя испанцевъ. Въ цѣломъ рядѣ засѣданій кортесовъ высказывалось недовольство противъ иноземцевъ, и, наконецъ, вспыхнуло возстаніе. Но кто и зачѣмъ возставалъ — этотъ вопросъ остается въ тѣни. Хёфлеръ сравниваетъ возстаніе въ Испаніи съ возстаніемъ крестьянъ въ Германіи. Это рѣшительно неправильно, и неправильно съ самаго перваго взгляда. Въ Германіи возставали крестьяне, въ Испаніи въ числѣ возставшихъ не было крестьянъ. Правда, трудно узнать и точно опредѣлить происхожденіе вожаковъ возстанія, но ужъ по самой ихъ спеціальности можно видѣть, что это были жители городовъ, а не деревень. Въ деревняхъ не могло быть рѣчи о такомъ развитомъ раздѣленіи труда, съ какимъ мы знакомимся въ этомъ возстаніи. Одинъ изъ вожаковъ этого возстанія, Хуанъ Каро, былъ кондитеромъ. Кондитеръ могъ быть только въ городѣ, а ужъ никакъ не въ деревнѣ.

Возстаніе, конечно, гораздо ранѣе подготовлялось. Когда Карлъ сдѣлался испанскимъ королемъ, онъ не зналъ ни слова по-испански; кажется, что по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ Карлъ V научился этому языку. Правда, уже въ мартѣ 1516 года Петръ Мартиръ пишетъ про Карла: „Rex jam callet hispanicam linguam"; но Петру Мартиру довѣрять нужно крайне осторожно. Всей Испаніей стала править компанія

[1]) Ferrer del Rio. Comunidades de Castilla. Стр. 341.

не особенно родовитыхъ, не особенно гордыхъ, но жадныхъ и грубыхъ иностранцевъ. „Къ Карлу V нельзя было подступиться безъ Шьевра".—говоритъ про это время Хёфлеръ[1]).— „Великій канцлеръ Соважъ—бельгіецъ, Гаттинара—бургундецъ, великій инквизиторъ,—нидерландецъ, примасъ Испаніи—нидерландецъ". Все это грабило, крало индѣйскія жемчужины цѣлыми фунтами, успѣвало уводить цѣлыя стада муловъ и лошадей изъ Испаніи и похищать чуть не цѣлыми бочками дублоны. Молодой Карлъ, блѣдный и скучный, училъ наизусть рѣчи по-испански, которыхъ онъ не понималъ, и лѣниво не замѣчалъ рѣшительно ничего кругомъ. Шьевръ въ это время богатѣлъ, украшалъ драгоцѣнными камнями платья своей жены и велъ ту скучную, умную и вмѣстѣ съ тѣмъ неумную политику, которую любили въ то время, по которой одинъ договоръ долженъ былъ смѣняться другимъ, въ каждомъ договорѣ необходимо было клясться именемъ Бога, что онъ заключенъ на вѣчное время, и каждый такой договоръ необходимо было нарушить черезъ нѣсколько мѣсяцевъ составленіемъ другого, съ тою же клятвой и съ тѣмъ же увѣреніемъ въ вѣчной дружбѣ. Испанцы этимъ были вовсе недовольны и, наконецъ, возстали.

Въ сущности, въ этомъ возстаніи комунидадъ не было ничего революціоннаго. Испанцы прямо возмутились противъ грубыхъ и неуклюжихъ распоряженій нидерландцевъ, а такъ какъ, главнымъ образомъ, на городахъ отзывались эти распоряженія, то города и возстали. Это не была революція, какъ называетъ это возстаніе Хёфлеръ [2]). Это былъ мятежъ, было возстаніе, отчасти напоминающее собою тотъ мятежъ московской городской толпы, который кончился ниспроверженіемъ Лже-Димитрія. Самый ходъ мятежа довольно извѣстенъ, но онъ происходилъ уже тогда, когда Карлъ уѣхалъ въ Германію за императорской короной. Этотъ мятежъ кончился неудачно; Карлъ V восторжествовалъ и упрочилъ за собою владѣнія въ Испаніи.

Къ этому времени относится еще другое безшумное и незамѣтное расширеніе власти Карла V, именно, завоеваніе Мекси-

---

[1]) Höfler. Der Aufstand der Kastillianischen Städte. Стр. 35.

[2]) Höfler. Zur Kritik und Quellenkunde der ersten Regierungsjahre K. Karl's V. Стр. 64.

ки и Перу. Въ особенности интересно завоеваніе Мексики [1]). Мы имѣемъ письма Фердинанда Кортеса къ Карлу. 30-го октября 1520 года Фердинандъ Кортесъ послалъ свое первое донесеніе. Тамъ онъ прямо говоритъ о томъ, что Карлу вполнѣ подчинены эти громадныя и обильныя, странныя земли. О завоеваніи Мексики писалъ Прескоттъ и писалъ положительно недуррно. Но онъ почему-то выставилъ атцековъ какими то больными дѣтьми — побѣдить которыхъ рѣшительно ничего не стоило [2]). Это рѣшительно неправильно. Въ сущности завоеваніе Мексики произошло потому, что Фердинандъ Кортесъ воспользовался внутренними несогласіями между мѣстными властителями [3]).

Донесенія Кортеса Карлу чрезвычайно интересны, они читаются какъ романъ, и очень интересный романъ. Изъ нихъ можно познакомиться съ исторіей и съ жизнью народа, который теперь безслѣдно исчезъ. Это былъ тихій, незлобивый народъ: испанцы ругались, стрѣляли, обижали всякаго кто попадался на пути, а Монтезума ни на что не жаловался, посылалъ Кортесу золото, одежды, маисъ, воду и сахаръ [4]). Индѣйцы дарили все испанцамъ: и ожерелья, которыя они считали очень красивыми и, главное, очень модными, и..... своихъ дочерей [5]). Наконецъ, Монтезуму арестовали, а онъ все дѣлалъ подарки [6]). Въ концѣ концовъ, испанцы побѣдили этотъ несчастный, трусливый, но поэтичный народъ,—народъ, который совершенно не зналъ злости и ненависти, который былъ бы идеальнымъ, еслибы только могъ существовать [7]). Прескоттъ называетъ экспедицію Кортеса — сверхъестественной и единственной въ

[1]) О другихъ завоеваніяхъ см. Фиске. Открытіе Америки. Т. II.

[2]) Прескоттъ. Завоеваніе Мексики. Т. I. Стр. 57.

[3]) Correspondance de Ferdinand Cortés avec Charles V trad. par. M. Flavigny. Стр. 35.

[4]) Ibid. Стр. 46.

[5]) Ibid. Стр. 61 и 67.

[6]) Ibid. Стр. 71.

[7]) „Мексиканцы и перувіанцы, покоренные дикарями—испанцами, были очень цивилизованы“, — такъ говоритъ Вольтеръ въ своихъ примѣчаніяхъ на сочиненіе Руссо: „Discours sur l'origine et les fondements de l'inégalité parmi les hommes“. См. статью Радлова „Вольтеръ и Руссо“. (Вопросы Философіи и Психологіи. Т. II. Стр. 16).

своемъ родѣ, въ исторіи міра [1]). Дѣйствительно, въ ней много чудеснаго: горсть искателей приключеній—плохо вооруженныхъ, мало понимающихъ, гдѣ они и зачѣмъ они идутъ—завоевываютъ богатѣйшія и обширнѣйшія страны. Да и вообще въ самой власти Карла много чудеснаго. Вѣдь подумайте только: его владѣнія состояли изъ Нидерландовъ, Испаніи, Неаполя, Сициліи и изъ американскихъ земель. Испанцы хотѣли стряхнуть съ себя чужеземное иго, но не смогли этого сдѣлать; Фердинандъ Кортесъ и другіе безшабашные истатели приключеній положили къ ногамъ Карла цѣлыя страны, полныя золотомъ, драгоцѣнными камнями и робкимъ и нѣжнымъ народомъ. Но Карлъ получилъ еще сверхъ всего этого корону Германской имперіи.

Это — цѣлая, длинная исторія пріобрѣтенія короны Карломъ. Карлу пришлось истратить массу денегъ и употребить много усилій, чтобъ имѣть право называться такъ, какъ онъ называется теперь; до этого онъ былъ лишь Карлъ I, король Испаніи. Максиміліанъ Германскій на одномъ изъ сеймовъ въ Аугсбургѣ, на которомъ всѣ его другія требованія не были уважены, добился однако того, что курфюрсты бранденбургскій, майнцскій, кельнскій и пфальцскій обѣщали сдѣлать Карла Германскимъ императоромъ. Единственно кто не далъ вполнѣ яснаго отвѣта — были Фридрихъ Саксонскій и архіепископъ трирскій. Когда 12-го января 1519 г. умеръ Максиміліанъ и на очередь сталъ уже серьезно вопросъ, кто будетъ наслѣдовать императорскій титулъ, то многіе прямо стали указывать на Карла, короля Испаніи.

Изучая какую-либо отдѣльную страну или отдѣльный вопросъ, историки часто впадаютъ въ односторонность и рисуютъ событія не въ надлежащихъ пропорціяхъ. Смерть Фердинанда, начало реформаціи, — какіе это все большіе, важные факты во всеобщей исторіи, а между тѣмъ, вотъ какъ сообщаетъ объ этомъ современникъ этихъ событій: „Умеръ король Испаніи и оставилъ шесть царствъ Карлу Австрійскому. Карльштадтъ захотѣлъ спорить съ Римомъ, но его, кажется, никто не одобряетъ“ [2]). Тотъ же Scheurl со-

---

[1]) Прескоттъ. Завоеваніе Мексики, т. II. Стр. 216.
[2]) Scheurl. Brieíbuch. T. I. Стр. 151.

общаетъ, напримѣръ, о предполагаемыхъ кандидатахъ на императорскій престолъ слѣдующее: „Іоахимъ Бранденбургскій слѣдуетъ по пятамъ за императоромъ, многіе стоятъ за него, но, по моему, пусть лучше выбираютъ Карла“ [1]). То же самое говорили и по смерти Максимиліана. О самомъ Карлѣ въ Германіи всегда знали очень мало и, какъ незнакомаго, его почему-то хвалили. Изъ далекой Испаніи приходятъ люди и разсказываютъ про Карла о какихъ-то его невѣдомыхъ тріумфахъ въ Испаніи. Scheurl часто повторяетъ: Carolus apud Hispanos triumphat [2]). Кромѣ того, Карла хвалитъ Эразмъ за то, что „Illustrissimus Princeps meus Carolus praebendam donavit, satis et honorifcam et copiosam [3])“. Вотъ этого-то Карла, короля Испаніи, котораго почему-то, должно быть по созвучію, называли Карломъ Великимъ, и нужно было выбирать въ германскіе императоры, а если не его, то какого-нибудь другого властителя.

Въ 1516 году Максимиліанъ обѣщалъ англійскому королю Генриху VIII, что тотъ послѣ его смерти будетъ выбранъ германскимъ императоромъ. Кромѣ того, Максимиліанъ обѣщалъ многимъ изъ германскихъ князей, что они будутъ выбраны германскими императорами, такъ что, въ сущности, на то, что происходило до смерти Максимиліана, на это трудно было опираться при избраніи. Однимъ изъ кандидатовъ былъ и Фердинандъ. Курфюрсты, по смерти императора Максимиліана, позабыли рѣшительно обо всѣхъ своихъ обѣщаніяхъ и стали держаться „свободной политики“, какъ выражается Хёфлеръ [4]), т. е. политики личной пользы и денежной выгоды. Главными претендентами на императорскій престолъ явились Францискъ I и Карлъ, король испанскій. Генрихъ VIII, король англійскій, также заявлялъ свои притязанія, но онъ скоро отсталъ, — остались только два соперника. Въ сущности, это была борьба двухъ женщинъ: Маргариты Австрійской и Луизы Савойской. Въ кни-

---

1) Ibid. T. II. Стр. 8.

2) Ibid. T. II. Стр. 34 и 28.

3) Kraft. Briefe und Documente der Zeit der Reformation im 16. Jahrhundert. Стр. 12.

4) Höfler. Karl's I (V) Wahl zum Römischen Könige. Стр. 42.

гахъ Рёслера и Хёфлера очень ясно представлена эта борьба за корону Германской имперіи. Вся Германія покрылась агентами Карла и Франциска. Jean d'Albret, Guillard, Gouffier составляли оффиціальное посольство Франциска I, въѣзжали въ города съ громадной свитой, возили золото цѣлыми бочками и щедро раздавали его [1]). А графъ Нассаускій, агентъ Карла, обѣщаетъ выдавать по пятидесяти тысячъ дукатовъ всякому изъ курфюрстовъ, кто станетъ подавать голосъ за испанскаго короля. Сами же курфюрсты, между тѣмъ, стараются дать корону кому-нибудь изъ нѣмецкихъ князей. Курфюрстъ Саксонскій старается о своемъ братѣ [2]). Курфюрстъ Бранденбургскій [3]) тоже стремится для самого себя получить императорскую корону, а между тѣмъ агенты Генриха VIII запутываютъ еще больше дѣло и не теряютъ тайной и робкой надежды, что ихъ король будетъ германскимъ императоромъ. Скверное, грустное время — это время избранія Карла V: что-то разгульное, дикое, циничное появилось на лицахъ. Вся Германія сдѣлалась какой-то большой биржей, гдѣ благо родины и совѣсть гражданина котировались по сходной цѣнѣ. Желѣзныя ворота, отдѣлявшія жидовскій Франкфуртъ отъ христіанскаго, могли бы и не затворяться на ночь за это время.

Папа Левъ X высказался въ пользу Франциска I, но тутъ впервые заявила себя Германія, заявилъ себя германскій народъ. Я не знаю, но мнѣ кажется, что во враждѣ нѣмцевъ съ французами есть что-то принципіальное, основное. Если теперь иногда попадаются въ нѣмецкой литературѣ политическія утопіи, въ которыхъ территорія, занимаемая Франціей, принадлежитъ Германіи, а самой Франціи уже не существуетъ, то, я думаю, мало кто вспоминаетъ при этомъ, что еще въ началѣ XVI вѣка мечтали о томъ же, и однимъ изъ химерическихъ плановъ Максимиліана было именно уничтоженіе французскаго государства. Очень многіе историки, начиная съ Ранке и кончая Эгельхаафомъ, объясняютъ неудачу Франциска I тѣмъ, что за него, на его сторону, сталъ

1) Rösler. Die Kaiserwahl Karl's V. Стр. 64.
2) Höfler. Karl's I (V) Wahl zum Römischen Könige. Стр. 51.
3) Ibid. Стр. 53.

папа. „Съ тѣхъ поръ какъ папа высказался въ пользу Франциска“,— говоритъ Эгельхаафъ [1]),—„притязанія его уже на самомъ дѣлѣ стали непопулярны“. Но историки здѣсь очень сильно ошибаются. Францискъ не по этому не былъ выбранъ германскимъ императоромъ. Въ сущности, повторяю, все дѣло рѣшила національная антипатія къ французамъ. Стоитъ только прочесть хоть нѣсколько пѣсенъ изъ той ихъ громадной массы, которая распѣвалась во время избранія, чтобы понять, какая ненависть существовала у нѣмцевъ къ французамъ.

У нѣмецкихъ историковъ существуетъ привычка преувеличивать значеніе реформаціи и всѣ факты выводить изъ ненависти нѣмцевъ къ Риму. Избраніе Карла V германскимъ императоромъ объясняютъ они тоже реформаціей въ Германіи. Реформація тутъ рѣшительно ни при чемъ; Кальвинъ дѣйствовалъ въ Гагенау для сближенія членовъ Шмалькальденскаго союза съ Франціей [2]); Лутеръ отъ всего сердца ненавидѣлъ французовъ. И Кальвинъ, и Лутеръ были реформаторами; но никогда не нужно забывать, что, кромѣ реформаціи, у нихъ на умѣ и на сердцѣ было еще многое другое. Безспорно, впрочемъ, что когда Карлъ вступилъ на германскій престолъ, то многіе противники Рима стали глядѣть на него съ надеждой, что онъ избавитъ ихъ отъ ненавистнаго ига. Гуттенъ въ своемъ Вадискусѣ высказываетъ надежду, что Карлъ станетъ противъ Рима, что его можно будетъ привѣтствовать какъ защитника нѣмецкой свободы, что на сторонѣ Карла поэтому будетъ все честное, передовое, и что объ его царствованіи будутъ слагаться пѣсни и поэмы [3]). Въ другомъ своемъ произведеніи Гуттенъ убѣждаетъ не препятствовать выбору Карла [4]). Въ своемъ посланіи къ нѣмцамъ всѣхъ сословій Гуттенъ тоже говоритъ о Карлѣ [5]) и хвалитъ его

---

[1]) Egelhaaf. Deutsche Geschichte. T. I. Стр. 185.

[2]) Кальвинъ получилъ даже благодарность французскаго короля за свои дѣйствія въ Гагенау. Бауеръ. Лекціи по Новой Исторіи Т. II. „Іоаннъ Слейданъ и его комментаріи“. Стр. 546.

[3]) Strauss. Ulrich Hutten. Стр. 311.

[4]) Ibid. Стр. 321.

[5]) Ibid. Стр. 356.

Но, опять таки повторяю, Германія была велика, а Гуттены были лишь единицами и десятками.

Карлу помогло, вопервыхъ, національное чувство антипатіи нѣмцевъ противъ французовъ, а вовторыхъ, не нужно забывать, что Карлъ былъ сильнымъ претендентомъ, во всякомъ случаѣ никакъ не слабѣе Франциска I. Карлъ имѣлъ все-таки много друзей среди нѣмецкихъ властителей. Пфальцграфъ Фридрихъ, несмотря на то, что Карлъ злился на него за его любовь къ Элеонорѣ (разсказъ объ этомъ очень попорченъ анекдотической пылью), все-таки остался вѣренъ ему. Кардиналъ Сіонъ старался создать Франциску I побольше затрудненій въ Швейцаріи. Сикингенъ, обладавшій въ то время военной силой въ Германіи, вначалѣ обѣщалъ свое содѣйствіе Франциску, но потомъ сталъ на сторону Карла. Курфюрсты подъ конецъ ужъ просто на просто боялись стоять на сторонѣ Франциска. Карлъ предлагалъ рѣшительно все, чтобъ только привязать къ себѣ избирателей. Наслѣдника Бранденбургскаго привлекали предложеніемъ руки сестры Карла, Катерины, которая была и красива, и добродѣтельна; его отца старались побѣдить предложеніемъ менѣе романтическимъ, но тоже пріятнымъ: ему предлагали одно очень почетное званіе въ имперіи. Фуггеры, знаменитые, славные Фуггеры стали на сторону Карла, и на ихъ банкирскія конторы дѣлались переводы изъ Испаніи и Нидерландовъ. Наконецъ, уже папѣ надоѣло идти противъ общаго теченія, и, какъ выражается Эгельхаафъ [1]), „папа перешелъ отъ всехристіаннѣйшаго короля къ королю католическому". 27-го іюня уже было рѣшено на предварительномъ совѣщаніи о выборѣ Карла, а 28-го произошелъ этотъ выборъ.

Этотъ выборъ, повторяю, явился результатомъ не какого-нибудь неожиданнаго порыва, какъ иногда изображается это въ исторіи (помните въ „Эрнани" В. Гюго). Карла выбрали вовсе не потому, что онъ былъ подъ защитой Франца Сикингена и что курфюрсты боялись этого рыцаря. Уже въ началѣ іюня Альбрехтъ Майнцскій говоритъ своему брату Іоахиму Бранденбургскому, что онъ поступаетъ крайне глупо, что еще стоитъ на сторонѣ французскаго короля. Правда, предъ самымъ

[1]) Egelhaaf. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. Стр. 139.

концомъ, когда французскіе послы поняли, что все погибло, они постарались было о томъ, чтобы выборъ палъ на какого-нибудь изъ нѣмецкихъ курфюрстовъ: Фридриха Саксонскаго или Іоахима Бранденбургскаго. Но ни тотъ, ни другой не могли быть императорами. Фридрихъ Мудрый очень хорошо сказалъ, что для того, чтобы быть императоромъ, нужно имѣть силу и мудрость, что мудрость-то онъ, пожалуй, имѣетъ, а силы у него нѣтъ. 28-го іюня 1519 года, въ семь часовъ утра, собрались шесть курфюрстовъ, при звукѣ колокола, въ капеллу при церкви Св. Варѳоломея во Франкфуртѣ. Майнцскій архіепископъ сталъ собирать голоса. Перваго онъ спросилъ архіепископа Трирскаго,—тотъ подалъ голосъ за Карла, короля Испаніи; другіе послѣдовали его примѣру, и Карлъ, король Испаніи, Неаполя, владѣлецъ Нидерландъ, сталъ избраннымъ римскимъ королемъ, сталъ императоромъ Германіи.

Карлъ сдѣлался императоромъ Германіи, потому что онъ былъ силенъ, тратилъ много денегъ на курфюрстовъ, имѣлъ много друзей въ Германіи, и потомъ, повторяю, онъ все-таки былъ человѣкъ свой, внукъ Максимиліана, не французъ, ненавистный нѣмцамъ. Въ сущности, повторяю еще разъ, въ жизни человѣческой, а слѣдовательно и въ исторіи, нѣтъ ничего опредѣленнаго, точнаго и твердаго. Сѣрые, крѣпкіе люди съ холодными глазами - всегда знающіе и понимающіе причину своихъ дѣйствій,—встрѣчаются очень рѣдко, гораздо рѣже чѣмъ думаютъ романисты формаціи Жоржа Онэ. Люди часто поступаютъ глупо и непонятно — совершенно не отдавая себѣ отчета. Я думаю, что едвали кто изъ курфюрстовъ вполнѣ ясно понималъ, почему онъ подаетъ голосъ за Карла.

Ранке въ своей „Исторіи Германіи въ реформаціонный періодъ“ далъ одну изъ самыхъ важныхъ характеристикъ этого избирательнаго періода. И здѣсь, въ этой характеристикѣ, наиболѣе ясно отразился чистый и свѣтлый образъ самого Ранке. Ранке всегда жилъ и всю человѣческую жизнь старался объяснять чѣмъ-нибудь высокимъ и чистымъ. Какъ ни какъ, а Ранке все-таки долженъ признать, что курфюрсты и другіе нѣмецкіе властители стояли сначала за Франциска, но Ранке старается смяг-

чить ихъ поведеніе, старается объяснить, извинить ихъ. То, что рейнскіе курфюрсты стояли сначала за Франциска, Ранке объясняетъ тѣмъ, что они боялись могучаго сосѣда[1]), То, что папа и другіе нѣмецкіе князья стояли за Франциска. Ранке старается объяснить тѣмъ, что они считали возможнымъ и надѣялись на то, что Францискъ освободитъ христіанскій міръ отъ Турокъ[2]). По мнѣнію Ранке, Фридрихъ Мудрый дѣйствовалъ во имя только одной чистой справедливости; ставъ на сторону Карла, онъ придалъ ему громадную моральную силу[3]). Францискъ, соединившись съ папой, погубилъ все свое дѣло: „Появились народныя демонстраціи ужасающаго рода. Однажды нѣсколько рыцарей и господъ появились около домовъ, гдѣ жилъ папскій легатъ со своей свитой, и стали въ угрожающихъ выраженіяхъ говорить легату, что если онъ не прекратитъ своихъ козней противъ короля испанскаго, то они сумѣютъ выпроводить его изъ Германіи“[4]). Право, намъ кажется, что въ этихъ демонстраціяхъ вовсе ужъ не заключалось такого ужасающаго характера, а кромѣ того, мы вообще можемъ сказать, что люди гораздо мельче, хуже, проще и сѣрѣе на самомъ дѣлѣ, чѣмъ тѣ люди, которые дѣйствуютъ въ исторіи Ранке.

Въ сущности, Карлъ былъ избранъ по цѣлому ряду безчисленныхъ причинъ. Конечно, пораженіе въ началѣ апрѣля Ульриха Виртембергскаго было также пораженіемъ и Франціи, но въ какой степени повліялъ этотъ фактъ—право, сказать трудно. Швабскій союзъ сталъ на сторону Карла, но почему онъ сталъ на его сторону — объ этомъ сказать опять таки очень трудно. Безспорно, дѣйствовало тоже среди курфюрстовъ и то соображеніе, что Карлъ далеко, что онъ не станетъ вмѣшиваться въ дѣла Германской имперіи. Карла связали очень строгой избирательной капитуляціей. Въ сущности, курфюрсты всегда старались, избирая императора, обезпечить свою собственную власть. Но на этотъ разъ они еще болѣе были озабочены этимъ. По этой капи-

---

[1]) Ranke. Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. T. I. Стр. 244.
[2]) Ibid. Стр. 248.
[3]) Ibid. Стр. 257.
[4]) Ibid. Стр. 261.

туляціи Карлъ долженъ былъ защищать все нѣмецкое государство, церковь, право, миръ, вдовъ и сиротъ, безъ курфюрстовъ не вступать ни въ какіе союзы, не начинать войны, не вводить чужеземнаго войска въ имперію, давать государственныя должности только нѣмцамъ изъ хорошихъ семействъ, въ государственныхъ актахъ пользоваться только нѣмецкимъ и латинскимъ языкомъ, препятствовать чрезмѣрнымъ требованіямъ папской власти, соблюдать конкордаты, уничтожать союзы въ народѣ и стараться объ искорененіи монополій и никого не судить внѣ имперіи. 3-го іюля была подписана капитуляція уполномоченными Карла. Многіе полагаютъ, что эта капитуляція была результатомъ неполной побѣды Карла V въ избирательной борьбѣ; но этотъ взглядъ совершенно неправиленъ. Еще въ 1518 году, когда Максимиліанъ велъ переговоры о томъ, чтобы Карлъ былъ избранъ германскимъ императоромъ, и тогда былъ разговоръ о томъ, что новый императоръ будетъ связанъ строгой избирательной капитуляціей [1]).

Итакъ, Карлъ былъ германскій императоръ. Сколько большихъ и маленькихъ людей побѣжало и поѣхало въ Испанію съ надеждой первымъ извѣстить Карла о его избраніи, какъ радостно принялъ это Карлъ и какъ онъ устроилъ нѣсколько празднествъ по поводу своего избранія, празднествъ, на которыхъ однако не присутствовали ни французскіе, ни англійскіе, ни венеціанскіе послы,—разсказывать объ этомъ мы не станемъ, потому что, въ сущности, разсказывать объ этомъ скучно и неинтересно. 20-го мая 1520 года Карлъ выѣхалъ изъ Испаніи, отправился въ Англію, въ Нидерланды, а оттуда въ Ахенъ, чтобъ надѣть на себя корону. Онъ прямо сталъ называть себя „избраннымъ римскимъ императоромъ“—титулъ, который Максимиліанъ присвоилъ себѣ лишь предъ самой своей смертью. Итакъ, повторяю еще разъ, Карлъ I, король Испаніи, сталъ Карломъ V, императоромъ германскимъ. Мы, впрочемъ, и раньше иногда называли его Карломъ V, не изъ небрежности, а потому, что Карлъ извѣстенъ въ исторіи лишь какъ Карлъ V; лишь какъ Карла V

---

1) Buchholtz. Geschichte der Regierung Ferdinand des Ersten. T. III. Стр. 668.

его любятъ или ненавидятъ, хвалятъ и порицаютъ. Когда слышишь „Карлъ V", то невольно въ умѣ, по ассоціаціи идей, поднимается цѣлый рядъ воспоминаній; если же сказать просто „Карлъ" или „Карлъ, король Испаніи", то, право, никакихъ воспоминаній не поднимется въ умѣ.

До отъѣзда своего изъ Германіи Карлъ получилъ одно очень интересное и важное письмо. Это письмо было подписано курфюрстами Майнцскимъ и Саксонскимъ. „Мы не станемъ скрывать отъ Вашего Величества", писали эти умные и важные германскіе сановники, „что мы избрали Васъ, мы со всѣми другими избирателями, съ тою цѣлью и съ такими намѣреніями въ короли римскіе и въ будущіе императоры и главой всего христіанскаго міра, чтобы Вы, по примѣру своихъ предковъ, управляли Священной Римской Имперіей. Вотъ уже идетъ тринадцатый мѣсяцъ, какъ... Максимиліанъ переселился изъ этой жизни... Священная Римская Имперія и вся Германія оставались все время безъ короля и главы, поэтому право, законы, добрые нравы и священнѣйшія постановленія римскихъ императоровъ пали, и пали до такой степени, что если приходъ Вашего Величества не поможетъ, то нелегко будетъ вновь возстановить и поднять, и поправить то, что погибло. Внутри Германіи мы видимъ такой пожаръ, котораго, кажется, никогда не было раньше... Нашей вѣрой въ Священную Римскую Имперію, благомъ всего христіанскаго міра, нашей преданностью Вашему Императорскому Величеству—мы заклинаемъ и умоляемъ Васъ поспѣшить своимъ пріѣздомъ... Еще и еще разъ заклинаемъ Ваше Величество не откладывать свой пріѣздъ" [1]). Мнѣ кажется, что здѣсь за оффиціальнымъ покрываломъ проглядываютъ черты истиннаго чувства. Нужно разобраться, что тогда происходило въ Германіи, о чемъ думали и чѣмъ жили люди, населявшіе ее. А понять, что думаютъ и думали люди - почти невозможно. Это была эпоха реформаціи, говорится въ учебникахъ. А вѣдь, въ сущности, что такое реформація?

[1]) Lanz. Correspondenz des Kaiser Karl's V. T. I. Стр. 57.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Лоранъ, умный, образованный и во всякомъ случаѣ большой писатель, Бэрдъ со своей недурной и неглупой книжкой и Михайловъ со своимъ ужъ совсѣмъ неудачнымъ очеркомъ объ анабаптизмѣ, а съ ними вмѣстѣ всѣ слабые и сильные, открывающіе новое и повторяющіе старое, всѣ тысячи, десятки тысячъ историковъ, пишущихъ и писавшихъ о реформаціи, — всѣ, повторяю я, говорятъ и утверждаютъ одно: реформація была шагомъ впередъ, а не назадъ. Лоранъ въ своей книгѣ только объ одномъ и заботится, только къ одному и стремится, чтобъ доказать и выставить реформацію, какъ шагъ впередъ, какъ шагъ къ истинному, настоящему христіанству. Бэрдъ говоритъ то же самое въ своей книгѣ: „христіанство будетъ развиваться все полнѣе и полнѣе и человѣчество будетъ все сильнѣе и сильнѣе проникать могущество и величіе Божіе“ [1]). Приблизительно то же самое, хотя, можетъ быть, другими словами, говоритъ и г. Михайловъ [2]).

Я рѣшительно пе понимаю, на какомъ основаніи все это говорится. Съ точки зрѣнія церковной этого говорить рѣшительно нельзя: всякая церковь, всякая религія считаетъ себя обладательницей настоящей, непреложной истины и ни одинъ истинно вѣрующій человѣкъ не согласится, не признаетъ, что то, во что онъ вѣритъ, не сама истина, а лишь извѣстная часть ея. Съ точки зрѣ-

---

1) Beard. Die Reformation des sechzehnten Jahrhunderts, über. v. Halverscheid. Стр. 431.

2) Михайловъ.—Революціонный Анабаптизмъ. Стр. 12.

нія философской, съ точки зрѣнія логики и простого здраваго смысла, такъ смотрѣть тоже нельзя: ибо никто не знаетъ, что будетъ впереди, никто не обладаетъ пророческимъ даромъ и никто не можетъ сказать, получатъ ли люди истинную религію, или уже получили. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, никто не имѣетъ мѣрила, никто не можетъ опредѣлить, почему религія истинна. Нужно вѣрить, но въ дѣла вѣры не можетъ вмѣшиваться мысль, и тамъ нѣтъ мѣста никакимъ разсужденіямъ. Профессоръ Сѣченовъ въ одной изъ своихъ лекцій перечислялъ основныя, врожденныя побужденія человѣка: голодъ, жажду, половое чувство, позывъ на дѣятельность, усталость и сонливость [1]). Но какъ пить, ѣсть, точно также необходимо вѣрить. Мы не знаемъ, когда прекратится родъ людской, а пока будутъ жить люди, будетъ религія: но странно говорить, какая религія болѣе истинна, — та, которая была раньше, или которая будетъ потомъ.

Лоранъ говоритъ, что реформація была шагомъ впередъ къ истинному христіанству. По мнѣнію этого большого и умнаго человѣка, христіанство Евангелія не настоящее, не истинное христіанство. Настоящее христіанство будетъ потомъ, но шагъ къ этому христіанству уже сдѣланъ, и сдѣланъ реформаціей. Этотъ шагъ сдѣланъ черезъ тысячу пятьсотъ лѣтъ послѣ перваго установленія христіанскихъ истинъ, установленія, по мнѣнію Лорана, неполнаго и недостаточнаго, а по нашему мнѣнію и по мнѣнію всѣхъ вѣрующихъ, — установленія вполнѣ полнаго и вполнѣ достаточнаго. Если Лоранъ желаетъ быть послѣдовательнымъ, то онъ принужденъ будетъ сознаться, что еще черезъ полторы тысячи лѣтъ можетъ быть сдѣланъ еще шагъ къ христіанству, къ тому истинному христіанству, какъ его понимаетъ Лоранъ. Черезъ другія полторы тысячи лѣтъ будетъ сдѣланъ еще шагъ, а тамъ еще и еще, пока, наконецъ, человѣчество не достигнетъ пониманія истиннаго христіанства. Итакъ, черезъ извѣстное количество лѣтъ человѣчество познаетъ истину. Намъ кажется, что въ подобнаго рода раз-

[1]) Русская Мысль. 1890 г. Кн. I. Стр. 8.

сужденіяхъ кроется крупная логическая ошибка: мы не знаемъ, когда кончится человѣчество, и должны предполагать, что оно будетъ существовать вѣчно; а разъ человѣчество вѣчно, вѣчна и религія. Говорить, что черезъ извѣстное количество лѣтъ можетъ быть достигнуто пониманіе истинной религіи, говорить такъ нельзя, потому что нельзя соизмѣрять величины несоизмѣримыя. Для вѣчности сотни тысячъ лѣтъ и одна секунда одинаково не существуютъ. Какъ безпредѣльность (безконечность) нельзя измѣрять ни вершками, ни верстами, такъ и вѣчность нельзя измѣрять ни секундами, ни годами. Я рѣшительно не понимаю, какъ вообще можно говорить, что реформація шагъ впередъ. Почему впередъ, а не назадъ? Человѣчество движется, и движется вѣчно; я не говорю, куда движется человѣчество — впередъ или назадъ, потому что едва-ли кто-либо изъ людей можетъ сказать это съ полной увѣренностью. Въ одной изъ публичныхъ лекцій академикъ Бредихинъ сообщилъ слушателямъ, что вся солнечная система наша, земля, луна, планеты съ своими спутниками и само солнце — все это летитъ съ быстротой, какъ кажется, десяти миль въ секунду, летитъ въ пространствѣ по направленію къ какому-то далекому, невѣдомому намъ созвѣздію. Никто не можетъ сказать, впередъ или назадъ движется наша солнечная система въ пространствѣ; точно также нельзя сказать, куда движется и само человѣчество. Реформація не шагъ впередъ къ какому-то несуществующему истинному христіанству: ее нельзя разсматривать съ этой точки зрѣнія. Мы имѣемъ предъ собою фактъ, что реформація удовлетворяла религіознымъ стремленіямъ многихъ тысячъ. Она отвѣчала ихъ религіознымъ запросамъ. Что же, въ сущности, представляла она сама по себѣ?

Существуетъ другое распространенное мнѣніе, которое представляетъ реформацію, характеризуетъ ее, какъ представительницу движенія; католицизмъ при этомъ характеризуется противоположностью реформаціи, и отличительной его чертой выдвигаются косность, застой, рутина и другія страшныя и непріятныя слова. Въ этомъ мнѣніи, какъ во всякомъ претендующемъ на опредѣленность и твердость, очень много односторонности. Можно выставить та-

кого же рода другое утвержденіе, которое будетъ совершенною противоположностью вышеприведенному и которое будетъ имѣть все-таки извѣстное основаніе: можно, напримѣръ, говорить, что католицизмъ есть движеніе, а реформація—покой. По правдѣ сказать, это утвержденіе будетъ, пожалуй, даже ближе къ истинѣ, чѣмъ противоположное ему.

Восемнадцать съ половиной столѣтій тому назадъ мы, люди, получили религію, которой мы должны руководиться. Это была христіанская религія. Евангеліе, которое намъ тогда было дано, должно было удовлетворять религіознымъ запросамъ людей. Кромѣ Новаго Завѣта, люди имѣли еще и Ветхій Завѣтъ, который тоже отчасти удовлетворялъ ихъ потребностямъ. Католицизмъ, признавая эти священныя книги основаніемъ христіанской религіи, считалъ, однако, возможнымъ вводить новое, смотря по измѣняющимся потребностямъ человѣчества. И много того, чего не было ни въ Евангеліи, ни въ Ветхомъ Завѣтѣ, сдѣлалось у католиковъ предметомъ вѣры. Реформація смотрѣла на это дѣло совсѣмъ иначе: Лутеръ, Кальвинъ, Цвингли дали народу библію въ томъ видѣ, какъ они ее понимали, и запретили каждый своимъ послѣдователямъ присоединять что-либо новое. Правда, реформація дала толчекъ появленію многихъ сектъ, многихъ толковъ, но не нужно забывать, что сами реформаторы всегда были противъ этого, всегда стояли за то, чтобы всѣ понимали библію такъ, какъ они. Для Лутера, напримѣръ, Цвингли былъ то же, что для римскаго папы въ средніе вѣка были Вальденцы. Скорѣе можно удивляться тому, что Лутеръ слишкомъ мягко поступалъ съ Цвингли, чѣмъ возмущаться той рѣзкой бранью, которою обливалъ нѣмецкій реформаторъ швейцарскаго, возмущаться, какъ возмущаются почему-то почти всѣ нѣмецкіе историки реформаціи. Лекки перечисляетъ съ большимъ ужасомъ тѣхъ послѣдователей реформаціи, которые погибли въ царствованіе Карла V на кострахъ въ Нидерландскихъ провинціяхъ [1]). Но мнѣ кажется, одного камня, смоченнаго кровью Серве, достаточно, чтобъ понять, что реформація и терпимость вовсе не синонимы.

---

1) Lecky Aufklärung in Europa, über. v. Jolowicz. T. II. Стр 26

Реформація давала народу библію, т. е. старое, что уже уже было дано за пятнадцать вѣковъ передъ тѣмъ, объясняла, какъ нужно понимать ее, и затѣмъ запрещала всякое движеніе, всякое измѣненіе въ религіозной области. Насколько научны, свѣжи протестантскія исторіи церкви, настолько скучна и мертвенна протестантская догматика: она до сихъ поръ еще живетъ преданіями 1530 года и до сихъ поръ считаетъ кладеземъ всѣхъ откровеній сочиненія Лутера. Религіозная жизнь протестантовъ замерла на Лутерѣ, на XVI вѣкѣ, а католицизмъ все еще до сихъ поръ живетъ и развивается въ догматическомъ своемъ отношеніи. Въ 1870 г., слѣдовательно двадцать три года тому назадъ, католицизмъ обогатился новымъ догматомъ, догматомъ непогрѣшимости папы. Что бы тамъ ни говорилось о томъ, что признаніе этого догмата было результатомъ политическихъ махинацій, все-таки этотъ догматъ былъ принятъ, въ него теперь вѣрятъ; онъ, стало быть, удовлетворяетъ религіознымъ запросамъ населенія: вѣдь старо-католики успѣха нигдѣ никогда не имѣли и, по всей вѣроятности, не будутъ имѣть. Вообще, характеризовать протестантизмъ какъ религіозное движеніе, а католицизмъ какъ религіозный застой, думать, что претестантизмъ явленіе динамическое, а католицизмъ статическое, считать что протестантизмъ живетъ, а католицизмъ умеръ,—не совсѣмъ правильно, если не сказать болѣе.

Я ужъ не говорю объ обрядовой сторонѣ религіи—голая и черствая обрядность лютеранъ слишкомъ извѣстна: та же проповѣдь, что и въ XVI вѣкѣ, то же пѣніе пѣсенъ, составленныхъ Лутеромъ, на тотъ же мотивъ, который тоже былъ скомпанованъ подъ руководствомъ нѣмецкаго реформатора. Въ католицизмѣ чуть ли не съ каждымъ годомъ измѣняются внѣшнія проявленія религіознаго чувства. Внутренняя обстановка храмовъ за послѣднія три столѣтія претерпѣвала въ католицизмѣ существеннѣйшія метаморфозы. Чего-чего не видали, напримѣръ, итальянскія церкви за эти послѣднія три столѣтія: и слащавый и приторный Канова украшалъ ихъ, и разгульное, дикое, вакхическое барокко металось по нимъ и строило удивительныя часовни

внутри церквей съ бронзой, разноцвѣтными камнями и купидонами, окрашенными въ розовую краску; оно высѣкало изъ чернаго мрамора фигуры негровъ и заставляло ихъ поддерживать какую нибудь страшную, отвратительную фигуру смерти, и все это ставило въ церкви. Стоитъ только побывать въ Венеціи или прочитать соотвѣтствующія главы „Voyage en Italie“—Тэна, чтобы понять это. Напримѣръ, хоть относительно иконографіи Мадонны: какимъ разнообразнымъ трактованіямъ подвергался этотъ сюжетъ.

Въ одной венеціанской церкви, я помню, мнѣ пришлось видѣть изображеніе Мадонны въ видѣ свѣтской женщины XVIII вѣка, въ модномъ платьѣ. Въ Евангеліи есть удивительное мѣсто, въ которомъ разсказывается и сравнивается сильное чувство горести съ тѣмъ чувствомъ, которое долженъ испытывать человѣкъ, когда сердце его пронзается нѣсколькими мечами. Въ данномъ случаѣ художникъ хотѣлъ, очевидно, изобразить это. На лѣвомъ боку у дамы въ модномъ платьѣ было нарисовано схематическое изображеніе сердца: въ это сердце вѣеромъ были воткнуты шпаги, шпаги съ ручками, настоящія французскія шпаги восемнадцатаго вѣка! Вдалекѣ виднѣлся крестъ... Все это изображало собою Богородицу у креста и все это висѣло въ церкви. Я не говорю о церковной музыкѣ: въ Италіи въ церквахъ теперь иногда играетъ чуть не бальный оркестръ. Во всемъ этомъ мы видимъ, можетъ быть, плохо направленное стремленіе удовлетворить измѣняющимся религіознымъ потребностямъ населенія. Нѣтъ, вообще ни въ какомъ случаѣ нельзя называть католицизмъ кристаллизованной формой религіи, какъ назвалъ его одинъ изслѣдователь!

Характеризовать реформацію, какъ движеніе, а католицизмъ, какъ застой, рѣшительно невозможно. Точно также, въ сущности, нельзя говорить, что реформація освобождала личность въ дѣлахъ религіи, хотя, конечно, это имѣетъ больше основанія. „Освобожденіе личности“, говоритъ г. Корелинъ [1]), „произошло не вдругъ и не во всей полнотѣ. Самъ Лутеръ признавалъ еще чорта, который ограничивалъ лич-

---

[1]) Вѣстникъ Европы. 1882 г. Декабрь. Стр. 727.

ность, а часто и вполнѣ повелѣвалъ ею; реформація была только первою стычкою въ защиту личности, которой пришлось еще много бороться за свои права до конца прошлаго вѣка". Кромѣ того, считать признакомъ реформаціи освобожденіе личности уже потому нельзя, что этотъ же признакъ выдвигается относительно другого движенія—гуманизма. Да и потомъ, повторяю, освобожденіе и порабощеніе личности могутъ быть лишь результатомъ, а ужъ ни въ какомъ случаѣ не признакомъ. Довольно часто говорятъ также, что католицизмъ объективная форма религіи, а протестантизмъ субъективная форма. Но и это опредѣленіе не особенно удачно. Бэрдъ самъ сознается, что тогда неизвѣстно будетъ, куда опредѣлить, куда помѣстить—къ протестантамъ или къ католикамъ — напримѣръ, Паскаля [1]). Далѣе Бэрдъ говоритъ, что это опредѣленіе въ общемъ всетаки имѣетъ извѣстное значеніе: католики—говоритъ онъ—между душой и Богомъ ставятъ цѣлый рядъ посредниковъ: таинства, священниковъ, обряды; протестанты же стремятся къ сліянію души съ Богомъ. Это опять-таки не вполнѣ правильно: Бэрдъ говоритъ, что католики ударяются въ обрядность, протестанты впадаютъ въ экстазъ. Мы въ данномъ случаѣ имѣемъ опять дѣло съ слишкомъ яркимъ и одноцвѣтнымъ опредѣленіемъ, которымъ, въ сущности, опредѣляется очень мало: я не знаю, но если сказать, что протестанты относятся съ формальной стороны къ религіи, а католики способны впадать въ религіозный экстазъ, то это будетъ опять-таки, пожалуй, болѣе похоже на истину. Нужно найти какое-либо другое опредѣленіе.

Мнѣ всегда казалось и, надѣюсь, вѣчно будетъ казаться, что русскіе люди очень много могутъ оказать услугъ въ дѣлѣ уясненія прошлаго Европы, особенно той части прошлаго, которая какой-либо своей стороной примыкаетъ къ исторіи церкви. Интересы церкви, интересы религіи очень близки и по сихъ поръ западнымъ людямъ. Поэтому западному человѣку очень трудно отнестись безпристрастно къ прошлому своей религіи; очень трудно, да, проще гово-

---

[1]) Beard. Die Reformation. Стр. 109.

ря, и невозможно указать, какова та религія, которую онъ исповѣдуетъ, какова ея сущность, ея отличительныя свойства. Вотъ поэтому-то до сихъ поръ еще не вполнѣ опредѣлена сущность католицизма и его отличіе хоть отъ протестантизма. А сущность, повторяю, безспорно должна быть, т. е. такіе отличительные признаки католицизма, которые на протяженіи вѣковъ оставались неизмѣнными, несмотря на то, что католицизмъ во многомъ измѣнялся.

Итакъ, какова же сущность средневѣкового католицизма (т. е. католицизма до тридентскаго собора)? Объ этомъ, повторяю, существуютъ самыя разнообразныя, другъ другу противорѣчащія мнѣнія: западные люди не могутъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Въ русской литературѣ объ этомъ тоже нѣтъ почти ничего. Конечно, мы обладаемъ нѣкоторыми превосходными богословскими изслѣдованіями (напр., хоть работы засл. проф. Иванцова-Платонова „О Римскомъ Католицизмѣ“, „О западныхъ Вѣроисповѣданіяхъ“), но они разсматриваютъ все съ слишкомъ спеціальной точки зрѣнія. Волей-неволей, приходится разбираться самому, а это ужасно трудно, гораздо труднѣй, чѣмъ кажется.

Дѣло въ томъ, что исторія среднихъ вѣковъ еще не вполнѣ разработана: это, можетъ быть, очень странно, но это такъ. Нѣкоторыя даты очень важныхъ событій установлены лишь очень недавно. Возьмемъ хоть знаменитый, столько разъ описанный, попавшій даже въ драму (Rémusat) — Санскій Соборъ. На этомъ соборѣ знаменитый Бернардъ Клервалльскій встрѣтился съ еще болѣе знаменитымъ Абеляромъ. Абеляръ ужъ такъ знаменитъ, что объ немъ даже написали оперетку, (на Абеляра и Элоизу легъ вообще густой налетъ фривольной мысли: одна книга Montifaud чего стоитъ!), а между тѣмъ вполнѣ точную дату этого дня, въ который, по выраженію одного ученаго, слышался пульсъ исторіи, установилъ лишь Дейтчъ въ 1880 году [1]). Теперь эта дата принята почти всѣми. Старый, теперь уже покойный Хефеле въ новомъ изданіи своей прекрасной „Исторіи Соборовъ“ помѣстилъ ее. Ваканаръ, не-

---

[1]) Deutsch. Die Synode von Sens 1141.

большой, но очень толковый Руанскій теологъ, въ своемъ изслѣдованіи объ Абелярѣ, которое вышло въ восемьдесятъ первомъ году, тоже принимаетъ хронологію Дейтча [1]). Ибервегъ, не профессіональный историкъ, тоже принимаетъ эту дату [2]). А между тѣмъ, по правдѣ говоря, можно много и очень вѣско возразить противъ фиксаціи Дейтча Санскаго собора подъ 1141, и я вполнѣ понимаю В. И. Герье, который относитъ Санскій соборъ на 1140 годъ [3]).

Все это мелочи, но онѣ удивительно характерны: если хронологія, этотъ костякъ исторіи, находится въ расплавленномъ состояніи, то что же говорить о другомъ! Мнѣ не хочется загромождать страницы моего очерка выписками, а то можно было бы—хоть о томъ же самомъ Бернардѣ—привести такую массу разнообразныхъ мнѣній, что, ей Богу, съ непривычки голова закружится. Возьмите, хоть изъ любопытства, характеристику Абеляра у Ремюза и сравните ее съ характеристикой Дейтча. Или внимательно прочтите біографію Бернарда у Неандера, а затѣмъ откройте посвященную тому же вопросу книгу Ратисбонна и найдите что-либо общее.

Во всемъ—разногласіе: всѣ расходятся между собою даже въ мелочахъ. Откровенно говоря, я и до сихъ поръ не знаю, кто былъ Абеляръ: реалистомъ или номиналистомъ. Правда, это мелочь, но и въ общихъ вопросахъ то же самое: опредѣленно, въ сущности, ничего утверждать нельзя. Я увѣренъ, что вы, читатель, нѣсколько знакомы съ исторической литературой и потому поймете меня. Вѣдь въ самомъ дѣлѣ, какое разнообразіе мнѣній! Можно собрать ихъ цѣлый букетъ. Возьмите сочиненія Boehringer'а или Eicken'а и сравните ихъ съ трудами Мишле—того Мишле, который (не могу удержаться отъ цитаты), ни много, ни мало, говоритъ, что средневѣковой человѣкъ околѣлъ бы, еслибы не вѣрилъ въ чорта [4]). Если вамъ не хочется имѣть дѣло съ иностранной литера-

---

[1]) Vacanard. Abélard. Стр. 9.
[2]) Ueberweg. Grundriss der Geschichte der Philosophie. Ч. II. Стр. 114.
[3]) Вѣстникъ Европы. 1891 г. Мартъ. Стр. 9.
[4]) Michelet. La Sorcière. Стр. 68.

турой, то можно ограничиться русскими журнальными статьями хотя за одинъ девяносто первый годъ. Прочтите статьи В. И. Герье—въ „Вѣстникѣ Европы“, Кудрявцева—въ „Русской Мысли“, г. Безобразова — въ „Наблюдателѣ“, статейку г. Степанова въ „Историческомъ Обозрѣніи“,—и тогда вы поймете, какъ трудно писать и говорить о среднихъ вѣкахъ. А то—если вы интересуетесь исторіей просвѣщенія въ средніе вѣка—возьмите и сравните Кузена, Реутера, Штёкля, Руссело, Лекки между собой...

Во что вѣрили люди средневѣковья, чѣмъ они жили, о чемъ мечтали, на что надѣялись? Висѣли надъ ихъ головами темныя свинцовыя тучи или и въ ихъ пору солнце ярко свѣтило, птицы пѣли и розы цвѣли? На все это трудно и тяжело отвѣтить, когда ничего нѣтъ твердаго и опредѣленнаго подъ ногами, когда даже хронологія шатается и дрожитъ. А еще труднѣе и тяжелѣе говорить о такомъ всеобъемлющемъ, даже современность захватывающемъ явленіи, какъ средневѣковой католицизмъ. Въ наукѣ, повторяю, существуетъ масса самыхъ разнообразныхъ мнѣній,—масса, въ которой нѣтъ возможности разобраться. На учебникъ—плохая надежда: ему противорѣчатъ факты, факты и факты. Не мы ли учили въ учебникѣ, что католицизмъ не допускаетъ никакого движенія, что онъ требуетъ отъ всѣхъ одинаковаго исповѣдованія, а между тѣмъ, хоть въ первой половинѣ двѣнадцатаго вѣка, о которой мы упоминали, мы видимъ, что въ одной Франціи Абеляръ проповѣдуетъ одно, Бернардъ—другое, Сугерій—третье, и въ концѣ концовъ никто не гибнетъ, всѣ живутъ. Бернардъ и Сугерій даже процвѣтаютъ, хотя и ругаютъ другъ друга. Впрочемъ, не будемъ вдаваться въ сторону—ограничимся однимъ Бернардомъ и Абеляромъ.

Бернардъ, желая доказать ересь Абеляра, написалъ трактатъ, въ которомъ собралъ тѣ положенія Абеляра, которыя онъ считалъ неправильными. Этотъ трактатъ былъ найденъ Дюраномъ въ Ватиканѣ и помѣщенъ какъ въ Мабилліоновскомъ изданіи сочиненій Бернарда, такъ и въ Патрологіи Минья. Если разсмотрѣть попристальнѣе этотъ трактатъ и если—что, конечно, гораздо лучше—прочитать главнѣйшія

сочиненія Бернарда и Абеляра, то легко уяснить себѣ то различіе, которое было между богословскими воззрѣніями Абеляра и Бернарда. Дѣло идетъ, напримѣръ, о тайнѣ триѵпостасности Божества. Бернардъ стремился почувствовать эту тайну: онъ находилъ, что нельзя, грѣшно выразить ее словами; Абеляръ же хотѣлъ какъ-нибудь выразить ее на человѣческомъ языкѣ: поэтому онъ и прибѣгалъ ко многимъ рискованнымъ сравненіямъ. Чтобы не быть совсѣмъ голословнымъ, я приведу кой-какіе отрывки изъ сочиненій Абеляра.

Абеляръ былъ человѣкомъ вѣрующимъ: всѣ исторіи философіи, въ которыхъ Абеляръ изображается какимъ-то нигилистомъ, дѣлаютъ очень крупную ошибку. Знаменитый трактатъ Абеляра „Sic et Non" вовсе не такъ страшенъ, какъ кажется скромнымъ и робкимъ учителямъ гимназій и университетовъ. Абеляръ и самъ вѣрилъ и считалъ вѣру необходимой для всѣхъ другихъ людей. Но интересно, какъ онъ опредѣлялъ вѣру. Можетъ быть, это и скучно, но надо разсмотрѣть опредѣленіе Абеляра. Вѣра, по опредѣленію этого большого средневѣкового ученаго, есть „existimatio rerum non apparentium—sensibus corporis non subjacentium". Въ русскомъ переводѣ это мѣсто значитъ: вѣра есть признаніе вещей невидимыхъ, т. е. неподлежащихъ тѣлесному воспріятію. Мы перевели existimatio словомъ „признаніе", но это не вполнѣ точно. Чтобы понять, что такое „existimatio" нужно на минуту окунуться въ дебри средневѣковой схоластики, нужно обратиться къ трактату „De Intellectibus". Ремюза и Кузенъ считали авторомъ этого трактата Абеляра; Дейтчъ полагаетъ, что авторомъ былъ ученикъ Абеляра [1]). Для насъ, въ сущности, это безразлично: всѣ согласны въ томъ, что воззрѣнія, духъ этого трактата совершенно Абеляровскіе.

Въ трактатѣ „De Intellectibus" говорится, что, хотя въ разговорномъ языкѣ existimare часто смѣшивается съ intelligere, но на самомъ дѣлѣ между этими двумя понятіями большая разница. „Existimare credere est", говоритъ авторъ трактата [2]),

---

1) Deutsch. Peter Abälard. Стр. 169.

2) Cousin. Opera Abaelardi. T. II. Стр. 738.

„et existimatio idem, quod credulitas sive fides, intelligere autem speculari est per rationem, sive ita credamus esse sive minime“. Далѣе выясняется, что intelligere—противоположно existimare и что intelligere это единственная, дозволенная дѣятельность для ума въ дѣлахъ вѣры. „Intelligere“ значитъ „понимать“, но понимать въ очень узкомъ и тѣсномъ значенiи этого слова. Intelligere значитъ уяснить себѣ то, о чемъ говоритъ предложенiе, безразлично до того, истинно ли то, о чемъ оно говоритъ, имѣетъ ли само предложенiе хоть какой-нибудь смыслъ. Напримѣръ, предложенiе „Человѣкъ—дерево“, homo est lignum,—вѣдь это явный парадоксъ: вѣрить—existimare—въ него нельзя; comprehendere т. е. понимать, въ обыкновенномъ значенiи этого слова—тоже невозможно, но intelligere, т. е. понимать,о чемъ тутъ идетъ рѣчь,—можно. Къ тому, чтобы „intelligere“, т. е. понимать смыслъ словъ, и нужно стремиться, по мнѣнiю Абеляра, въ дѣлахъ вѣры. Во второй книгѣ „Введенiя въ Богословiе“ Абеляръ съ осужденiемъ говоритъ о тѣхъ людяхъ, которые не понимаютъ то, во что вѣрятъ... Въ другихъ мѣстахъ онъ высказываетъ ту же мысль иногда сильнѣе, иногда слабѣе, но мысль остается одна: intelligere — понимать смыслъ, значенiе словъ въ догматахъ вѣры,—необходимо. Я не имѣю ни малѣйшаго права становиться на богословскую точку зрѣнiя. Но дѣло въ томъ, что можно чувствовать догматъ, не понимая его. Такъ учили многiе великiе отцы Западной церкви, такъ училъ Бернардъ... Въ религiи есть много вопросовъ — слишкомъ высокихъ для ума человѣческаго, и съ этимъ соглашается даже проф. Виноградовъ [1]).

Дѣйствительно, на языкѣ человѣческомъ не все возможно даже понятно выразить. Безсмертiе понять—intelligere—возможно; но бываетъ многое, настолько высокое, что пониманiе его (т. е. этого высокаго) рѣшительно не доступно людямъ. Абеляръ же стремится понятно выразить тайну: онъ прибѣгаетъ для этого ко всевозможнымъ средствамъ. Если же это не удается, то онъ стремится сдѣлать доступнымъ догматъ при помощи аналогiй. Триvпостасность Божества нельзя выразить

---

[1]) Русская Мысль. 1893 г. Iюль. Стр. 57.

на языкѣ человѣческомъ: величіе этого догмата можно чувствовать всѣмъ существомъ своимъ; но понятнымъ сдѣлать этотъ догматъ нельзя,—онъ слишкомъ высокъ. Абеляръ же хочетъ сдѣлать этотъ догматъ понятнымъ и прибѣгаетъ къ сравненіямъ [1]). Сравненія эти возмутили совсѣмъ иначе думающаго Бернарда.

Абеляръ во многихъ сочиненіяхъ разрабатывалъ ученіе о троичности Божества. Мы не станемъ вдаваться въ подробное разслѣдованіе этого вопроса: намъ важно лишь отмѣтить тенденцію Абеляра—его стремленіе понятно выразить тайну тріѵпостасности. Для этой цѣли Абеляръ прибѣгаетъ къ сравненіямъ, чтобы по возможности, повторяю, понятно выразить отношенія между Тремя Лицами Св. Троицы. Вопервыхъ, онъ, подъ вліяніемъ Платона, прибѣгаетъ къ сравненію отношеній Бога Отца съ Богомъ Сыномъ съ отношеніемъ матеріала и предмета изъ него сдѣланнаго: въ данномъ случаѣ воска и фигуры изъ воска. Сущность у воска и фигуры изъ него одна и та же, но фигура происходитъ отъ воска, а не наоборотъ... Далѣе Абеляръ прибѣгаетъ къ другой аналогіи: сургуча, приготовленнаго къ печати, и того, что печатаетъ. Затѣмъ отношенія между двумя первыми лицами Св. Троицы равны, по мнѣнію Абеляра, отношенію между полнымъ могуществомъ и извѣстнымъ могуществомъ. Дѣло идетъ только о возможномъ уясненіи отношеній, о пониманіи смысла догмата, а никоимъ образомъ не объ уменьшеніи одного Лица передъ другимъ, въ чемъ такъ неправильно обвиняли Абеляра, какъ это вполнѣ резонно и отмѣчаетъ Дейтчъ [2]). Затѣмъ слѣдуютъ и другія сравненія. Бернардъ собралъ всѣ эти сравненія воедино и въ письмѣ къ Инокентію пишетъ: „Абеляръ говоритъ, что Сынъ относится къ Отцу какъ извѣстное могущество къ могуществу, видъ — роду, сургучная печать — сургучу...“ Еще разъ повторяю: догматы можно чувствовать, испытывать извѣстное настроеніе при мысли о нихъ, не понимая совершенно ихъ смысла, не постигая, о чемъ собственно идетъ рѣчь, не имѣя представленія о значеніи словъ, ко-

1) Abaelardus. Introductio ad Theologiam. T. II. Стр. 88.

2) Deutsch. Peter Abälard. Стр. 279.

торыми они выражаются. Есть многое настолько высокое— что людямъ пониманіе этого совершенно закрыто. Нужно вѣрить, а не понимать. Абеляръ же хотѣлъ хоть немного, да понять: онъ хотѣлъ опростить религію. Бернардъ хотѣлъ ее сдѣлать еще непонятнѣй, еще таинственнѣй.

Ужасно трудно сказать, почему является то или другое ученіе: очевидно, ученіе Абеляра удовлетворяло многихъ, потому что приверженцы его были многочисленны [1]). Итакъ, въ первой половинѣ двѣнадцатаго вѣка явилось стремленіе понятно выразить нѣкоторые догматы. Но въ первой половинѣ двѣнадцатаго вѣка выдвинулась на первый планъ сѣрая, обыденная масса. Сѣрые, простые люди вышли на свѣтъ Божій и стали дѣлать исторію. Да, они дѣлали исторію, потому что, благодаря имъ, возвышалась королевская власть во Франціи. Вспомнимъ хоть исторію Ланской коммуны, о которой разсказываетъ Гвибертъ Ножанскій... Но не одни горожане, одѣтые въ грубые суконные камзолы своего издѣлія, помогали королю. Крестьяне, бѣдные, голодные, дикіе, посылали отъ себя пособниковъ предпріятіямъ короля: сельскіе безграмотные приходы выступали противъ враговъ королевскихъ — дерзкихъ феодаловъ, которые безпрестанно грабили аббатства и брали въ плѣнъ и вѣшали всякаго человѣка, если только онъ показывался съ лукомъ у ихъ замка. Въ этихъ грубыхъ, оборванныхъ людяхъ съ грязнымъ тѣломъ текло много крови, были желѣзные мускулы и бычачьи нервы. На какіе великіе, большіе поступки оказывались способны они! Кто, какъ не эти сѣрые люди, пошли отнимать у невѣрныхъ Гробъ Господень? А что это были именно сѣрые, простые люди, объ этомъ говорится вездѣ, даже у Мишо. А Мишо вѣрить можно: его даже выдаютъ прилежнымъ ученикамъ гимназій въ награду за успѣхи и отличное поведеніе. Только на иллюстраціяхъ блѣднаго и безцвѣтнаго, какъ жидкій чай, Доре, изображаются все какіе-то

[1]) Я не отрицаю того, что были и другія стороны ученія Абеляра, помимо его основной тенденціи. Напр., стремленіе Абеляра возвысить значеніе отдѣльнаго человѣка въ дѣлѣ личнаго спасенія. Этой стороной своей Абеляръ примыкаетъ къ Пелагіанамъ и Целестіанамъ, ученіе которыхъ, опять-таки, распространялось въ сѣрой, обыденной массѣ.

рыцари да короли; но вѣдь Доре можно и не вѣрить. Впрочемъ, объ этомъ довольно! Въ половинѣ шестнадцатаго вѣка явилось желаніе понятно выразить нѣкоторые религіозные догматы; въ половинѣ двѣнадцатаго вѣка выдвинулась масса, толпа... Я увѣренъ, что между этими двумя фактами лежитъ глубокая связь. Дѣло въ томъ, что это, въ сущности, очень понятно.

Для того, чтобъ чувствовать тайну, для того, чтобъ чувствовать Божество, — нужно имѣть извѣстную долю религіознаго развитія, нужно быть образованнымъ въ дѣлѣ религіи. Какъ ни какъ, а все-таки, въ концѣ концовъ, нужно признаться, что образованіе является результатомъ извѣстнаго досуга, т. е. именно то образованіе, о которомъ мы говоримъ въ данномъ случаѣ, — развитіе въ религіозномъ отношеніи. Человѣкъ, заваленный работой, которому нужно копать землю, работать въ каменоломняхъ или дѣлать гвозди, и одни только гвозди, и дѣлать ихъ всю жизнь (если, напримѣръ, это былъ какой-нибудь мастеровой изъ цеха) — такой человѣкъ неспособенъ чувствовать какую-либо тайну, проникаться ея величіемъ, испытывать священный трепетъ при сознаніи ея мистическаго значенія; такой человѣкъ долженъ понимать все ясно и просто. Онъ требовалъ этого въ серединѣ двѣнадцатаго вѣка, и отдаленнымъ эхомъ на это требованіе явилось богословское ученіе Абеляра... Но дѣло въ томъ, что онъ рѣдко могъ требовать: моменты, когда сѣрая, пыльная толпа поднимала свою усталую голову, были очень не часты. Но всегда, какъ бы въ отвѣтъ на ея религіозный запросъ толпы, являлось стремленіе опростить религію.

Кромѣ середины двѣнадцатаго вѣка, мы имѣемъ еще другую эпоху, когда толпа имѣла большое значеніе, — это эпоха Карла Великаго. Многое тогда могла сдѣлать сѣрая толпа, и объ ея интересахъ пеклись и заботились (вспомнимъ хоть знаменитый институтъ Missi Dominici): толпа подавала свой голосъ на осеннихъ собраніяхъ, въ каждомъ капитуляріи мы видимъ заботы о массѣ, толпѣ... Впрочемъ, обо всемъ этомъ извѣстно изъ учебника. А мы опять замѣчаемъ, какъ, сквозь неуклюжую оболочку латинскаго языка,

царствовавшаго въ тогдашней богословской литературѣ, пробивается стремленіе опростить религію. Къ крайнему сожалѣнію, я не могу посвятить слишкомъ много времени этому вопросу. Желающимъ я могу рекомендовать очень недурно составленную книгу д-ра Эдуарда Мейера, въ которой приведены отрывки изъ сочиненій богослововъ эпохи Карла Великаго. Чтобы доказать, что и въ то время было стремленіе опростить религію, скажу нѣсколько словъ о такъ называемомъ адопціанствѣ.

Нужно замѣтить, что таинство воплощенія Сына Божія являлось совершенно недоступнымъ для грубой и сѣрой толпы. И вотъ архіепископъ Элипандъ Толедскій начинаетъ стремиться объяснить себѣ этотъ догматъ и обращается съ цѣлымъ рядомъ вопросовъ къ Феликсу Ургелльскому. Въ концѣ концовъ является адопціанская ересь, начинаютъ говорить, что, какъ человѣкъ, Господь Іисусъ Христосъ лишь усыновленъ Богомъ Отцомъ,—является опрощеніе догмата... Адопціанство вовсе не было ученіемъ, лишь скользящимъ по поверхности жизни; наоборотъ, оно проникло въ глубь народа, оно разлилось по испанской маркѣ, и нельзя было преслѣдовать отступниковъ, такъ какъ была опасность, что вся марка перейдетъ въ такомъ случаѣ къ сарацинамъ[1]). Для борьбы съ адопціанами былъ вызванъ Карломъ Великимъ Алкуинъ, который писалъ очень много и очень умно, хотя... хотя самъ былъ полонъ желаніемъ опростить религію, — тѣмъ желаніемъ, которое воодушевляло и Феликса Ургелльскаго, тѣмъ же, которое воодушевляло и Абеляра.

Алкуинъ много посвятилъ времени, много потратилъ стараній, чтобы опростить догматъ Св. Троицы. Возьмите его трактатъ De fide S. Trinitatis и сравните его съ сочиненіями Абеляра—и вы поразитесь тѣмъ сходствомъ въ мысляхъ, которое ярко бросается въ глаза при изученіи трудовъ обоихъ писателей... Письма Алкуина также очень интересны: въ письмѣ, напримѣръ, къ Арно (ep. 209) онъ начинаетъ опредѣлять понятія: essentia, substantia, subsistentia въ ихъ отношеніи къ троичности Божества... т. е. дѣлаетъ то же, что дѣлалъ спустя три вѣка Абеляръ. А между тѣмъ, повторяю.

[1]) Lorentz. Alcuin's Leben. Стр. 87.

Алкуина никто не преслѣдовалъ, — наоборотъ, всѣ его хвалили. Теганій, біографъ Людовика Благочестиваго, называетъ Алкуина — summus scholasticus за сочиненіе послѣдняго о Св. Троицѣ; много лѣтъ этимъ сочиненіемъ пользуются какъ образцовымъ [1]). Въ жизни человѣческой ужасно много значитъ случай. Впрочемъ, это, кажется, и безъ того извѣстно.

Точно также извѣстно, что толпа рѣдко, очень рѣдко приподымаетъ свою голову: въ средніе вѣка эти счастливые для толпы моменты повторялись еще рѣже, чѣмъ когда-нибудь... Толпа безъ устали работала, обливалась потомъ, а отдѣльные люди, пользующіеся досугомъ, проникались величіемъ религіозныхъ тайнъ и уносились въ своемъ воображеніи въ туманную страну съ золотымъ небомъ и темно-красными морями, со святыми, дыханіе которыхъ подобно ѳиміаму, и грѣшными людьми, какъ звѣри обросшими съ ногъ до головы волосами... До насъ дошли эти странныя миніатюры въ старыхъ средневѣковыхъ фоліантахъ, и теперь еще многое, очень многое, непонятно для насъ въ средневѣковомъ искусствѣ. Къ чему, напримѣръ, эти собаки, львы, птицы на средневѣковыхъ гробницахъ? Символомъ чего служатъ они? Какіе иногда удивительные сюжеты бываютъ изображены на старинныхъ окнахъ въ католическихъ храмахъ! А картины Кельнской школы, столь мало изученныя, а между тѣмъ, такія интересныя и характерныя для среднихъ вѣковъ! Вспомните все это и поймите, какая страшная работа воображенія нужна для всего этого... Вѣдь не могъ же, въ самомъ дѣлѣ, на эту работу быть способнымъ обыкновенный, задавленный работой и цеховымъ раздѣленіемъ труда, вѣчно усталый, обливающійся липкимъ потомъ средневѣковой человѣкъ.

Монахи, аббаты и другіе церковные люди, которые могли жить только одной религіей и ей только одной посвящали всю свою жизнь, входя въ какой-нибудь готическій храмъ, чувствовали подъ его каменными, холодными сводами присутствіе Божества и плакали, и умилялись; для простыхъ же людей этотъ камень былъ просто камнемъ,—грубымъ, тя-

---

[1]) Werner. Alcuin. Стр. 159.

желымъ, жестокимъ камнемъ, обтачивая который, они, можетъ быть еще недавно, такъ ужасно мучились. Когда простой, обыденный человѣкъ получалъ власть, когда онъ начиналъ представлять изъ себя силу,— являлось стремленіе удовлетворить его религіознымъ запросамъ, являлись цѣлыя богословскія ученія, напр., Алкуина, Абеляра. Какъ и почему они являлись—отвѣтить на это ужасно трудно... Я никогда не скажу, что какой-нибудь средневѣковой цеховой мастеръ могъ понять Абеляра, что Абеляръ имѣлъ съ толпой какія-либо сношенія (чего, впрочемъ, нельзя отрицать объ его ученикѣ, Арнольдѣ Брешіанскомъ). Это трудный, неразрѣшимый, пожалуй, даже вопросъ,—отношеніе философскихъ и богословскихъ воззрѣній къ окружающей средѣ. Я, напримѣръ, могу утверждать, что весь дарвинизмъ чисто буржуазное ученіе, но никто не можетъ сказать ни то, что Дарвинъ былъ буржуа, ни то, что его ученіе особенно почему-либо нравилось среднему классу; но связь существуетъ — это безспорно. Точно также, напримѣръ, можно утверждать, что знаменитая проповѣдь непротивленія злу—проповѣдь средней русской интеллигенціи, которая хоть зло и видитъ, а помѣшать ему храбрости не имѣетъ; но впрочемъ, опять таки, ни графа Толстого нельзя назвать среднимъ интеллигентомъ, ни утверждать, что онъ проповѣдуетъ однимъ русскимъ людямъ... Въ сущности, это для насъ не особенно важно; намъ нужно установить лишь слѣдующее: все общество въ средніе вѣка было разбито на массу—толпу и аристократію. Аристократія правила всѣмъ, и религія была таинственной, высокой... Когда же получила возможность говорить толпа — явилось стремленіе опростить религію... Но толпа почти всегда молчала, на нее рѣдко обращали вниманіе: она не понимала Бога аристократовъ, не понимала ни таинственнаго полумрака церкви, ни бурныхъ рокотовъ органа; она хотѣла другого Бога и... въ видѣ милости находила его въ тѣхъ восковыхъ фигурахъ, одѣтыхъ въ шелковыя платья, которыя стояли въ непонятномъ для нея храмѣ; она молилась кровоточивымъ гостіямъ, цѣловала вырѣзанныя частицы мощей или какое-нибудь крыло архангела, однимъ словомъ, прямо и быстро удовлетворяла сво-

ему религіозному аппетиту, безъ всякой работы ума и воображенія.

Итакъ, повторяю, католицизмъ — это религія неравенства, религія, въ которой есть свои аристократы и свои пролетаріи. Весь общественный строй въ средніе вѣка, когда сложился католицизмъ, былъ именно таковъ; мы не станемъ говорить о томъ, что слишкомъ извѣстно, не станемъ повторять, какъ понемногу разбился феодальный строй; но дѣло въ томъ, что въ XVI вѣкѣ стала дѣйствовать, жить, говорить общая масса населенія,—масса, задавленная работой, но все-таки ужъ не желающая удовлетворяться тѣми крохами религіозной пищи, какими она удовлетворялась въ средніе вѣка. Вотъ тутъ-то и выдвинулось впередъ реформаціонное движеніе.

Въ средніе вѣка у каждаго класса была своя собственная религія: не нужно забывать, что католицизмъ—религія неравенства чисто сословнаго. По самой сущности католицизма одна религія должна быть для всѣхъ народовъ (но не для всѣхъ людей). Церковь должна быть едина, и одинъ глава долженъ быть у этой церкви — папа. Это воззрѣніе сложилось очень рано, еще въ V вѣкѣ. „Теократическій идеалъ“, говоритъ кн. Е. Трубецкой „нашелъ себѣ классическое выраженіе въ твореніяхъ бл. Августина“ [1]). Намъ важно установить отличіе католицизма отъ протестантизма, и поэтому особенность латинскаго пониманія церкви, очень важная и характерная сама по себѣ, не имѣетъ для насъ значенія... Кн. Трубецкой говоритъ и говоритъ совершенно справедливо, что средневѣковое католичество идеальный планъ церкви унаслѣдоваю отъ Августина [2]), но тотъ же Августинъ, по выраженію того же автора, является пророкомъ протестантизма [3]). Вѣдь, дѣйствительно—ученія Лутера и Августина о благодати очень близки между собой. Реакціей средневѣковому теократическому идеалу являлась идея національнаціи церквей. Съ этой идеей реформація очень тѣсно связана,

[1]) Кн. Е. Трубецкой. Религіозно-общественный идеалъ Западнаго Христіанства въ V вѣкѣ. Ч. I. Стр. 20.

[2]) Ibid. Стр. 270.

[3]) Ibid. Стр. 21.

но во всякомъ случаѣ эта національзація церквей можетъ существовать и внѣ реформаціи.

Реформація старалась дать одну религію для всѣхъ сословій, и эту сокровищницу религіи реформація видѣла въ Библіи. Реформаторы старались сдѣлать понятной Библію всѣмъ, старались сдѣлать понятною всѣмъ религію; они старались опростить религію, старались представить ее въ такомъ видѣ, чтобъ пониманіе ея было возможно всѣмъ, безъ особенной работы ума и воображенія. Католицизмъ имѣлъ нѣсколько формъ, нѣсколько проявленій, отъ грубаго матеріализма до чувства высокаго религіознаго экстаза. Протестанты разбиваются, правда, на массу сектъ, но эти секты, повторяю, не признаютъ другъ друга, и въ каждой сектѣ всѣ вѣрующіе вѣрятъ одинаково. Итакъ, утверждаю еще разъ, католицизмъ—это религія неравенства, религія аристократовъ и рабовъ; реформація—демократическая, нивеллирующая форма религіи: она даетъ удовлетвореніе религіознымъ нуждамъ толпы, заботится о дюжинѣ, о дюжинѣ свободной, хоть и задавленной трудомъ, но и не особенно бѣдной. Всѣ равны въ дѣлахъ вѣры, и вѣра одна для всѣхъ—вотъ то новое, что внесла реформація въ XVI вѣкѣ. Реформація не признаетъ никакихъ соціальныхъ перегородокъ въ дѣлахъ вѣры. Католицизмъ соціальныя перегородки переносилъ въ дѣло религіи.

Ученіе о добрыхъ дѣлахъ, противъ котораго такъ возставалъ Лутеръ, было въ самой своей основѣ противоположно демократическому принципу въ дѣлахъ религіи, защитникомъ котораго являлась реформація. Разъ заслуги человѣка въ религіи измѣряются его внѣшними поступками, то, конечно, наиболѣе окажется достойнымъ царствія небеснаго тотъ, кто можетъ принести больше пользы церкви, т. е. богатый, сильный, могущественный. Лутеръ откинулъ это и выше всего поставилъ внутреннее чувство, выше всего поставилъ вѣру. У каждаго маленькаго, несчастнаго, задавленнаго судьбой человѣка, который въ соціальномъ отношеніи представляетъ собою лишь какой-нибудь ничтожный „палецъ отъ ноги", говоря словами Платона, можетъ быть такое сильное и яркое религіозное чувство, какого не бу-

детъ даже у самого короля. Этотъ маленькій будетъ болѣе достоинъ передъ Богомъ, чѣмъ самый богатый и могущественный человѣкъ его времени. Вотъ почему, напримѣръ, для Лутера не существовало соціальныхъ различій, и ему было рѣшительно все равно, кто передъ нимъ—князь или горожанинъ. Вотъ почему Лутеръ, сынъ крестьянина, какъ онъ самъ себя называлъ, подаетъ руку князьямъ. Какой-нибудь Фридрихъ Саксонскій для Лутера не былъ первымъ сановникомъ имперіи, а былъ лишь простымъ, добрымъ, искренно вѣрующимъ и, главное, вѣрующимъ съ нимъ одинаково, человѣкомъ. Итакъ, повторяю, въ XVI вѣкѣ явилась новая потребность—это, именно, потребность одинаковой для всѣхъ религіи; и не нужно думать, что демократизація религіи явилась результатомъ дѣятельности Лутера: потребность въ этомъ сказывалась еще ранѣе Лутера. Эта потребность, это новое движеніе выразилось въ произведеніяхъ народной нѣмецкой литературы.

Мы имѣемъ два сочиненія, въ которыхъ трактуется о народной нѣмецкой литературѣ въ реформаціонный періодъ. Это, именно, собраніе сатиръ Шаде и книга Баура. Одна изъ самыхъ раннихъ сатиръ, по мнѣнію Баура [1],—„Der Curtisan und Pfründenfresser". Это произведеніе нѣмецкой народной поэзіи помѣщено у Шаде въ самомъ началѣ перваго тома [2]. „Знайте", говорится въ началѣ этой сатиры, „вы, благочестивые христіане, которыхъ освободилъ Господь Іисусъ Христосъ своею кровью, своимъ страданіемъ и крестною смертью, и т. д. и т. д...., что вамъ нужно понимать происки дьявола". А въ 150-мъ стихѣ уже прямо говорится, что Господь Богъ далъ всѣмъ людямъ Старый и Новый Завѣтъ и что болѣе никакихъ другихъ приказаній, никакихъ другихъ установленій люди не должны принимать. Священное Писаніе понятно всѣмъ, и совсѣмъ не вытекаетъ изъ Священнаго Писанія, чтобы кто-либо понималъ религію лучше, чѣмъ другіе. Таковъ смыслъ этой интересной сатиры. Въ

---

1) Baur. Deutschland in den Iahren 1517—1525. Стр. 19.

2) Oskar Schade. Satiren und Pasquille aus der Reformationszeit. T. I. Стр. 7.

другой сатирѣ [1]), относящейся еще ко времени до Лутера, находятся, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Du solst dein nechsten lieben und auch got:
Das ist das höchst und öberst gebot,
Darzu der christliche orden,
Der selbst von got gestift ist worden."

Къ крайнему сожалѣнію, исторія народныхъ стремленій Германіи XVI вѣка очень плохо, сравнительно, разработана. Шаде—это простой, очень хорошій сборникъ, необходимый для всякаго, кто занимается реформаціоннымъ періодомъ; попытка же Баура дать характеристику народныхъ массъ въ реформаціонный періодъ не можетъ быть причислена къ особенно удачнымъ; я очень мало знаю о Бaурѣ, но книга его носитъ на себѣ слѣды работы человѣка не особенно знающаго, но крайне односторонняго и какъ бы гордящагося своей односторонностью. Эта гордость своими недостатками бываетъ однимъ изъ обычныхъ свойствъ, сопровождающихъ работы автодидактовъ. Можетъ быть, я ошибаюсь, но не въ этомъ дѣло. Во всякомъ случаѣ, книжка Баура помогла намъ очень мало въ дѣлѣ уясненія настроенія Германіи передъ реформаціей.

Съ стремленіемъ къ демократизаціи религіи никогда не нужно смѣшивать другія, очень близко къ нему подходящія: это, вопервыхъ, національное движеніе противъ Рима (мы уже говорили о немъ) и стремленіе освободиться отъ матеріальнаго гнета,—гнета, которымъ ложилось католическое духовенство на жизнь нѣмецкаго народа. Еще и еще разъ повторяю: въ жизни человѣческой никогда не бываетъ какого-нибудь чистаго и несмѣшаннаго стремленія: одно теченіе сплетается съ другимъ, но, все-таки, эти теченія разнятся между собой,—даже слившись, сохраняютъ свой первоначальный цвѣтъ; такъ, на много верстъ по впаденіи своемъ въ Рейнъ, Неккаръ все еще не теряетъ цвѣта своихъ волнъ. Гуттенъ, напримѣръ, всегда былъ и оставался борцомъ противъ матеріальнаго гнета римскаго духовенства. Въ одномъ своемъ діалогѣ Гуттенъ

[1]) Ibid. T. II. Стр. 168.

посылаетъ лихорадку „къ попамъ, развратникамъ, пьяницамъ, Фуггерамъ, купцамъ, докторамъ и пр. и пр.“ [1]). Съ легкой руки Штрауса, Гуттенъ выставляется выразителемъ желаній всей Германіи начала шестнадцатаго вѣка; но изъ одной этой цитаты можемъ видѣть, что это неправильно: правда, Гуттенъ ненавидѣлъ Римъ, и большая часть Германіи ненавидѣла Римъ вмѣстѣ съ нимъ, но эту-то большую часть и составляли купцы и ремесленники, этой-то большей части и давали тонъ тѣ же Фуггеры, которыхъ такъ ненавидитъ Гуттенъ... Горожане любили Лутера, но ненавидѣли всѣхъ рыцарей на свѣтѣ и, между прочимъ, Гуттена, потому что Гуттенъ былъ рыцарь и даже самъ грабилъ. У горожанъ была своя, составившаяся вѣками нравственность, свои твердыя и основныя воззрѣнія.

Къ несчастью, что касается до внутренняго быта и строя городовъ въ средніе вѣка, то этотъ вопросъ подвергался очень тщательной разработкѣ, но до сихъ поръ все еще остается вопросомъ. А между тѣмъ, безспорно, что внѣшній строй имѣлъ большое вліяніе на тѣ основныя черты характера горожанъ, которыя вполнѣ опредѣлились къ исходу среднихъ вѣковъ. Я, право, не понимаю, почему такъ труденъ и спутанъ этотъ вопросъ. Вѣдь сколько пишутъ и писали объ этомъ! Мнѣ кажется, что на города все еще смотрятъ сквозь призму политическихъ пристрастій: все еще видятъ въ скромныхъ и добродушныхъ средневѣковыхъ бургомистрахъ — защитниковъ свободы и правъ человѣчества. Въ эпоху первой республики объ этомъ такъ прямо и заявляли: я еще и теперь не могу безъ улыбки вспомнить ту пышную, по римскимъ образцамъ составленную бумагу, которую правительство единой и нераздѣльной республики прислало скромному и смирному Мюльгаузену: аккуратный и тихій городъ назывался республикой, „его восхваляли за то, что онъ боролся противъ тирановъ“ и т. д... Мюльгаузенцы первое время удивились, заволновались, устроили процессію изъ дѣвушекъ въ бѣлыхъ платьяхъ, а потомъ, вдругъ, какъ только узнали о сверже-

[1]) Strauss. Ulrich Hutten. Стр. 297.

ніи Робеспьера, запретили играть республиканскими картами (безъ королей, дамъ и валетовъ) и арестовали человѣка съ фригійской шляпой на головѣ и эту самую шляпу. Теперь эта шляпа смирно лежитъ въ мюльгаузенскомъ музеѣ и къ ней пришпилено приказаніе мэра, въ которомъ онъ пишетъ на какомъ-то дьявольскомъ языкѣ: Ne pas faire semplants ist das consilium prudentis". Еслибы историки разсмотрѣли попристальнѣе одежды бургомистровъ, находящіяся въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ германскихъ музеяхъ или подольше бы обратили вниманіа хоть на.... погреба Бременской ратуши—право, они бы поняли, что хотя Бальи и былъ мэромъ, но не всякій мэръ и бургомистръ былъ Бальи. Мы лучше совсѣмъ не будемъ говорить о нѣмецкихъ городахъ въ исходѣ среднихъ вѣковъ[1]). Въ исторической литературѣ по этому вопросу право очень трудно разобраться. Юристы разсматриваютъ исторію городского быта съ своей точки зрѣнія, чистые историки со своей, и вообще происходитъ ужасная методологическая путаница, которую лучше и не распутывать. Даже лучшій знатокъ этого вопрóса Гегель, и тотъ пассуетъ предъ этой грудой контроверсовъ[2]).

Для насъ важно знать, что въ Германіи въ началѣ XVI вѣка было три теченія: вопервыхъ, *стремленіе къ демократизаціи религіи; вовторыхъ, стремленіе къ созданію національной религіи; втретьихъ, стремленіе къ освобожденію нѣмецкаго народа отъ поборовъ духовенства.* Но тутъ-то возникъ еще другой элементъ: это были личныя свойства руководителей движенія, личныя свойства человѣка, который далъ отвѣтъ на религіозные запросы многихъ тысячъ, — т. е. другими словами Лутера. Впрочемъ, о Лутерѣ придется говорить довольно много: лучше этому вопросу посвятить отдѣльную главу.

---

[1]) Хотя не можемъ не сослаться на очень недурное изслѣдованіе Buchwald'a: Deutsches Gesellschaftsleben im endenden Mittelalter.

[2]) Historische Zeitschrift. 1893 г. Кн. III. Стр. 442.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О Лутерѣ существуетъ цѣлая громадная литература: у старательныхъ библіографовъ даже руки затекаютъ, когда они начинаютъ переписывать названія сочиненій, посвященныхъ Лутеру. Но, несмотря на это, правдивой біографіи великаго реформатора все еще нѣтъ. Католики за все бранятъ Лутера, протестанты хвалятъ, но хвалятъ за то, что Лутеръ и не думалъ дѣлать. Протестантскіе историки ужасно любятъ восхвалять Лутера и дѣлать изъ этого геніальнаго борца за все человѣческое, изъ этого человѣка съ грубыми и тяжелыми чертами лица, съ большими руками и ногами, — какого-то аскета, какого-то средневѣковаго святого, изъ тѣхъ, изображенія которыхъ мы находимъ на старинныхъ расписныхъ окнахъ католическихъ церквей. Право, я не понимаю, къ чему въ безчисленныхъ біографіяхъ великаго реформатора помѣщаютъ его портретъ. Въ этомъ толстомъ человѣкѣ трудно узнать того подвижника, о которомъ говорится въ самомъ текстѣ. Гораздо бы лучше сдѣлали, еслибы приложили какую-нибудь средневѣковую миніатюру, ну хоть бы изображеніе Виллигиза, папы Римскаго, которое находится въ его жизнеописаніи, принадлежащемъ Московскому Румянцевскому музею (объ этомъ жизнеописаніи В. И. Герье написана прекрасная, мало кому извѣстная, монографія)...

Средніе вѣка, столь презираемые, смѣшные средніе вѣка оставили глубокій слѣдъ въ душѣ современнаго человѣка: все-таки постъ, молитва, цѣломудріе всегда будутъ возбуждать удивленіе и поклоненіе.... И что бы ни говорили въ своихъ школахъ нѣмецкіе пасторы въ чер-

ныхъ сюртукахъ, хорошо поѣвшій и мирно храпящій рядомъ со своей женой Лутеръ никогда не возбудитъ того высокаго и свѣтлаго чувства, которое возбуждалъ и возбуждаетъ Св. Францискъ Ассизскій. Впрочемъ, я никого не думаю обвинять, кромѣ развѣ протестантскихъ историковъ. Они иногда такъ увлекаются, что сами выдаютъ себя головой: они готовы на все, даже на искаженіе исторіи, чтобы только сдѣлать Лутера похожимъ на... средневѣкового святого. Въ самомъ дѣлѣ, ни одинъ здравомыслящій не будетъ сомнѣваться, что Лутеръ былъ человѣкъ, что онъ былъ молодъ, онъ могъ увлекаться. Шестнадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ паденія нравовъ, особенно въ нѣмецкихъ городахъ. Когда Лутеръ былъ юношей, онъ былъ обласканъ Урсулой Коттой, женой одного богатаго горожанина. Любилъ ли онъ Урсулу, или нѣтъ, а если любилъ, то имѣлъ онъ съ нею связь или нѣтъ,—говорить объ этомъ смѣшно. Ну, хорошо! Отношенія между Лутеромъ и Урсулой были предосудительны— что же дальше? Кто въ юности не былъ грѣшенъ? Но Эгельхаафъ, блестящій изслѣдователь, книга котораго обратила на себя вниманіе и за-границей (а не какой-нибудь юбилейный плакальщикъ, со своей дешевой біографіей Лутера на скверной бумагѣ), вдругъ начинаетъ доказывать, что Лутеръ любилъ Урсулу сыновней любовью [1]... Это просто неумно. Вѣдь никто не подумаетъ упрекать Лутера за то, что онъ любилъ Урсулу и она его, и что любовь эта была простая, физическая, обыкновенная любовь мужчины и женщины... Лутеръ былъ человѣкомъ, грѣшнымъ, простымъ человѣкомъ, но онъ былъ также и богомъ, ибо въ немъ жилъ геній. А что такое геній? Во всякомъ случаѣ, это не безумство, какъ говоритъ тяжелый по изложенію, но легкій по мыслямъ, Ломброзо. Это что-то такое непонятное, чистое, высокое, частица Бога у насъ, на землѣ. Лутеръ былъ геній, но онъ былъ сынъ своего времени и своего народа.

Георгъ Брандесъ какъ-то очень вѣрно замѣтилъ, что нѣмецкій писатель не можетъ судить объ особенностяхъ

---

[1]) Egelhaaf. Deutsche Geschichte. Стр. 109.

нѣмецкаго характера, потому что каждый нѣмецъ ему кажется не нѣмцемъ, а просто человѣкомъ. Это очень вѣрное и очень глубокое замѣчаніе. Но нѣмецкіе писатели этимъ не смущаются и смѣло толкуютъ о достоинствахъ и недостаткахъ германскаго характера. Господи! Сколько говорилось о германскомъ характерѣ. Въ особенности тутъ отличалась школа Вайца: въ средневѣковой маркѣ, съ еще блаженной памяти изслѣдованія Маурера, видѣли что-то особенное и высокое... Эта марка, по мнѣнію германистовъ, была залогомъ свободы и благоденствія: въ ней выразился истый духъ германцевъ. О происхожденіи германской общины спорили горячо, до слезъ, до хрипоты въ горлѣ: какъ обижались, когда Фюстель де-Куланжъ довольно прозрачно намекнулъ, что ни у Цезаря, ни у Тацита, ни въ знаменитомъ эдиктѣ Хильперика, ни въ пресловутой статьѣ Салической правды „De Migrantibus“ нѣтъ упоминанія объ общинномъ владѣніи землей. А между тѣмъ, и у русскихъ, и у индусовъ преспокойно было и даже существуетъ общинное владѣніе землей, и никто не видитъ въ этомъ особеннаго проявленія славянскаго народнаго характера, хотя, не спорю, можетъ быть, и видѣли это прежде, въ то безшабашное время, которое было и быльемъ поросло; если я не ошибаюсь, и тогда находились люди, которые тоже обижались на почтеннаго г. Чичерина, доказывавшаго, что свободная русская община произошла отъ помѣщичьей власти.

Мнѣ кажется, что видѣть въ фактахъ экономической жизни проявленіе народнаго характера—рѣшительно неправильно: община и у славянъ, и у германцевъ, и у индусовъ—одна и та же; рабство—тоже; родовой строй—вездѣ одинаковъ. Я думаю, что если гдѣ и отражается характеръ даннаго народа, такъ это только въ произведеніяхъ словесности—устной или письменной, все равно. Братья Гриммы, собиравшіе пѣсни и сказки, думая этимъ опредѣлить характеръ германскаго народа, во всякомъ случаѣ больше историки, чѣмъ, чѣмъ... ну хоть М. Ковалевскій, написавшій можетъ быть и очень хорошее (я его не читалъ) изслѣдованіе о деревенской общинѣ въ Швейцаріи. Еще разъ повторяю: ни одинъ человѣкъ не можетъ судить

объ особенностяхъ характера того народа, къ которому онъ самъ принадлежитъ. Мнѣ кажется, что въ интернаціональномъ положеніи Брандеса заключается часть его успѣха, да и то, по правдѣ сказать, порядочно надоѣдаютъ его томные словно пуховая перина, восторги передъ никому невѣдомыми геніями мало-извѣстной датской литературы, предъ всѣми этими Гострупами и Бергзее.

Для того, чтобы судить объ особенностяхъ нѣмецкаго народа,—нужно знать его литературу, нужно быть знакомымъ съ поэтомъ, чтобы понять ту страну, гдѣ онъ живетъ, позволяю я себѣ измѣнить знаменитое двустишіе Гете. Я очень невѣжественъ, плохо знаю нѣмецкую литературу и поэтому говорить объ особенностяхъ нѣмецкаго народнаго характера не буду... Да и кромѣ того, для того, чтобы разложить литературное произведеніе на части, нужно очень много знать, а научиться негдѣ: до сихъ поръ у насъ нѣтъ строго научной критики. Г. Боборыкинъ, который отъ времени до времени начинаетъ плакаться на это, совершенно правъ въ своихъ жалобахъ! Но почтенный беллетристъ требуетъ научной, объективной критики для произведеній современной литературы, и требуетъ рѣшительно невозможнаго. Наша текущая литература – литература контрастовъ: высокое и низкое, глубокое и плоское, честное и подлое—чередуются другъ съ другомъ, какъ свѣтъ и тѣнь на картинѣ французскаго пленэриста. У насъ есть Левъ Толстой и Григорій Мачтетъ. Сейчасъ плачешь отъ восторга—а черезъ секунду краснѣешь отъ стыда... Мы, русскіе люди,—нервные люди... Гдѣ уже тутъ говорить объ объективной научной критикѣ, когда рука дрожитъ отъ негодованія и сердце сжимается до боли, когда за человѣка страшно становится... „Мораль—вотъ пагуба русской критики", говорилъ лѣтъ десять тому назадъ г. Боборыкинъ въ „Наблюдателѣ" и недавно повторилъ это въ журналѣ „Философіи и Психологіи". Какъ и теперь, такъ и тогда на него разсердился г. Михайловскій. Изъ непонятнаго остроумничанья знаменитый нашъ философъ, опровергнувшій Спенсера, указавшій связь между оперетками Оффенбаха и дарвинизмомъ, описавшій дѣвицу, продавшую себя за десятокъ огурцовъ, перепутавшій содержаніе Мерт-

выхъ Душъ и прочая и прочая, помѣстилъ въ августовской книжкѣ „Русскаго Богатства“ беллетристическій отрывокъ „Матье Латошъ“ и просилъ критиковать его строго научно. Я думаю, — нѣтъ такого смѣльчака, кто бы это сдѣлалъ. Прочтя „Матье Латошъ“, одни возрадуются, ибо ихъ полку прибыло, другіе вознегодуютъ, третьи заплачутъ,—заплачутъ о томъ, что Н. К. Михайловскій, за которымъ не мало водилось грѣховъ, который какъ-то объявилъ, что Өемистоклюсъ Манилова испачкалъ Чичиковскій фракъ, чѣмъ доказалъ, что онъ не знаетъ содержанія величайшаго произведенія русской литературы, но который всегда оставался честнымъ даже талантливымъ литераторомъ,—унизился... до грубаго, даже неостроумнаго пасквиля. Тутъ нѣтъ мѣста строгонаучной критикѣ, здѣсь мѣсто критикѣ полной слезъ и желчи—критикѣ чисто публицистической. Нѣтъ, никогда произведенія современной русской литературы не могутъ быть предметомъ строго научной критики...

Но научная критика необходима: у насъ, стыдно сказать, даже хорошихъ историковъ литературы нѣтъ; вѣдь не литераторы же въ самомъ дѣлѣ эти гг. Незеленовы, Шенроки,—что имъ литература и что они ей!.. Они очень аккуратны, но ихъ аккуратность напоминаетъ собою аккуратность червей, которые съѣдаютъ мясо и оставляютъ чистый, бѣлый скелетъ... Но научная критика будетъ у насъ: вѣдь русскій народъ—способный народъ! И тогда, можетъ быть, русскими людьми будутъ указаны элементы національнаго характера въ произведеніяхъ Лутера. Но это будетъ потомъ, а пока намъ остается оставить этотъ вопросъ въ сторонѣ.

Мнѣ ужасно хотѣлось бы написать этюдъ о Лутерѣ, но я чувствую, что едва ли справлюсь съ этимъ. Протестантскіе историки изъ церковныхъ совѣтниковъ и прочихъ духовныхъ чиновъ готовы хвалить и боготворить Лутера за все, даже... за ту позу, которую реформаторъ принялъ, желая отогнать надоѣдавшаго ему чорта. Янссенъ, а за нимъ цѣлая свора завывающихъ Ремовъ, Кропповъ, Германусовъ, безчисленныхъ анонимовъ съ „Письмами изъ Гамбурга“ и безъ оныхъ,—съ пѣной у рта стараются доказать, что Лутеръ— не что иное, какъ эрфуртовскій гуманистъ, доведшій до кон-

ца воззрѣнія Эразма. Почтенные, но умѣренные люди съ сонными глазами, ни съ кѣмъ не желающіе ссориться, все намекаютъ, что эрфуртовскіе гуманисты вліяли на Лутера и Лутеръ вліялъ на эрфуртовскихъ гуманистовъ, и потомъ или ссылаются на изслѣдованія, которыя еще будутъ, какъ это дѣлаетъ Мауренбрехеръ [1], или пишутъ диссертаціи, съ введеніемъ въ началѣ и безъ заключенія въ концѣ, какъ всѣ эти Вальтеры и Кнааки, полными горстями черпающіе у католика Кампшульте. Благородные любители искусствъ, типа Гейгера, подышавшіе горячимъ воздухомъ Италіи и считающіе поэтому, что нѣтъ выше купанья, чѣмъ макароны и что нѣтъ лучше литературныхъ произведеній, чѣмъ „Facetiae" Молини и „Гермафродитъ" Бекаделли, считаютъ реформацію реакціей гуманизму и упрекаютъ Лутера за то, что онъ не былъ гуманистомъ (вѣроятно потому, что ему никто не дарилъ такихъ прекрасныхъ кубковъ, какъ Эразму и Аретину). Русскіе, нѣмецкіе, французскіе и прочихъ національностей праздномловы ругаютъ Лутера за то, что онъ былъ противъ возставшихъ крестьянъ, какъ это дѣлалъ, напр., г. Гольцевъ [2], и бранятъ гуманистовъ за то, что они были индифферентны къ соціальнымъ вопросамъ, какъ это дѣлаетъ г. Карѣевъ [3]... Однимъ словомъ—тутъ столько противорѣчій, что всякій навѣрное потеряетъ голову. У меня нѣтъ Аріадны, которая дала бы мнѣ нить, чтобы выйти изъ этого лабиринта: я лучше туда совсѣмъ не пойду. Скажу развѣ только о входѣ въ этотъ лабиринтъ: онъ виденъ всѣмъ и снаружи.

Реформація и гуманизмъ—двѣ вещи разныя: ихъ можно положить рядомъ, но ни одна не войдетъ въ другую, да и не смѣшается съ нею. Лутеръ занимался древними языками, Эразмъ дѣлалъ то же самое, но одинъ дѣлалъ съ одною цѣлью, другой съ другою. „Эразмъ, говоритъ Лутеръ [4],—ввелъ изученіе древнихъ языковъ и священнаго писанія:

[1]) Maurenbrecher Geschichte der Katholischen Reformation. Стр. 392.
[2]) Русская Мысль. 1883 г. Іюль.
[3]) Вѣстникъ Европы. 1893 г. Сентябрь. Стр. 11.
[4]) Luther's Briefe.—Изданіе de Wette. T. II. Стр. 352.

онъ хорошо сдѣлалъ, что указалъ на зло, но указать на добро и привести въ землю обѣтованную, онъ, какъ мнѣ кажется, не можетъ". Лютеръ во многомъ сходился съ Гуттеномъ и Кротомъ Рубіаномъ: эрфуртовскіе гуманисты были въ началѣ единственными, кто одобрялъ Лутера, но воззрѣнія на вѣру гуманистовъ были совершенно противоположны воззрѣніямъ Лутера. Это и сказалось потомъ въ полемикѣ Лутера и Эразма. „Трудно было Лутеру,—говоритъ Рейнделль [1])—когда онъ, оставленный цѣлымъ свѣтомъ, не видѣлъ ни въ комъ привѣта, кромѣ гуманистовъ,—не примкнуть къ нимъ: но онъ этого все-таки не сдѣлалъ, выше всего поставивъ чистоту Евангелія". Правда, Лутеръ былъ въ эрфуртовскомъ университетѣ, но онъ ужъ вовсе не такъ много занимался классиками, какъ объ этомъ иногда говорятъ: да и между профессорами вовсе не было гуманистовъ: Трутвеберъ и Узингенъ, имена которыхъ гремѣли по всей Германіи, читали философію въ духѣ номиналистовъ. Аристотель былъ въ полномъ почетѣ. Однимъ словомъ, тамъ изучали схоластику. Графъ Л. Н. Толстой [2]) говоритъ, что мы теперь смѣемся надъ схоластикой; Дж. С. Милль сознается, что схоластика принесла много услугъ современной наукѣ; мнѣ тоже кажется, что значеніе схоластики вовсе ужъ не такъ смѣхотворно, какъ иногда говорятъ; хоть ужъ одно то, что изученіе логики и діалектики въ Эрфуртѣ оказало большое вліяніе на богословскія изслѣдованія великаго реформатора, напр., на его разсужденія о Посланіяхъ апостола Павла. Впрочемъ, значеніе для Лутера университетскаго преподаванія недостаточно прослѣжено въ наукѣ. Извѣстно только, что Лутеръ былъ обыкновенный студентъ, недурно игралъ на лютнѣ, очень нуждался; поступивъ въ 1501 году въ университетъ, въ 1502 году, осенью, Лутеръ сталъ баккалавромъ; въ январѣ 1505 года Лутеръ сдѣлался магистромъ философіи, а 17 іюля 1505 г. онъ, какъ извѣстно, поступилъ въ монастырь.

Монастырь, самъ по себѣ, не оказалъ вліянія на воззрѣ-

---

[1]) Reindell. Luther, Crotus und Hutten. Стр. 134.

[2]) Сѣверный Вѣстникъ. 1893 г. Сентябрь. Стр. 288.

нія Лутера. Въ исполненіи обыкновенныхъ монашескихъ обязанностей Лутеръ не нашелъ удовлетворенія, не нашелъ смысла жизни. Лутеръ бросился было въ аскезу: онъ голодалъ по цѣлымъ днямъ, не спалъ ночей и молился цѣлыми недѣлями. Въ 1543 году протестантскій теологъ Флацій встрѣтилъ стараго католическаго монаха. Этотъ монахъ былъ въ одно время вмѣстѣ съ Лутеромъ въ монастырѣ, и онъ разсказывалъ, что Лутеръ велъ совсѣмъ святую жизнь. Развѣ во всѣхъ этихъ поступкахъ Лутера, которые признаются болѣе или менѣе всѣми историками, есть что-либо похожее на гуманиста шестнадцатаго вѣка. Нѣтъ, — Лутеръ былъ во многомъ очень близокъ къ гуманистамъ, но во многомъ былъ очень далекъ отъ нихъ.

Когда Лутеръ былъ въ монастырѣ и потомъ до 1518 года, онъ мало интересовался гуманизмомъ: Рейнделлъ [1]) справедливо говоритъ, что въ это время Лутеръ былъ отчасти теологомъ, отчасти монахомъ, отчасти израильскимъ пророкомъ; этимъ, конечно, и объясняется его хладнокровное отношеніе къ безконечнымъ спорамъ гуманистовъ. Совсѣмъ другіе вопросы волновали Лутера: ни въ строгомъ исполненіи монашескихъ правилъ, ни въ аскезѣ Лутеръ не получилъ удовлетворенія. „Это былъ совершенный лабиринтъ сомнѣній и страховъ, въ которомъ блуждалъ Лутеръ“,—говоритъ Эгельхаафъ [2]). Монахи и начальство монастыря не понимали душевнаго состоянія молодого монаха. Однимъ изъ первыхъ, кто принялъ участіе въ молодомъ монахѣ, былъ Іоаннъ Штаупицъ. Мы не можемъ сказать, когда онъ познакомился съ Лутеромъ. Штаупицъ былъ генеральнымъ викаріемъ ордена, совершалъ объѣзды монастырей, и въ одинъ изъ такихъ объѣздовъ онъ и познакомился съ Лутеромъ. Конечно, ужасно трудно проникнуть въ чужую жизнь, ужасно трудно понять, что собственно составляло главный центръ мученій и исканій Лутера. Если мы вспомнимъ, съ какимъ ожесточеніемъ возставалъ Лутеръ противъ отпущенія грѣховъ за добрыя дѣла, если мы разсмотримъ то, напримѣръ, что зна-

---

[1]) Reihdell. Luther, Crotus und Hutten. Стр. 6.

[2]) Egelhaaf. Deutsche Geschichte. Стр. 118.

емъ изъ разговоровъ Лутера со Штаупицомъ, то мы невольно придемъ къ заключенію, что главный центръ заключался именно въ мысли Лутера, что онъ слишкомъ слабъ, слишкомъ мелокъ, для того чтобы заслужить передъ Господомъ. Если заслуга передъ Богомъ измѣряется тѣмъ, что сдѣлано для него, то что, въ сущности, можетъ сдѣлать онъ, бѣдный монахъ, въ сравненіи съ тѣмъ, что однимъ почеркомъ пера могутъ сдѣлать курфюрсты или какіе-нибудь Фуггеры. А между тѣмъ, у каждаго, даже у бѣднаго монаха, можетъ быть такая сила религіознаго чувства, такое желаніе послужить Богу, которымъ онъ превзойдетъ всѣхъ людей на свѣтѣ. Слова Штаупица о важности субъективныхъ душевныхъ актовъ въ дѣлѣ религіи произвели на Лутера глубокое впечатлѣніе. „Haesit hoc verbum tum in me, sicut sagitta potentis acuta“, говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Штаупицу. Развѣ во всемъ этомъ Лутеръ похожъ на гуманиста?

Капитулъ ордена командировалъ Лутера, вмѣстѣ съ другими шестью монахами, въ Виттенбергскій университетъ для того, чтобъ онъ слушалъ лекціи и получалъ ученыя степени. Но онъ, въ сущности, не желалъ заниматься философіей и все свое вниманіе употребилъ на изученіе богословія. Въ 1509 году, въ мартѣ, было ему уже позволено объяснять передъ студентами нѣкоторыя мѣста изъ Св. Писанія; потомъ эти лекціи почему-то прекратились, а въ 1511 году послѣдовала поѣздка въ Римъ. Въ слѣдующій годъ послѣ поѣздки въ Римъ Лутеръ уже сталъ профессоромъ богословія въ Виттенбергскомъ университетѣ. Въ 1515 году Лутеръ былъ назначенъ проповѣдникомъ въ городской церкви, по желанію городского Виттенбергскаго совѣта; но вотъ тутъ-то и появился Тецель.

Индульгенціи были проявленіемъ ужаснаго неравенства католической религіи: богатый могъ, благодаря имъ, имѣть преимущество въ дѣлѣ вѣры. Очень трудно прослѣдить, сопровождалась ли продажа индульгенцій тѣми безобразіями, о которыхъ обыкновенно упоминается у протестантскихъ историковъ. Тецелю было 60 лѣтъ, онъ былъ недурно образованъ и человѣкъ важный и солидный. Лутеръ былъ страшно возмущенъ этой продажей индульгенцій, были возмущены

и другіе. 31 октября 1517 года, вечеромъ, Лутеръ прибилъ къ городской церкви 95 тезисовъ, для того чтобы выяснить значеніе индульгенцій. Этимъ тезисамъ придавалось тоже очень много значенія: ихъ считали какъ бы за начало религіозной революціи; но, въ сущности, Лутеръ въ данномъ случаѣ воспользовался только своимъ правомъ [1]) и въ этихъ тезисахъ, рядомъ съ доводами pro, были и доводы contra. Самъ Лутеръ говоритъ по поводу этого, что въ періодъ тезисовъ онъ еще находился во мракѣ.

Дѣйствительно, Лутеръ не сразу сдѣлался реформаторомъ: учебники, которые говорятъ, что Лутеръ послѣ поѣздки въ Римъ пересталъ быть католикомъ, — врутъ, врутъ и врутъ. Лѣтомъ 1516 года Лутеръ какъ-то проповѣдовалъ объ индульгенціяхъ и находилъ вполнѣ законнымъ при ихъ помощи избавленіе отъ временнаго наказанія (отъ чистилища) уже умершихъ людей [2]). Когда появился Тецель, онъ сталъ писать противъ него, но въ то время не одинъ Лутеръ возставалъ противъ Тецеля: самъ курфюрстъ запретилъ продажу индульгенцій въ своемъ княжествѣ. Лутеръ говорилъ со многими, прежде чѣмъ рѣшиться: онъ самъ передаетъ о разговорѣ своемъ съ совѣтникомъ Шурфомъ [3]). Въ маѣ 1518 года Лутеръ писалъ: „Курфюрстъ и епископъ со мной согласны“ [4]). Но потомъ съ каждымъ годомъ Лутеръ все сильнѣе и сильнѣе сталъ уходить въ сторону.

Противъ Лутера стали возражать Тецель и нѣкоторые другіе ученые—Гохштратенъ въ Кельнѣ, Эккъ въ Энгельштадтѣ. На весь этотъ споръ, въ сущности, обращали мало вниманія,—на это указываетъ и самъ Лутеръ [5]). Виттенбергскіе студенты стояли за Лутера; во Франкфуртѣ была масса приверженцевъ Тецеля. Лутеръ возражалъ Тецелю: „Sermon von Ablass und Gnade“. Эккъ написалъ сочиненіе противъ Лутера, подъ названіемъ „Obelisken“. Одно изъ главнѣйшихъ

[1]) Объ этомъ Лутеръ прямо пишетъ папѣ Льву X. Luther's Briefe. Изданіе de Wette. Т. I. Стр. 120.

[2]) Evers. Martin Luther. Т. I. Стр. 39.

[3]) Ibid. Стр. 56.

[4]) Luther's Briefe. Изданіе de Wette. Т. I. Стр. 108.

[5]) Ibid. Стр. 9?.

утвержденій Лутера было то, что не тотъ праведенъ, кто дѣлаетъ много дѣлъ, но тотъ, кто безъ многихъ дѣлъ вѣритъ въ Господа Іисуса Христа. Въ маѣ Лутеръ написалъ такъ называемые „Resolutiones“ и послалъ ихъ съ письмомъ къ папѣ, говоря, что онъ все дѣло поручаетъ ему. Свои письма Лутеръ сталъ подписывать: Мартинъ Элеутеріусъ—Мартинъ Свободомыслящій, а не Мартинъ Освободитель, какъ неправильно передаетъ это слово Эверсъ [1]). Въ сущности, Лутеръ еще не порвалъ съ папой, но онъ уже катится по наклонной плоскости: онъ монахъ по внѣшности и по поведенію (что бы тамъ ни говорили католики [2]), но душа его уже далеко.

Левъ X, какъ сознается самъ Лутеръ [3]), мало обратилъ вниманія на все это. Впрочемъ, была созвана комиссія и Лутеръ вызывался въ Римъ; онъ не поѣхалъ, хотя опасности особенной не было: его „Resolutiones“ даже нашли себѣ одобреніе въ высшемъ римскомъ обществѣ [4]). Правда, Пріеріасъ, цензоръ папской куріи, возсталъ на Лутера и написалъ свой извѣстный трактатъ о Лутерѣ и папской власти, и Лутеръ отвѣчалъ ему очень рѣзко, но на все это обращали мало вниманія, хотя въ Германію и былъ посланъ Кайетанъ: Лутеръ уходилъ все дальше и дальше. Свиданіе съ Кайетаномъ еще болѣе возстановило его противъ папы. Лутеръ уже апеллируетъ къ собору...

Мы не станемъ вдаваться въ подробности, потому что это завело бы насъ слишкомъ далеко; но дѣло въ томъ, что Лутеръ, все болѣе и болѣе удаляясь отъ Рима, вбиралъ въ себя элементы недовольства имъ, являлся представителемъ борьбы противъ Рима. Мы уже говорили о томъ, что борьба противъ Рима, въ сущности, дробилась на нѣсколько теченій: во-первыхъ, Римъ ненавидѣли потому, что онъ не былъ въ состояніи удовлетворять запросамъ религіозной совѣсти нѣ-

---

[1]) Evers. Martin Luther. T. I. Стр. 64. См. также Historische Zeitschrift 1893. Кн. I. Стр. 130.

[2]) Ibid. Стр. 231.

[3]) Luther. Tischreden. Эрлангеровское изданіе. T. LX. Стр. 310.

[4]) Evers. Martin Luther. T. I. Стр. 335.

мецкаго народа, такъ какъ онъ былъ далеко и заботился о роскоши своихъ дворцовъ и храмовъ и объ увеличеніи папской области гораздо больше, чѣмъ о дѣлахъ религіи; во-вторыхъ, ненавидѣли католицизмъ за то, что онъ ложился тяжелымъ гнетомъ на жизнь матеріальную нѣмецкаго народа; въ-третьихъ, толпа подымала свою голову и требовала одинаковой религіи для всѣхъ, и именно той религіи, которую она могла бы понимать. Въ Лутерѣ, какъ въ фокусѣ, сосредоточивалась идея борьбы противъ Рима.

Впрочемъ, я ничего больше не буду говорить о Лутерѣ; его образъ давитъ меня: онъ слишкомъ великъ для насъ,— обыкновенныхъ и мелкихъ людишекъ... Я боюсь великихъ людей; гдѣ ужъ мнѣ о нихъ говорить: душа уходитъ въ пятки—точь въ точь какъ въ дѣтствѣ, когда я, перелистывая нѣмецкія сказки, натыкался на изображенія страшнаго и могучаго Rübezahl'я. Или уже въ юности, когда я читалъ Фауста Гете: помните появленіе Духа Земли въ первой части... Лутеръ такой же Духъ Земли, а я далеко не Фаустъ... Для того, чтобы понять Лутера, нужно быть міровымъ ученымъ. Прежде всего нужно понимать его время, а потомъ не нужно забывать, что многое вполнѣ естественное для генія кажется для насъ, безталанныхъ людей, страннымъ и смѣшнымъ. Когда я читалъ сочиненія Лутера, меня рѣзало по нервамъ, словно кто корявой рукой проводилъ по атласу. Лутеръ выражается до такой степени откровенно, что только въ русскихъ сказкахъ изданія Афанасьева можно найти что-либо подобное. Мнѣ стыдно привести даже самый скромный отрывокъ: до такой степени это гадко. Въ одной проповѣди Лутеръ, напримѣръ, говоритъ: Wenn mein Häusichen oder Lenichen in den Winkel sch—t, dess lacht man, als sei es wohl gethan. Also macht auch der Glaube, dass unser Dreck nicht stinkt vor Gott [1]). Не правда ли, какъ скверно! Конечно, въ этомъ сказывается шестнадцатый вѣкъ, а все-таки... нехорошо.

Кромѣ того, меня постоянно злило ужасное самохвальство Лутера: онъ самъ, правда, выставляетъ себя самымъ

---

[1]) Luther's Werke. Эрлангеровское изданіе. T. V. Стр. 220.

скромнымъ человѣкомъ, любителемъ уединенія [2]), но все-таки его сравненіе себя, напр., съ духомъ, а папы съ тѣломъ, заявленіе, что онъ обладаетъ чудеснымъ сердцемъ [3]), что онъ предназначенъ для освобожденія рода человѣческаго отъ грѣха и что его побуждаетъ ко всему Духъ Святой [4]), сопоставленіе себя съ апостоломъ Павломъ [5]), названіе себя великимъ человѣкомъ [6]),—все это странно для русскаго уха... Мнѣ кажется, что, какъ человѣкъ, Лутеръ не былъ выше своего времени и всю свою жизнь оставался сыномъ нѣмецкаго крестьянина. Впрочемъ, въ немъ было много и хорошихъ сторонъ: съ 1518 года до самой смерти Меланхтонъ, напр., былъ страшно преданъ Лутеру, какъ справедливо замѣчаетъ Хартфельдеръ [7]). Только хорошій человѣкъ могъ вызывать подобныя чувства. Впрочемъ, довольно о Лутерѣ: я слишкомъ слабъ, чтобы вполнѣ понять его. Читатель, думаю, проститъ меня. Скажу только въ двухъ словахъ, что произошло послѣ того, какъ Кайэтанъ уѣхалъ и Лутеръ апеллировалъ къ собору.

Въ началѣ декабря 1518 года въ Германію пріѣхалъ папскій камергеръ, веселый и ловкій Карлъ Мильтицъ. Онъ, въ концѣ концовъ, все-таки добился соглашенія отъ Лутера, чтобы обѣ противныя партіи замолчали, и все дѣло было бы передано папѣ, который долженъ былъ назначить какого-нибудь ученаго епископа для разслѣдованія контроверсовъ. Но противники Лутера не молчали и, какъ извѣстно, докторъ Эккъ вызвалъ Виттенбергскаго профессора и друга Лутера, Карльштадта, на диспутъ въ Лейпцигъ. На этомъ диспутѣ Лутеръ высказалъ многое такое, чего бы онъ не сказалъ, но что онъ думалъ въ душѣ своей: онъ высказался противъ власти папы и даже противъ власти собора. Принципъ, что въ дѣлахъ религіи всѣ равны, всѣ одина-

---

1) Luther's Briefe. Изданіе de Wette. T. I. Стр. 118.
2) Ibid. T. I. Стр. 22.
3) Ibid. T. I. Стр. 479, а также 555 и 129.
4) Ibid. T. IV. Стр. 187.
5) Ibid. T. IV. Стр. 187.
6) Historische Zeitschrift. 1893 г. Кн. I. Стр. 133. См. очень важное собраніе документовъ Hartfelder'a: „Melanthoniana Pedagogica“.

ково компетентны, и что папа рѣшительно ничѣмъ въ данномъ случаѣ не отличается отъ другихъ христіанъ, — этотъ принципъ сквозитъ и здѣсь. Противъ Лутера была издана булла, которая и была имъ сожжена 10 декабря 1520 года.

Лутеръ сталъ еретикомъ: онъ смѣло шелъ впередъ, и никакія постороннія соображенія не смущали его. За нимъ не стояло никакой партіи, даже такой, какая стояла за Гуссомъ [1]); онъ самъ жалуется на это [2]). Правда, за него стояли нѣкоторые Виттенбергскіе профессора: 18 мая 1517 года онъ сознается, что большая часть университета на его сторонѣ [3]). Кромѣ того, Лутера поддерживали нѣкоторые изъ князей, главнымъ образомъ Фридрихъ Мудрый. 8 іюля 1520 года, Левъ X съ горестью пишетъ Фридриху Мудрому о томъ, что послѣднему дорогъ и пріятенъ Лутеръ [4]), тотъ Лутеръ, „quem filium amplius nostrum vocare non possumus". Во всемъ этомъ письмѣ Левъ X умоляетъ Фридриха „rejicere a se et a sua gratia parvum hominem", т. е. Лутера. Но вообще, о Лутерѣ думали не особенно ужъ такъ много. Мартинъ Буцеръ пишетъ Спалатину и восхищается Лутеромъ, какъ теологомъ. „Боже мой, какой чудесный теологъ—докторъ Мартинъ Лутеръ", говоритъ онъ [5]). Въ письмѣ къ Беату Ренану тотъ же Буцеръ сравниваетъ Лутера съ Эразмомъ и отдаетъ предпочтеніе Лутеру за его прямоту и откровенность [6]). А между тѣмъ, если у васъ есть время, прочтите только что цитированное письмо Буцера къ Спалатину, и вы увидите, что въ немь говорится гораздо больше о совершенно другихъ предметахъ: и объ Аристофанѣ, и о Плутонѣ, и о миѳологическихъ рѣкахъ Тагусѣ и Пактолусѣ,—а главное о Рейхлинѣ. Только впослѣдствіи имя Лутера пріобрѣло огромную популярность.

---

[1]) Вопросъ о Гуссѣ чрезвычайно плохо разработанъ. Неизвѣстно даже, оригиналенъ былъ Гуссъ въ своихъ воззрѣніяхъ или онъ повторялъ лишь мнѣнія Виклефа. См. книгу Loserth'a: „Wickleff und Huss".

[2]) Evers. Martin Luther. T. I. Стр. 49.

[3]) Luther's Briefe. Изданіе de Wette. T. I. Стр. 57.

[4]) Balan. Monumenta Reformationis Lutheranae. Стр. 1.

[5]) Staehelin. Briefe aus der Reformationszeit. Стр. 7.

[6]) Horawitz und Hartfelder. Briefwechsel des Beatus Rhenanus. Стр. 107.

Въ Римѣ Лутеромъ все-таки немного безпокоились и все еще стремились вернуть его убѣжденіемъ въ лоно католической церкви. Въ письмахъ Льва X къ Алеандру прямо говорится, что вначалѣ нужно употребить убѣжденіе, а уже потомъ лишь употребить крутыя мѣры [1]). Католическая партія желала бороться и ниспровергнуть Лутера, у Лутера есть приверженцы только среди молодыхъ профессоровъ и гуманистовъ. Правда, они очень много шумятъ. Въ Вѣнскомъ университетѣ протестуютъ противъ буллы и не желаютъ сожигать сочиненій Лутера. Или вотъ, напримѣръ, отрывки изъ писемъ тогдашнихъ ученыхъ. Кротъ Рубіанъ Іоанну Гессу: „Apud homines studiosos legi Martini locubrationes in Eckianas argumentationes, quae me simul gravem et ridiculum faciunt. Pudeo levitatem in Eccii sapientia et Lutheri majestatem in Scripturae usu admiror [2]). Меланхтонъ: „Lactatur me de devotionibus ac Pontificiis diris rumor, quibus Martinum nostrum execraturus sit Leo X. Nos omnia ingenti animo exspectamus, neque acordere quicquam potest, quo non graviora laturi sumus, si ita superis cordi sit“ [3]). Кротъ Рубіанъ: „Eckius est profectus Romam, nova monstra pariet mundus in exilium imo in extremas insulas depoctanda a Martino nostro“ [4]).

Беатъ Ренанъ, Кротъ Рубіанъ, Іоаннъ Гессъ и прочіе извѣстные и неизвѣстные гуманисты изъ эрфуртовскаго кружка всѣ глазами, полными надежды, смотрѣли на новаго императора Карла V. Даже въ одной изъ обработокъ Фауста — Видмана, которая относится къ этому времени, находятся полныя надежды слова, что по воцареніи Карла V „засіяетъ солнце правды и будетъ блестѣть въ глаза вавилонской блудницы, такъ что она ничего не будетъ видѣть“ [5]). Такъ или почти такъ писали во многихъ книгахъ двадцатыхъ годовъ XVI вѣка. Самъ Лутеръ обращался къ Карлу. „О, Карлъ, писалъ онъ, государь земныхъ

1) Balan. Monumenta Reformationis Lutheranae, стр. 6.
2) Kraft. Briefe und Documente. Стр. 15.
3) Ibid. Стр. 20.
4) Ibid. Стр 21.
5) См. статью г. Корелина. „Вѣстникъ Европы“ 1882 г. Декабрь. Стр. 731.

королей! Я бросаюсь съ мольбой на колѣни передъ Вашимъ Свѣтлѣйшимъ Величествомъ и заклинаю Васъ принять подъ покровъ свой не меня, но самое дѣло вѣчной истины, для защиты коей Богъ поручилъ Вамъ владѣть мечомъ". Гуттенъ тоже обращался къ Карлу V до начала его царствованія. Въ Вадискусѣ Гуттенъ говоритъ, что должно освободитъ Германію отъ папы, затѣмъ онъ къ Карлу прямо обращается съ письмомъ, опять-таки убѣждая молодого властителя идти противъ Рима[1]). Но Карлъ, какъ кажется, мало обращалъ на это вниманія. „Его главнѣйшая забота,—говоритъ Баумгартенъ [2])—была устремлена на коронованіе, которое должно было произойти, по старому обычаю, въ Аахенѣ". Мы не станемъ говорить, какъ произошелъ торжественный и важный обрядъ коронованія въ германскіе императоры: объ этомъ есть и у Минье и у другихъ легко доступныхъ историковъ. Изъ Аахена Карлъ отправился въ Кёльнъ и издалъ приглашеніе къ своему первому рейхстагу къ 6 января 1521 года. Изъ Кельна Карлъ отправился въ Боннъ, гдѣ онъ въ замкѣ Поппельсдорфѣ завтракалъ у курфюрста, а потомъ охотился, и охотился удачно, убилъ стараго матерого кабана. Затѣмъ онъ сѣлъ на барку и отправился черезъ Майнцъ въ Вормсъ, гдѣ нужно было установить государственное устройство въ Германіи и разрѣшить вопросъ съ Лутеромъ, вопросъ, который все болѣе и болѣе запутывался и никакъ не могъ разрѣшиться.

---

[1]) Strauss. Ulrich Hutten. Стр. 353 и 356.
[2]) Baumgarten. Geschichte Karls V. T. I. Стр. 315.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Шумъ и лязганье улицы доносятся всюду: отъ нихъ, по правдѣ сказать, никуда не уйдешь. Мелкіе вопросы дневной жизни царапаютъ и бередятъ нервы. На предыдущихъ страницахъ я часто и много съ восторгомъ говорилъ о нѣмецкомъ народѣ, а между тѣмъ мнѣ, оглушенному звономъ празднествъ въ Тулонѣ, какъ-то теперь стыдно моихъ восторговъ. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время почему-то вошло въ моду ругать все нѣмецкое, хотя, по правдѣ сказать, у нѣмцевъ— много, очень много хорошаго. Конечно, у всякаго народа есть свои недостатки, но у кого же ихъ нѣтъ? Впрочемъ это еще вопросъ, почему одни качества плохи, а другія хороши: все относительно въ семъ относительномъ изъ міровъ. Одинъ глубокомысленный русскій публицистъ говорилъ, что нѣмцы—народъ серьезный, скучный, а французы—народъ легкомысленный, веселый. Русскій публицистъ былъ правъ: у нѣмцевъ былъ только единственный веселый человѣкъ—Гейне, да и тотъ былъ не нѣмецъ, а жидъ. Но я, право, не знаю, что лучше—быть веселымъ или скучнымъ, что красивѣе—прическа бабочкой изъ жидкихъ волосъ, или безконечный лобъ германскаго профессора. Впрочемъ, у нѣмцевъ есть, дѣйствительно, много настоящихъ достоинствъ, которыя недурно было бы заимствовать намъ, русскимъ людямъ. Напримѣръ, то поклоненіе, съ которымъ относится каждый нѣмецъ къ наукѣ, искусству и литературѣ.

Мы странные люди--русскіе люди: я не говорю, что мы не уважаемъ науки, а все-таки, когда кто-нибудь плюнетъ на науку—плюнетъ, можетъ быть, невзначай, но такъ, что брызги все-таки осквернятъ ея свѣтлый и чистый ликъ—мы смолчимъ.

Нигдѣ нѣтъ такой безграмотности, какъ у насъ въ Россіи; но ни у кого нѣтъ такой смѣлости, какъ у русскихъ людей. Сколько у насъ произносится рѣчей и какихъ смѣлыхъ рѣчей! Въ двѣ минуты разрѣшаются основные вопросы русской жизни, русскаго государственнаго хозяйства. Эти смѣлыя рѣчи говорятся всегда людьми, съ наукой никогда никакихъ дѣлъ не имѣвшими. Теперь это даже вошло въ обыкновеніе: за всякимъ парадныімъ обѣдомъ гудитъ рѣчь храбраго человѣка о назначеніи Россіи, шампанское пѣнится, стерляди а-ля минютъ услаждаютъ взоръ и скрипитъ карандашъ усерднаго репортера. Это въ сущности грустно, но еще грустнѣе то, чего же молчатъ наши ученые, когда чужой человѣкъ врывается въ ихъ область. Въ Германіи бы этого не случилось... Много произносится тамъ рѣчей, но всякій изъ неспеціалистовъ скорѣй сошлется на научный авторитетъ, чѣмъ возьмется въ продолженіе двухъ минутъ разрѣшить основной вопросъ своей родины.

Мнѣ теперь приходится говорить объ одномъ очень важномъ фактѣ въ исторіи Германіи, о знаменитомъ Вормскомъ рейхстагѣ. Исторіи этого рейхстага посвящено много книгъ въ нѣмецкой исторической литературѣ; съ большинствомъ изъ нихъ я постарался познакомиться и былъ совершенно пораженъ тѣмъ женственно-нѣжнымъ отношеніемъ, какое выказывали различные авторы къ фактамъ изъ прошлаго своей родины. Какая тщательность въ разработкѣ деталей, какая осторожность при разборѣ противорѣчивыхъ свидѣтельствъ, какое уваженіе къ наукѣ! Нѣтъ, намъ многому и многому остается еще поучиться у нѣмцевъ. Впрочемъ, я не говорю, что нѣмецкіе историки никогда не ошибались. Одни совсѣмъ напрасно бранятъ Лутера, другіе еще напраснѣй бранятъ Карла V. Въ однихъ (очень малочисленныхъ, по правдѣ сказать) главное вниманіе придается политическому значенію рейхстага, въ другихъ на этотъ рейхстагъ смотрятъ лишь съ одной точки зрѣнія, именно съ той, что на немъ былъ осужденъ Лутеръ. Фридрихъ, въ своемъ изслѣдованіи о Вормскомъ рейхстагѣ, говоритъ главнымъ образомъ объ Алеандрѣ, о томъ, какъ онъ ненавидѣлъ Германію; разсказываетъ ни къ чему не идущіе анекдоты изъ его жизни въ

Парижѣ. А между тѣмъ, повторяю, на этомъ рейхстагѣ говорилось далеко не объ одномъ Лутерѣ и Алеандрѣ.

Во-первыхъ, прежде всего, Карлъ желалъ чѣмъ-нибудь отблагодарить тѣхъ курфюрстовъ, которые стояли за него въ избирательной борьбѣ. Курфюрсту Майнцскому было предоставлено расширеніе его вице - канцлерскихъ полномочій; курфюрсту Саксонскому была обѣщана рука принцессы Катарины для его племянника; маркграфъ Казиміръ Бранденбургскій получилъ увѣреніе, что ему будетъ дано въ ленную зависимость первое завоеванное герцогство въ Италіи и пр., и пр. Мнѣ кажется, что въ кругу князей, ихъ приближённыхъ, среди чиновниковъ ихъ канцелярій— этимъ были заняты гораздо больше, чѣмъ дѣломъ Лутера. Много говорили также о самомъ Карлѣ, исподтишка бранили его за то, что онъ совсѣмъ не говоритъ по-нѣмецки и очень скверно по-латыни. Но обаяніе императорскаго титула всетаки брало свое... Князья, которыхъ онъ не приглашалъ къ своему обѣду, бывали глубоко несчастны. Они старались чѣмъ-нибудь умилостивить разгнѣваннаго императора: старались помочь ему, когда онъ садился на лошадь; посылали ему подарки. Господи, сколько обо всемъ этомъ было разговоровъ, толковъ и сплетенъ!

Регулярныя занятія въ рейхстагѣ еще неначинались, нужно было подождать пріѣзда нѣкоторыхъ князей. Въ ожиданіи занятій веселились напропалую: устраивали обѣды и, когда выдавался солнечный день, игры на воздухѣ. Карлъ V подружился съ нѣсколькими молодыми нѣмецкими князьями и научилъ ихъ новой игрѣ, вывезенной имъ изъ Испаніи, подъ названіемъ „войны сарациновъ“: нужно было скакать, останавливать сразу лошадь, быстро вскакивать и еще быстрѣе слѣзать; Карлъ V и князья продѣлывали это съ большимъ успѣхомъ. Сѣдые и умные совѣтники тоже веселились: пили старое рейнское вино, ѣли жирныхъ каплуновъ съ розовымъ вареньемъ и холодную ветчину съ горячими бобами подъ бѣлымъ соусомъ. По ночамъ было холодно: падалъ липкій, мокрый снѣгъ; на перекресткахъ горѣли костры; легко одѣтые испанцы изъ свиты императора дрогли и простужались. Въ серединѣ города, тамъ, гдѣ стоялъ дворецъ епи-

скопа и возвышался темный соборъ, по ночамъ было тихо и мрачно; зато подальше — всю ночь свѣтились окна, двери постоялыхъ дворовъ поминутно отворялись настежь: играли въ кости, дрались, пѣли подъ лютню и обнимали публичныхъ женщинъ, съѣхавшихся въ Вормсъ со всей Германіи. Усталый и разбитый отъ вѣчныхъ хлопотъ, Шьевръ чувствовалъ себя нездоровымъ: объ этомъ тихо и подъ секретомъ передавали другъ другу. О Лутерѣ и объ его дѣлѣ мало кто зналъ и мало кто думалъ. Если и думали, то думали о томъ, какъ устроить управленіе Германской имперіей и прекратить вѣчные безпорядки. Впрочемъ, объ этомъ думали и раньше. Старую мечту объ ограниченіи императорской власти національною властью князей подняли вновь и вновь думали привести ее въ исполненіе.

Въ избирательной капитуляціи Карла V было сказано, что онъ „обязанъ учредить правленіе изъ благочестивыхъ, храбрыхъ, благоразумныхъ, честныхъ людей изъ нѣмецкой націи съ нѣкоторыми курфюрстами и князьями", — объ этомъ нужно было переговорить теперь на сеймѣ. Еще Максимиліанъ старался устроить и водворить порядокъ въ Германской имперіи: ему это не удавалось,—главнымъ препятствіемъ всему былъ онъ самъ, какъ справедливо замѣчаетъ Ульманнъ [1]). Мы уже упоминали о томъ, какъ начали мечтать о національной власти помимо всемірной власти императора, какъ выдвинулась идея общаго имперскаго управленія. Впрочемъ — всѣ попытки при Максимиліанѣ не привели ни къ чему: имперія гибла, какъ корабль, у котораго проломлено дно. Геніальный, по мнѣнію Ульманна [2]), Максимиліанъ все путалъ и путалъ, пока, наконецъ, совсѣмъ не запуталъ. Нужно было что-нибудь сдѣлать.

Трудно сказать, насколько въ поступкахъ и рѣчахъ Карла отражается его собственная личность и насколько отражаются личности тѣхъ его приближенныхъ, въ рукахъ которыхъ сосредоточивались нити правленія. Баумгартенъ совершенно

---

[1]) Ulmann. Kaiser Maximilian I. T. II. Стр. 375.
[2]) Ibid. Стр. 571.

отрицаетъ всякую самостоятельность у Карла V. Эгельхаафъ, писавшій уже послѣ Баумгартена, говоритъ, что Карлъ V на Вормскомъ сеймѣ былъ вполнѣ самостоятеленъ, и ссылается на высказанное кѣмъ-то изъ нидерландцевъ мнѣніе, что они въ 1516 году отпустили Карла мальчикомъ, а въ 1520 получили Карла мужемъ. Дѣйствительно, Карлъ хоть и веселится и играетъ въ мячъ, но уже имѣетъ надо всѣмъ общій надзоръ. Онъ довольно рѣшительно объявляетъ въ началѣ рейхстага, что о другомъ какомъ-либо управленіи, кромѣ его, не можетъ быть и рѣчи, если онъ самъ въ Германіи. Но князья на это не обратили вниманія. Часто поздно вечеромъ собирались они для совѣщаній,—молодого императора они никакъ не могли понять. Они даже немного боялись его; нидерландскую и испанскую его свиту они просто ненавидѣли. Во что бы то ни стало, имъ хотѣлось оградить отъ нихъ Германію. Въ серединѣ марта князьями былъ составленъ проектъ имперскаго управленія. По этому проекту, во главѣ управленія долженъ былъ стоять императорскій намѣстникъ и курфюрстъ. Они должны были подписывать рѣшенія. Предсѣдателемъ управленія долженъ былъ быть человѣкъ, по возможности, независимый. Членовъ управленія должно было быть числомъ двадцать: шесть должны были быть избираемы курфюрстами, затѣмъ, два совѣтника должны были избираться князьями, двоихъ могъ посылать императоръ, какъ владѣтель Австріи и Бургундіи; прелаты могли посылать одного совѣтника, рыцари тоже одного, имперскіе города тоже могли посылать одного, вольные города тоже одного, а остальные шесть совѣтниковъ, шесть членовъ имперскаго управленія, должны были посылаться отъ шести округовъ имперіи. Управленіе должно было всегда собираться, не только въ отсутствіе императора, но и тогда, когда императоръ находился въ имперіи. И не только внутреннія дѣла были подвѣдомственны проектируемому управленію, но и внѣшнія дѣла; даже право заключать союзы должно было быть даровано управленію съ извѣстными ограниченіями.

Когда долго изучаешь исторію какой-нибудь личности, то невольно почему-то привязываешься къ ней самой. Вѣдь,

въ сущности, князья были правы, а все-таки ихъ требованіе кажется даже какимъ-то нахальнымъ и дерзкимъ. „Конечно, Карлъ не могъ согласиться на это", говоритъ Баумгартенъ [1]) и даже какъ будто-бы обижается на князей; я совершенно понимаю Баумгартена. Карлъ V давно истлѣлъ въ могилѣ, о князьяхъ если кто и вспоминаетъ, то развѣ лишь сторожа въ уѣздныхъ нѣмецкихъ музеяхъ, показывающіе за 50 пфенниговъ ихъ портреты англичанамъ съ Бедеккеромъ въ красномъ переплетѣ, а между тѣмъ, говоря откровенно, все-таки обидно... Я, впрочемъ, не думаю, что Карлъ V обидѣлся заявленію князей... Онъ просто не понималъ, чего они хотѣли. Онъ желалъ одного, князья думали о другомъ. 22 марта Карлъ V появился въ рейхстагѣ и черезъ своего приближеннаго доктора Лампартера объявилъ, въ сущности, то, къ чему онъ стремится и чего желаетъ: онъ объявилъ, что желаетъ своего коронованія въ императоры священной Римской имперіи и вновь завоеванія тѣхъ земель, которыя были оторваны отъ имперіи. Въ данномъ случаѣ здѣсь подразумѣвалось, конечно, Миланское герцогство. И опять-таки здѣсь мы видимъ, о чемъ мечтали на Вормскомъ рейхстагѣ; но не религія была предметомъ этихъ мечтаній, а чисто политическая и наглядная выгода. Князья хотѣли увеличенія своего собственнаго могущества и безопасности имперіи отъ испанцевъ и фламандцевъ; Карлъ V думалъ только о томъ, чтобы увеличить свою собственную власть. Онъ понималъ увеличеніе этой власти въ горизонтальномъ отношеніи: считалъ, что чѣмъ шире раскинулась эта власть, тѣмъ она больше. Князья стояли на своемъ: они холодно замѣтили, что вопросъ о походѣ въ Римъ, т.-е., другими словами, о деньгахъ, которыя они должны были ассигновать для полученія императорской короны, можетъ быть только тогда поднятъ въ рейхстагѣ, когда будетъ исполнено требованіе князей, когда Карлъ согласится на предложенное ими имперское управленіе и одобритъ проектъ верховнаго имперскаго суда, который былъ составленъ тоже около этого времени.

Baumgarten. Geschichte Karl's. T. I. Стр. 447.

Карлъ не хотѣлъ раздражать князей отказомъ: онъ согласился на установленіе верховнаго управленія, но съ такими ограниченіями, которыя совершенно измѣняли первоначальную мысль князей. Во-первыхъ, это управленіе должно было носить названіе „управленія его Величества въ Священной Римской Имперіи“. Члены его должны были присягать императору, и только ему одному. О никакомъ независимомъ предсѣдателѣ Карлъ V не желалъ и слышать: его намѣстникъ долженъ быть и предсѣдателемъ управленія. Изъ двадцати членовъ шесть могъ назначать по своему желанію императоръ. Австрія и Бургундія исключены изъ компетенціи управленія. Прежде рѣшенія управленія начинались, по проекту князей, формулой: „Ad mandatum domini imperatoris in concilio *imperii*“; Карлъ V поставилъ слово „*imperiali*“ вмѣсто „imperii“, и въ этой сравнительно небольшой поправкѣ заключался очень глубокій смыслъ. Карлъ V желалъ признанія одной только своей власти въ Германіи; князья, кромѣ императорской власти, желали также признанія и своей. Вышелъ цѣлый рядъ пререканій между князьями и императоромъ.

Становилось все холоднѣе и холоднѣе; пиры и удовольствія порядочно надоѣли. Карлъ сталъ стремиться на югъ. Онъ, какъ и всѣ властители шестнадцатаго вѣка, понималъ свою задачу лишь въ смыслѣ расширенія своихъ владѣній. Какъ императоръ—онъ былъ преемникомъ Максимиліана: онъ долженъ былъ стремиться къ тому, чего желалъ и Максимиліанъ. И Карлъ бредилъ и мечталъ о завоеваніи Миланскаго герцогства, а для этого, повторяю, нужна была помощь Германіи, согласіе нѣмецкихъ князей. Поэтому въ дѣлѣ общаго имперскаго управленія Карлъ начинаетъ дѣлать уступки. Переговоры, впрочемъ, все тянутся, мучительные, скучные переговоры... Наконецъ, было рѣшено, чтобы общее имперское управленіе состояло изъ двадцати двухъ лицъ вмѣстѣ съ императорскимъ намѣстникомъ. Въ полномъ своемъ объемѣ оно должно было быть только въ отсутствіе императора; когда же императоръ являлся въ имперію, это управленіе должно было получать имя „совѣта императора“, хотя и не прекращать совершенно своихъ

функцій. Императоръ назначалъ намѣстника, который долженъ стоять во главѣ управленія; кромѣ того, императоръ назначалъ еще четырехъ совѣтниковъ. Главная обязанность верховнаго имперскаго управленія заключалась въ занятіи внутренними дѣлами имперіи. Въ сущности оно, какъ справедливо говоритъ Эгельхаафъ, дѣлалось главной судебной инстанціей[1]). Верховный имперскій судъ (Kammergericht) былъ подчиненъ этому управленію. Остальные члены управленія назначались, какъ было раньше предполагаемо. Проектъ князей былъ измѣненъ въ слѣдующемъ: вмѣсто двадцати членовъ было двадцать два, и эти два назначались императоромъ; потомъ, императорскій намѣстникъ долженъ былъ предсѣдательствовать въ управленіи; во внѣшнія дѣла имперіи управленіе не входило и главнѣйшее значеніе имѣло только въ отсутствіе императора. Что касается до верховнаго суда, то онъ долженъ былъ состоять изъ восемнадцати членовъ: шесть должны были быть посылаемы отъ курфюрстовъ, шесть отъ округовъ, четыре отъ императора, два отъ дворянъ вообще. Вмѣстѣ съ учрежденіемъ верховнаго суда связано было объявленіе такъ называемаго всеобщаго мира въ государствѣ. Тому, кто нарушитъ этотъ миръ, угрожало само государство, которое отнимало у него всѣ лены и лишало его всякой защиты.

Когда давно всѣмъ наскучившіе переговоры объ имперскомъ управленіи кончились, императоръ потребовалъ 21 марта, чтобы ему дали войско изъ двадцати тысячъ пѣхоты и четырехъ тысячъ конницы. Въ сущности, это былъ чисто финансовый вопросъ: не солдатъ просилъ Карлъ, а лишь денегъ, которыми онъ могъ оплатить ихъ. Это былъ старый вопросъ о платѣ и вознагражденіяхъ войску, который часто подымался на рейхстагахъ, но все никакъ не могъ прійти къ надлежащему концу. Въ 1495 году было рѣшено, и была сдѣлана попытка обложить всю Германію податью такъ называемаго „всеобщаго пфеннига или гроша“ (gemeiner Pfennig); затѣмъ, на Констанцскомъ рейхстагѣ 1507 года былъ установленъ такъ называемый „матрикулъ“, именно списокъ тѣхъ

---

[1]) Egelhaaf. Deutsche Geschichte. T. I. Стр. 283.

взносовъ, которые должно было дѣлать каждое княжество. Къ этому матрикулу и вернулись теперь: каждый изъ имперскихъ чиновъ долженъ былъ вносить извѣстную сумму. Была установлена норма, которая заключалась въ 2500 всадниковъ и 12,000 пѣхоты. Для этой нормы нужно было вносить извѣстное количество гульденовъ. Солдаты должны были служить въ теченіе шести недѣль. Мѣсячное жалованье пѣхотинцамъ было около четырехъ гульденовъ, всадникамъ—двѣнадцать. Всего, слѣдовательно, выходило 117,000 гульденовъ, а вмѣстѣ съ прибавочной тысячью 118,000 гульденовъ, которые собственно представляли собой нормальный взносъ государства на военныя издержки. Этотъ взносъ былъ одобренъ почти единогласно, и было постановлено, что чины имперіи готовы дать средства императору бороться противъ французовъ и вообще противъ всякаго, кто обидитъ Карла.

Я думаю, читатель, вы удивлены. Не правда ли, какая масса интересныхъ и важныхъ вещей произошла на томъ рейхстагѣ, который въ учебникахъ почему-то изображается только какъ извѣстное событіе изъ исторіи реформаціи. Виной всему этому, конечно, литература: въ сколькихъ романахъ, поэмахъ и пѣсняхъ изображался Вормскій рейхстагъ! И нигдѣ, во всей изящной литературѣ всѣхъ народовъ, нѣтъ упоминанія объ этомъ рейхстагѣ, какъ о важномъ фактѣ въ дѣлѣ устроенія Германской имперіи. Составители учебниковъ, при всемъ своемъ невѣжествѣ, очень падки на литературу. Да кромѣ того, въ полномъ своемъ объемѣ учредительная роль Вормскаго рейхстага почти нигдѣ не изображена съ надлежащею ясностью. Мы не дѣлали сносокъ во время нашего изложенія, потому что приходилось бы упоминать о безчисленномъ количествѣ никому не вѣдомыхъ диссертацій, программъ, журнальныхъ статей въ провинціальныхъ изданіяхъ. Я считалъ ненужнымъ затруднять читателя, и безъ того уставшаго отъ моего, нужно сознаться, несовсѣмъ иногда вразумительнаго изложенія. Кромѣ того, главнѣйшій источникъ этого вопроса, Reichstags-Acten, вполнѣ еще не изданъ. Право, не знаю, гдѣ теперь находятся эти знаменитые акты рейхстаговъ: прежде они были во Франкфуртѣ, потомъ въ Мюнхенѣ, теперь, откровенно говоря, рѣшительно

не знаю гдѣ. Можетъ, отъ всего этого и происходитъ неправильное освѣщеніе рейхстага въ учебникахъ, которые всегда питаются матеріаломъ уже вполнѣ обработаннымъ, достающимся имъ изъ вторыхъ рукъ [1]).

Впрочемъ, я нисколько не думаю отрицать, что и для хода реформаціи въ Германіи этотъ рейхстагъ былъ въ высшей степени важенъ. Никогда не нужно забывать и того, что на этомъ рейхстагѣ верховная власть имперіи — самъ Карлъ V высказался противъ реформаціи. Мы уже говорили о томъ, что Лутеръ явился представителемъ идеи борьбы противъ Рима, и позволили себѣ указать, что, въ сущности, борьба противъ Рима и римскаго католицизма шла изъ разныхъ сторонъ. „Трудно представить себѣ двухъ болѣе противоположныхъ противниковъ“, говоритъ Бецольдъ[1]),—„чѣмъ Лутеръ и Карлъ V“. Эти слова повторялись, повторяются и, можетъ быть, будутъ повторяться еще очень многими. Говоря откровенно, эти слова немного... смѣшны: смѣшонъ ихъ тонъ—только большимъ увлеченіемъ можно оправдать его. На Вормскомъ сеймѣ Лутеръ никогда не былъ противникомъ Карла V; онъ былъ монахъ, котораго нужно было судить, человѣкъ, который оскорбилъ папу, сжегъ буллу, который говорилъ вредныя вещи,—но всетаки ничтожный, маленькій человѣкъ предъ Карломъ V и ужъ никакъ не его противникъ...

Въ началѣ 1521 года въ Германію былъ посланъ папой Алеандръ, человѣкъ ловкій и неглупый. Но ему пришлось имѣть дѣло со всеобщей ненавистью къ Риму. Лутера, конечно, выдали бы головой, но только не папѣ и не ненавистнымъ итальянцамъ. Кромѣ того, нѣкоторые князья уже стали любить Лутера, въ особенности Фридрихъ Мудрый, которому Лутеръ понравился самой своей тенденціей, потому что онъ давалъ простую и понятную религію. Да и

---

[1]) Кромѣ всего этого на Вормскомъ рейхстагѣ было рѣшено нѣсколько очень важныхъ для нѣмецкой промышленности вопросовъ, напримѣръ, вопросъ о т. н. монополіяхъ. О важности его для хозяйственной жизни Германіи см. Haebler: „Die Fugger und der spanische Gewürzhandel“. Zeitschrift des Vereins für Geschichte von Schwaben und Nenburg. T. XIX.

[2]) Bezold. Geschichte der deutschen Reformation. Стр. 332.

потомъ Фридриха Мудраго окружали люди, которые ужъ на самомъ дѣлѣ были поклонниками и послѣдователями Лутера. Въ одномъ изъ документовъ, помѣщенныхъ у Балана [1]), говорится: „Multis signis et argumentis etiam certissimis habemus, eius (т. е. Фридриха) consiliarios esse Luthero ipso magis Lutheranos.

Фридрихъ Мудрый нѣсколько разъ просилъ императора выслушать Лутера и поговорить съ нимъ о вѣрѣ. Императору было некогда, да едва ли онъ и думалъ особенно о Лутерѣ. Въ рейхстагѣ онъ какъ-то предложилъ осудить Лутера заочно. Князья, выслушавъ это предложеніе, стали совѣщаться. Это совѣщаніе продолжалось долго и было очень бурно и, въ концѣ концовъ, рѣшено было просить императора выслушать Лутера. „Можетъ быть", говорилось въ отвѣтѣ князей, „Лутеръ и отречется отъ своихъ еретическихъ мнѣній. Что же касается до его борьбы противъ Рима, то мы согласны съ нимъ". [2]) Вотъ вслѣдствіе этого то и произошло то, что Карлъ рѣшилъ призвать Лутера на сеймъ. Это приглашеніе послѣдовало 6 марта 1521 года. Текстъ письма къ Лутеру находится у Балана. Въ немъ Карлъ V приглашаетъ Лутера явиться въ Вормсъ. Письмо это помѣчено 11 марта и носитъ на себѣ характеръ дружелюбный. На адрессѣ написано: „Honorabili devoto nobis dilecto doctori Martino Luthero ordinis sancti Augustini". Само же письмо начинается словами: „Honorabilis devote dilecte". Этотъ тонъ обратилъ вниманіе на себя Баумгартена, и этотъ ученый подчеркиваетъ то, что Лутеръ былъ названъ достопочтеннымъ и любезнымъ. Но въ сущности, это чисто оффиціальный пріемъ письма. Письмо это писалось гдѣ-нибудь въ канцеляріи, а на канцелярію рѣшительно обращать вниманіе не стоитъ.

Лутеръ 26 марта отправился въ Вормсъ. Разсказываютъ, что его поѣздка была очень торжественна; но узнать истину очень трудно: разсказы про это, очевидно, преувеличены. Относительно того, зачѣмъ былъ вызванъ Лутеръ на сеймъ,

---

[1]) Balan. Monumenta Beformationis Lutheranae. Стр. 87.

[2]) См. у Ranke. Deutsche Geschichte T. I. Стр. 303 и Janssen. Geschichte des deutschen Volks. T. II. Стр. 157.

существуютъ до сихъ поръ еще различныя мнѣнія: одни говорятъ, что въ данномъ случаѣ Карлъ дѣйствовалъ изъ политическихъ видовъ, слѣдовалъ совѣту дона Мануэля, который писалъ ему изъ Рима, совѣтуя одобрить Лутера, чтобъ имѣть лишній ходъ въ политической борьбѣ съ папой; другіе же говорятъ, что Карлъ V хотѣлъ совсѣмъ погубить Лутера, и только князья ему помѣшали. Но намъ кажется, что самый фактъ этотъ простъ и ясенъ: понятно, что преступника раньше чѣмъ наказать, хотятъ выслушать, еретика попробовать заставить отступиться отъ своихъ мнѣній, прежде чѣмъ проклясть его. Мнѣ кажется, что это совершенно просто и ясно, настолько просто, что объ этомъ даже не стоитъ и говорить. Лутеръ пріѣхалъ въ Вормсъ 16 апрѣля 1521 года. На слѣдующій день, вечеромъ, онъ былъ приведенъ на засѣданіе рейхстага, но говорилъ смущенно и просилъ времени подумать. 18 апрѣля онъ уже говорилъ смѣло и свободно и прямо заявилъ, что онъ не согласится отречься, если не будетъ убѣжденъ въ противномъ мнѣніи свидѣтельствомъ Писанія. Вы, навѣрно, слышали объ этомъ гордомъ отвѣтѣ нѣмецкаго реформатора и, вѣроятно, учили его наизусть, хотя можно очень и очень сомнѣваться, дѣйствительно это было сказано Лутеромъ на рейхстагѣ, или это легенда, которую очень охотно признавалъ и самъ Лутеръ [1]). Въ передачѣ самого текста отвѣта является очень сильная разноголосица: обыкновенно говорятъ и учатъ, что Лутеръ закончилъ свой отвѣтъ словами: Hier stehe Jch, Jch kann nicht anders. Gott helf mir,—а у Балана помѣщенъ тоже текстъ этого отвѣта, но стоитъ только послѣдняя фраза: Gott helf mir [2])... Лучше обойти этотъ вопросъ молчаніемъ, чѣмъ вдаваться въ безплодную и утомительную критику. Какъ бы тамъ ни было, хоть и послѣ цѣлаго ряда долгихъ переговоровъ, но, наконецъ, 26 апрѣля Лутеръ былъ отпущенъ: ни одинъ волосъ на его головѣ не былъ тронутъ.

Лутеръ, въ сущности, попалъ въ благопріятное

---

[1]) См. брошюру Dommer'a: Luther—Drucke auf der Hamburger Stadtbibliothek.

[2]) Balan. Monumenta Reformationis Lutheranae. Стр. 138.

время: между императоромъ и папой Львомъ X были очень натянутыя отношенія. Но все-таки былъ составленъ Вормскій эдиктъ. Онъ былъ составленъ вначалѣ въ видѣ проекта. „Мы, Карлъ V, и пр. и пр.“, говорится въ проектѣ этого эдикта,—„выслушавъ брата Мартина Лутера, рѣшили объявить брата Мартина публично еретикомъ и приказываемъ, по прошествіи срока пропуска, считать его всѣмъ за еретика, преслѣдовать и удерживать всюду и т. д. и т. д.“ [1]). Наконецъ, 25 мая, Карлъ V прочелъ въ епископскомъ дворцѣ настоящій эдиктъ противъ Лутера. Это былъ знаменитый Вормскій эдиктъ, которымъ Лутеръ объявлялся еретикомъ и внѣ законовъ. Въ сущности, этотъ эдиктъ былъ помѣченъ восьмымъ числомъ; 25-го же часть князей разъѣхалась. Я не думаю, чтобъ это имѣло какое нибудь значеніе, и очевидно, тутъ что-нибудь спутано. Но разобраться во всемъ этомъ почти невозможно. Очевидно только, что князья всѣ согласились бы на этотъ эдиктъ, даже еслибы и присутствовали. Мы уже знаемъ, что проектъ этого эдикта былъ составленъ 19 апрѣля, еще тогда, стало быть, когда Лутеръ былъ въ Вормсѣ, на другой день послѣ его рѣшительнаго отвѣта. Кромѣ того, 8 мая Карлъ V разослалъ письмо всѣмъ чинамъ имперіи, въ которомъ говорится: Nos moti urgentibus rationibus, consilio et consensu nostrorum et sacri imperii electorum ceterorumque principum et statuum hic apud nos congregatorum, edidimus certum edictum sive mandatum Martinum Luterum.“ [2]). Слѣдовательно, уже 8 мая князья знали объ эдиктѣ, и всѣ разговоры о томъ, что князей обманули, что они бы никогда не согласились на этотъ эдиктъ, падаютъ сами собой.

Я думаю, что если и возмущались этимъ эдиктомъ, то главнымъ образомъ въ той литературно-ученой средѣ, которая стояла за Лутера. Beatus Rhenanus пишетъ Аморбаху еще до Вормскаго сейма, говоритъ, что Лутера навѣрное не выслушаютъ князья, и возмущается этимъ [3]). Когда-же Лутера выслушали и издали Вормскій эдиктъ, который, въ сущно-

---

[1]) Kraft. Briefe und Documente. Стр. 27.

[2]) Balan. Monumenta Reformationis Lutheranae. Стр. 214.

[3]) Kraft. Briefe und Documente. Стр. 23.

сти, былъ вполнѣ законенъ надъ человѣкомъ, не желавшимъ отречься отъ своихъ заблужденій, то тогда въ кружкѣ гуманистовъ опять стали возмущаться [1]). Возмущался еще Гуттенъ, который писалъ цѣлый рядъ инвективъ—во-первыхъ, противъ Алеандра, во-вторыхъ, противъ Караччіоли, потомъ вообще противъ всѣхъ епископовъ въ Вормсѣ; наконецъ Гуттеномъ было написано два посланія Карлу V [2]).

Едва ли Карлъ прочелъ эти посланія. Онъ вообще мало обращалъ вниманія на мнѣніе германскаго народа. Онъ на все смотрѣлъ съ точки зрѣнія своей международной политики. Относительно первыхъ лѣтъ царствованія Карла V существуетъ мнѣніе, что Карлъ V правилъ совершенно не самостоятельно и что его именемъ правили другіе. Баумгартенъ прямо говоритъ, что властителемъ тогда былъ Шьевръ, а что Карлъ V рѣшительно ничего не значилъ. Это не совсѣмъ правильно: Scheurl, который поѣхалъ изъ Германіи поздравлять Карла V съ избраніемъ на престолъ, прямо говоритъ, что, кромѣ Шьевра, на Карла V имѣлъ вляніе еще и Адріанъ [3]). Вормскій эдиктъ былъ изданъ безспорно съ вѣдома самого Карла. Scheurl говоритъ, что Вормскій эдиктъ былъ изданъ подъ вліяніемъ папской партіи. [4]) Шьевръ никогда не принадлежалъ къ папской партіи. Да и кромѣ того, въ это время онъ ужъ, кажется, былъ боленъ. Слѣдовательно, Карлъ V вовсе не находился подъ однимъ какимъ-нибудь вліяніемъ въ началѣ своего царствованія: онъ выслушивалъ и хитроумные совѣты испанскаго посланника при римскомъ дворѣ Маунуэля, и наивныя, простыя мнѣнія какого-нибудь Глапіона. Карлъ V выбиралъ между ними то, что ему болѣе подходило, а разъ онъ выбиралъ, мы не можемъ отрицать въ немъ извѣстной дѣятельности. Вообще совѣтники и министры говорятъ часто за властителя, но подымать вопросъ о томъ, гдѣ кончается совѣтникъ и начинается государь, право, не стоитъ: никогда не нужно забывать, что государь одобря-

---

1) Ibid. Стр. 29.
2) Strauss. Ulrich Hutten. Стр. 432.
3) Scheurl. Briefbuch. Т. II. Стр. 108.
4) Ibid. Стр. 129.

етъ дѣйствія совѣтника; а разъ онъ ихъ не одобритъ, то вѣдь онъ можетъ прогнать совѣтника во всякое время.

Впрочемъ, чтобъ судить объ отношеніи Карла V къ Лутеру, мы имѣемъ драгоцѣнный матеріалъ—это именно донесенія Алеандра, находящіяся въ собраніи документовъ Балана[1]). И въ данномъ случаѣ мы видимъ, что Карлъ своими воззрѣніями очень сильно отличался отъ своихъ непосредственныхъ совѣтниковъ. Вечеромъ, 7 марта, Алеандръ разговаривалъ съ Шьевромъ. „Заботьтесь только о томъ, чтобъ папа относился къ намъ хорошо,—тогда мы исполнимъ его желаніе", говорилъ Шьевръ. Изъ этого разговора легатъ понялъ, что совѣтники Карла V хотятъ воспользоваться Лутеромъ, чтобъ добиться отъ папы содѣйствія во внѣшней политикѣ. За однимъ обѣдомъ онъ узналъ, что среди приближенныхъ Карла думали, что папа стоитъ на сторонѣ французовъ. Одинъ изъ большихъ сановниковъ Карла сказалъ, что посланникъ императора во Франціи извѣстилъ объ этомъ Карла[2]). Въ отвѣтъ на это, Алеандръ пробовалъ было оправдаться, но не успѣшно: ему было прямо отвѣчено, что папа склоняется къ Франціи и что, хотя императоръ исполнитъ свою обязанность, но все-таки его не нужно особенно раздражать, преимущественно какими-нибудь тайными кознями,—иначе онъ можетъ и не наказать Лутера.

Изъ этого мы видимъ, какъ смотрѣли на Лутера въ кругу приближенныхъ Карла. Самъ же Карлъ смотрѣлъ все-таки иначе: онъ прямо заявилъ, что папа имѣетъ въ немъ самаго послушнаго сына, и пусть только папа не обижаетъ его. 18 февраля Алеандръ пишетъ относительно членовъ рейхстага: „Императорское Величество хорошо направлено и постоянно; таковы должны были бы быть и другіе". 16 марта Алеандръ пишетъ: „Я не знаю, кто стоитъ за насъ, кромѣ императора" [3]). 18 апрѣля появился Лутеръ въ Вормскомъ рейхстагѣ. Карлъ уже 19 Апрѣля составилъ, или велѣлъ

[1]) Вообще донесенія папскихъ нунціевъ представляютъ чрезвычайно богатый и интересный матеріалъ для исторіи Европейскихъ государствъ. См. статью проф. Любовича—„Историческое Обозрѣніе". Т. VI. Стр. 88—96.

[2]) Balan. Monumenta Reformationis Lutheranae. Стр. 200.

[3]) Это мѣсто приведено и у Egelhaaf'a: Analekten zur Geschichte. Стр. 271.

составить, тотъ проектъ Вормскаго эдикта, о которомъ мы уже упоминали. Вообще Алеандръ не можетъ нахвалиться Карломъ V: по его мнѣнію, онъ выказываетъ умъ болѣе чѣмъ человѣческій.

Изъ донесеній Алеандра видно, кто такой былъ Лутеръ въ глазахъ Карла. Для Карла V Лутеръ былъ только бунтующимъ монахомъ, не признающимъ того, что всѣ признавали, оскорбляющимъ основы религіи. Его можно и даже должно было раздавить, какъ вредное животное. И въ сущности, даже непонятно, зачѣмъ Карлъ V призвалъ Лутера въ Вормсъ. Очевидно, онъ это сдѣлалъ подъ вліяніемъ убѣжденій Фридриха Мудраго. Въ своихъ комментаріяхъ[1]) Карлъ V разсказываетъ про это время въ такихъ выраженіяхъ, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ: Il tint sa première diète à Worms. Ce fut la première fois qu'il se rendit en Allemagne et sur le Rhin. Dans ce temps commencèrent à pilluler les hérésies de Luther en Allemagne et les communidades en Espagne [2]). Это очень характерныя слова: они указываютъ на то, что Карлъ V смотрѣлъ на реформаціонное движеніе, какъ на чисто революціонное. И смѣшны кажутся запоздалые совѣты нѣмецкихъ историковъ, говорящихъ о томъ, что Карлъ V долженъ былъ стать во главѣ реформаціи. Карлъ V былъ король испанцевъ, плохо говорилъ по-нѣмецки: гдѣ же ему было понять Лутера.

Но не нужно смѣшивать реформаціоннаго движенія, протестантизма, кальвинизма, съ движеніемъ, клонящимся къ

---

[1]) Вопросъ относительно комментарій Карла V еще совершенно не изслѣдованъ. Въ нихъ видно очень сильное вліяніе комментарій Цезаря. Kervyn de Lettenhove нашелъ португальскій переводъ и издалъ его французское переложеніе. Оригиналъ былъ написанъ по-испански (Allgemeine deutsche Biographie, статья Мауренбрехера, стр. 203). Мы позволимъ себѣ предупредить противъ пользованія нѣмецкимъ переводомъ этихъ комментарій, составленнымъ Варнкёнигомъ: послѣдній очень странно понимаетъ обязанности переводчика и вставляетъ иногда мѣста, въ оригиналѣ не имѣющіяся. Lettenhove разсказываетъ въ введеніи объ отреченіи Карла V. Переводчикъ вдругъ вставляетъ въ текстъ: „durch Gallait's, Pinsel verewigten“. Lettenhove и не думалъ говорить о Gallait. Очевидно, Варнкёнигъ поклонникъ этого художника. Все это, конечно, мелочи, но это свидѣтельствуетъ объ общей небрежности перевода.

[2]) Commentaires de Charles-Quint. Стр. 13. Изданіе Kervyn de Lettenhove.

удаленію и освобожденію католицизма отъ вредныхъ наростовъ. И среди приближенныхъ Карла существовала мысль объ исправленіи церкви. Главнымъ представителемъ этой мысли былъ духовникъ Карла, Глапіонъ. Глапіонъ считалъ необходимымъ, чтобъ клиръ былъ болѣе нравственъ, болѣе достоинъ своихъ высокихъ обязанностей, чѣмъ онъ являлся на самомъ дѣлѣ. Для этого духовникъ Карла вошелъ въ сношенія съ князьями и со старымъ кружкомъ гуманистовъ, въ особенности съ Эразмомъ. Эразмъ самъ говоритъ о своемъ вліяніи на Глапіона. Глапіонъ хотѣлъ воспользоваться Лутеромъ, заставить его отказаться отъ той части своихъ мнѣній, которая касалась догмы римскаго католицизма; остальное, касающееся исправленія духовенства и прочихъ предметовъ, Лутеръ могъ оставить неприкосновеннымъ. Глапіонъ старался изо всѣхъ силъ достигнуть своего, обращался къ Фридриху Мудрому и открылъ ему свои мысли[1]). Глапіонъ одобрялъ протестъ Лутера противъ индульгенцій, но возмущался его книгой „О Вавилонскомъ плѣненіи папъ“ [2]). Глапіонъ старался какъ можно болѣе смягчить мнѣнія, высказанныя Лутеромъ: онъ старался примирить его съ католицизмомъ, а не проклинать его. Такого же приблизительно мнѣнія были и нѣкоторыя другія испанскія духовныя лица, такъ, напр., Francisco de los Angelos, провинціалъ францисканскаго ордена, проѣзжая во время Вормскаго сейма черезъ Базель, высказывалъ одобренія сочиненіямъ Лутера.

Очевидно, среди приближенныхъ императора рѣшительно никто ие понималъ значенія Лутера: одни считали его еретикомъ, котораго нужно уничтожить, какъ всякаго нераскаяннаго грѣшника, другіе считали возможнымъ исправленіе Лутера, считали возможнымъ вернуть еще заблудшую овцу въ лоно католической церкви. Но, въ сущности, эта средняя партія наивныхъ испанскихъ богослововъ имѣла вообще очень незначительное вліяніе. Нельзя не согласиться съ Эгельхаафомъ, что Мауренбрехеръ въ своей исторіи католической реформаціи ужъ слишкомъ преувели-

---

[1]) Maurenbrecher. Studien und Skizzen. Стр. 258.

[2]) Maurenbrecher. Geschichte der Katholischen Reformation. Стр. 187.

чиваетъ значеніе этой партіи[1]). Да и партія эта скоро распалась, и Глапіонъ сталъ ужъ равностнымъ приверженцемъ папской религіозной политики. Не нужно смѣшивать, повторяю, желаніе очистить церковь отъ злоупотребленій съ реформаціей. Почти всѣ католики желали очищенія церкви. Реформаціи въ догматическомъ отношеніи желали лишь очень немногіе.

Утверждаю еще разъ — жизнь человѣческая мутна и неясна: она состоитъ не изъ одного, а изъ нѣсколькихъ потоковъ. И во всякомъ движеніи есть и свои Патроклы, и свои Терситы. Противъ Лутера былъ и Адріанъ Утрехтскій, былъ и Алеандръ. Я совершенно понимаю тѣ яростныя выходки противъ папскаго легата, которыя раздавались тогда. Религія — для всякаго человѣка святое и чистое дѣло. Алеандръ же въ дѣло религіи ввелъ скверные и грязные разсчеты: онъ пользовался всѣми средствами, чтобы склонить на свою сторону, чтобы возбудить противъ Лутера, и такимъ образомъ, насколько возможно правильнѣе, исполнить порученіе святѣйшаго отца; онъ раздаетъ обѣщанія направо и налѣво и обѣщаетъ все, чего кто ни пожелаетъ. Одному служащему при императорской капеллѣ онъ обѣщаетъ достать протонотаріатъ „per bullam"; сынъ императорскаго привратника, который еще не достигъ нужнаго возраста, чтобы быть священникомъ, долженъ былъ получить, согласно обѣщанію Алеандра, диспенсъ для разрѣшенія сдѣлаться священникомъ, но за это онъ долженъ отречься отъ своихъ мнѣній, такъ какъ онъ вначалѣ высказывалъ себя врагомъ Рима. Всѣхъ старается легатъ запутать въ свои сѣти: какого-то несчастнаго императорскаго секретаря Шпигеля, и того думаетъ легатъ залучить на сторону папы. Шпигель вначалѣ какъ-то былъ знакомъ съ Лутеромъ, потомъ женился и впалъ въ бѣдность. И этому-то несчастному Алеандръ, большой римскій сановникъ, представитель церкви на Вормскомъ рейхстагѣ, предлагаетъ сто гульденовъ, для того чтобъ тотъ сообщалъ ему, что узнаетъ о Лутерѣ, т. е., по-просту говоря, дѣлаетъ изъ него шпіона.

---

[1]) Egelhaaf. Deutsche Geschichte. Стр. 303.

Такъ иногда большія и важныя дѣла окружены цѣлымъ созвѣздіемъ мелкихъ и ничтожныхъ поступковъ: эти мелкіе, ничтожные людскіе поступки имѣютъ иногда очень большое значеніе. И какой-нибудь Шпигель со своими ста гульденами можетъ испортить и принести вредъ многому хорошему, честному и великому. Впрочемъ, въ данномъ случаѣ всѣ замыслы и махинаціи Алеандра не вели собственно ни къ чему.

Карлъ V былъ ревностный католикъ и, какъ католикъ, онъ долженъ былъ высказаться противъ Лутера. Вормскій эдиктъ былъ составленъ Алеандромъ, но былъ составленъ такъ, какъ того хотѣлъ Карлъ. Въ этомъ эдиктѣ, если прочесть весь его текстъ, видно, какъ смотрѣли на Лутера: Лутеръ былъ еретикъ, его нужно было презирать и казнить. Алеандръ радовался этому эдикту. Онъ цитировалъ стихи Овидія:

„Dicite io paean! Aio, bis dicite paean!
„Decidit in casses praeda petita meos!“

и считалъ, что реформація кончена. Когда князья выслушали съ большимъ вниманіемъ чтеніе этого эдикта, то началъ говорить курфюрстъ Іоахимъ и объявилъ, что всѣ князья согласны съ эдиктомъ. Этого эдикта желали даже за-границей: Эмануэль Португальскій написалъ письмо архіепископу Кёльнскому, въ которомъ онъ убѣждалъ архіепископа употребить все свое вліявіе къ тому, чтобы еретикъ былъ наказанъ [1]); Генрихъ VIII поступилъ точно также и 20 мая 1521 года написалъ письмо архіепископу Майнцскому, въ которомъ говорилось объ уничтоженіи ереси Лутера [2]).

Является вопросъ, какъ отнеслась къ эдикту Германія. Мы уже говорили объ этомъ: главное волненіе было среди гуманистовъ. Гуттенъ объявилъ въ письмѣ къ Пиркгеймеру, что онъ стыдится своего отечества; но не нужно забывать, что Гуттенъ былъ вовсе не вся Германія, и ужъ во всякомъ случаѣ, не весь католическій міръ. Лутеръ скрылся подъ именемъ юнкера Георга; объ немъ никто не

---

1) Balan. Monumenta Reformationis Lutheranae. Стр. 190—192.

2) Ibid. Стр. 229.

слышалъ, но его мнѣнія и мысли стали бродить по Германіи, и явилась идея, которую въ сущности первый высказалъ Лутеръ, — что всѣ равны въ дѣлѣ вѣры и вѣра одинакова для всѣхъ, т. е. явилось убѣжденіе, что всѣ компетентны въ дѣлахъ религіи. И, въ концѣ концовъ, произошли Виттенбергскіе безпорядки, послужившіе началомъ реформаціи. До Виттенбергскихъ безпорядковъ не было лутеранства, какъ особой формы религіи[1]). До этихъ поръ всѣ были католиками.

Изображать католицизмъ совершенно упавшимъ въ началѣ XVI вѣка вовсе не научно: стоитъ только лишь слегка ознакомиться съ тою народною литературой, которая поднялась противъ Лутера послѣ 1521 года, чтобы понять, что нельзя отрицать извѣстной симпатіи къ католицизму даже въ толпѣ, даже среди крестьянъ. Протестантскіе историки обыкновенно обходятъ этотъ фактъ молчаніемъ, или, по возможности, стараются смягчить его. Бецольдъ говоритъ, напримѣръ, что между противниками Лутера въ народной литературѣ не было ни одного съ чистымъ характеромъ[2]). Но въ сущности эта оговорка не имѣетъ рѣшительно никакого значенія. Намъ нѣтъ дѣла до авторовъ памфлетовъ, но дѣло въ томъ, что памфлеты противъ Лутера читались, и читались въ массѣ населенія.

Это приниженіе значенія католической религіи въ XVI вѣкѣ, которое свойственно всѣмъ протестантскимъ историкамъ во первыхъ результатъ религіозныхъ симпатій, во вторыхъ—вліяніе Ранке. Веселыя русскіе господа, брянчащіе дружбой съ Сибомомъ и горделиво объявляющіе, что школа Ранке умерла и не возродится, представить себѣ не могутъ, какой популярностью пользуются мнѣнія Ранке въ Германіи. Я увѣренъ, что самый закорузлый нѣмецкій провинціальный учитель, берущій взятки крупой и сахарными головами, и тотъ знакомъ съ главнѣйшими сочиненіями Ранке... А между тѣмъ, что можетъ быть безграмотнѣй нѣмецкаго (въ особенности прусскаго) учителя! Я уже не говорю о безчисленныхъ бывшихъ слушателяхъ Ранке, которые на второмъ

---

[1]) См. Карѣевъ. Исторія Западной Европы. Т. II. Стр. 65.

[2]) Bezold. Geschichte der Reformation. Стр. 358.

словѣ начинаютъ разсказываютъ анекдоты изъ жизни великаго историка, о томъ, какъ невнятно онъ читалъ и пр. и пр. Мнѣ кажется, что неправильности въ изображеніи исторіи Вормскаго рейхстага, неправильности, о которыхъ мы говорили,—результатъ вліянія Ранке. Право, нельзя не сознаться, что великій основатель нѣмецкой исторической науки черезчуръ ужъ приподымаетъ то значеніе, которое имѣлъ тогда Лутеръ. Вотъ какъ, напримѣръ, описываетъ Ранке то впечатлѣніе, которое произвелъ Лутеръ на германскихъ князей: „Испытанные воины радовались его неустрашимости, Георгъ Фрундсбергъ потрепалъ одобрительно его по плечу, когда онъ входилъ въ рейхстагъ, старый Эрихъ Брауншвейгскій, среди хлопотъ рейхстага, послалъ Лутеру серебряную кружку съ пивомъ; когда Лутеръ выходилъ изъ собранія, то кто-то слышалъ голосъ, который прославлялъ мать такого человѣка. Осторожный и обдуманный Фридрихъ былъ доволенъ своимъ профессоромъ: „О,—сказалъ Фридрихъ Спалатину вечеромъ въ своей спальнѣ.—Какъ хорошо говорилъ докторъ Мартинъ передъ императоромъ и государствомъ!“ [1]) Мнѣ кажется, что эти факты слишкомъ мелки, чтобы придавать имъ какое-либо значеніе.

Что же касается до Янссена, то онъ черезчуръ подчеркиваетъ ту общую неурядицу, которую вызывала собой реформація. Мнѣ кажется, что на Вормскомъ сеймѣ реформація играла лишь второстепенную роль, а что безпорядки являлись результатомъ плохого государственнаго устройства. Правда, Сикингенъ угрожалъ рейхстагу и могъ, еслибъ захотѣлъ, причинить его членамъ много непріятностей. Но ничего серьезнаго произвести онъ, конечно, не могъ. Янссенъ, напримѣръ, пишетъ:„ Страшное волненіе овладѣло умами, всюду носился слухъ, что будетъ нанесенъ ударъ духовенству и что рыцари завладѣютъ духовными имуществами.“ [2]) Я не знаю, на основаніи чего думаетъ такъ Янссенъ: сноски у него не поставлено. Вообще же у Янссена

---

1) Ranke. Deutsche Geschichte. T. I. Стр. 337.

2) Janssen. Geschichte des deutschen Volks. T. I. Стр. 163.

является очень сильнымъ вліяніе Гуттена. Въ другомъ мѣстѣ, о которомъ мы уже говорили во введеніи, Янссенъ изображаетъ Гуттена маленькимъ и ничтожнымъ человѣкомъ. Теперь, желая подчеркнуть тотъ безпорядокъ, который ввела въ Германію реформація, католическій писатель раздуваетъ значеніе Гуттена и придаетъ фактическое значеніе тѣмъ угрозамъ, которыя дѣлалъ въ пылу раздраженія этотъ писатель. И все это дѣлается для того, чтобъ доказать, что Лутеръ былъ революціонеромъ и стремился все ниспровергнуть [1]).

Многое, что въ историческихъ сочиненіяхъ велико и значительно, на самомъ дѣлѣ гораздо меньше и ничтожнѣе. Я думаю, Карлъ V сейчасъ же и позабылъ о Лутерѣ, какъ только кончился рейхстагъ, и когда огни въ Вормсѣ погасли, гирлянды, перекинутыя черезъ улицы, были сняты и курфюрсты разъѣхались по домамъ, прекратились и тѣ безпорядки въ Вормсѣ, которые такъ напугали Янссена. Карлъ V уѣхалъ и все свое вниманіе посвятилъ внѣшней политикѣ. Къ изложенію внѣшнихъ политическихъ фактовъ изъ царствованія Карла V мы и перейдемъ теперь.

---

[1]) Janssen. Geschichte des deutschen Volks. T. II. Стр. 176.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Мнѣ теперь приходится уходить въ холодную, каменистую область внѣшней политики: это ужасно скучная область! Для васъ, читатель, и для меня, чѣмъ скорѣе пробѣжать ее, тѣмъ лучше. Но совсѣмъ ужъ обойти ее молчаніемъ я не могъ, потому что она составляетъ чрезвычайно важный элементъ въ дѣятельности Карла V. Дѣло въ томъ, что въ началѣ XVI вѣка предъ Карломъ V стояли, въ сущности, двѣ задачи: борьба съ турками и война съ Франціей. О войнѣ съ турками упоминалось въ каждомъ оффиціальномъ актѣ, о ней до надоѣдливости всѣ говорили, и она на самомъ дѣлѣ, можетъ быть, и была необходима. Но война съ Франціей была гораздо необходимѣе. Янссенъ говоритъ, что началъ войну Францискъ; другіе историки говорятъ, что начата была война Карломъ. Мнѣ кажется, что это все равно: война даже для современниковъ Карла казалась неизбѣжной. Правда, Кудрявцевъ называетъ войну съ французами „ненужной войной“, но можно сказать, что борьба съ Франціей и тогда не была бы ненужной, еслибы дѣло шло только объ обладаніи Верхнею Италіей и о короновaніи въ Римѣ. „Французскія владѣнія“, сознается самъ Кудрявцевъ, „отдѣляли Карла отъ Неаполя и нарушали цѣлость и связь его владѣній въ Германіи и Италіи“. А коронованіе вовсе не было такимъ пустымъ удовлетвореніемъ тщеславія, какимъ характеризуетъ его Кудрявцевъ. Не будучи императоромъ Священной Римской имперіи, Карлъ не могъ укрѣпить власть своего дома, не могъ облечь Фердинанда достоинствомъ римскаго короля. Во всемъ этомъ Карлъ старался только о своей личной пользѣ. Покоривъ Верхнюю Италію, онъ присо-

единилъ ее къ своимъ владѣніямъ, несмотря на протестъ германскихъ князей, требовавшихъ возвращенія, по крайней мѣрѣ, Милана и Генуи, какъ старинныхъ ленныхъ владѣній имперіи. Кромѣ обладанія Италіей [1]) были и другія причины къ войнѣ съ Франціей: во-первыхъ, споры за Бургундію, Наварру; во-вторыхъ, враждебныя дѣйствія самого Франциска, который въ Германіи поддерживалъ мятежныхъ князей, въ Испаніи помогалъ возмутившимся общинамъ и самымъ рѣшительнымъ образомъ стремился къ покоренію Неаполя и Сициліи. „Причина войны", говоритъ Ранке, „лежитъ болѣе въ совокупности отношеній Карла, нежели въ потребности государства".

Война началась весною 1521 года. Робертъ Маркскій ворвался въ Люксембургскую провинцію и осадилъ городъ Виретонъ. Около этого же времени, немного спустя, Леспарръ съ гасконцами вторгся черезъ Пиренеи. Лишенная защиты Наварра сдалась почти вся цѣликомъ. Карлъ былъ на Вормскомъ сеймѣ, когда узналъ про нападеніе на Люксембургъ. Онъ послалъ графа Нассаускаго и Сикингена противъ Роберта. Намѣстники императора въ Испаніи собрали войско, побѣдили Леспарра и вторглись во Францію. Францискъ I, узнавъ объ этомъ, принялъ необходимыя мѣры, чтобы защититься отъ нападеній съ двухъ фланговъ. Три арміи были мобилизированы. Было очевидно, что война, и большая, серьезная война, должна возгорѣться между обоими властителями. Самыя главныя силы французовъ были собраны у Шампани и Пикардіи, чтобы бороться съ императорскими войсками. Генрихъ VIII вмѣшался въ эту исторію и хотѣлъ, чтобъ его выбрали посредникомъ. Произошли скучные и ни для кого не нужные переговоры

[1]) Я всегда удивляюсь, чего молчало населеніе Италіи, когда его перебрасывали изъ рукъ въ руки и всегда прихожу въ изумленіе, какъ плохо изображено въ наукѣ состояніе Италіи въ началѣ XVI вѣка. Я буду говорить объ этомъ потомъ, характеризуя католическую реакцію. До сихъ поръ напр. еще не установлено процвѣталъ или умиралъ католицизмъ въ итальянскомъ народѣ того времени. См. очень интересную статью Muntz'a. Le sentiment religieux en Italie pendant le XVI siecle. Revue Historique. 1893 г. Septembre—Octobre.

въ Кале, гдѣ опять упоминалось о вѣчномъ мирѣ, о справедливости, о борьбѣ съ невѣрными и о прочихъ вещахъ, которымъ, въ сущности, никто не вѣрилъ.

Карлъ V былъ политикъ и политикъ XVI вѣка: нужно было, по тогдашней модѣ, заключать побольше союзовъ, и 25 августа 1521 года КарлъV заключилъ союзъ съ ГенрихомъVIII. Когда просматриваешь текстъ этого договора, то невольно удивляешься: какъ слѣпо умные и ученые люди вѣрили такимъ вещамъ, которыя каждому невѣжественному человѣку должны были казаться неисполнимыми. Къ чему и зачѣмъ писался этотъ трактатъ, къ чему тратилось столько денегъ на поѣздки пословъ, къ чему исписывалось столько бумаги? Вѣдь въ собраніи Ланца (Monumenta Habsburgica) трактатъ этотъ занимаетъ 23 страницы мелкой печати! Дѣло шло о женитьбѣ Карла V на Маріи англійской, которую чуть ли не еще недавно отняли отъ груди. Я думаю, серьезно этому никто не вѣрилъ, а между тѣмъ, шли переговоры о томъ, что нужно сдѣлать тогда, когда Маріи исполнится двѣнадцать лѣтъ, и назначено было мѣсто для бракосочетанія. Только ради этого брачнаго договора и вступаютъ императоръ и Генрихъ въ союзъ, и должны вмѣстѣ помогать пріобрѣтенію вновь того, что у нихъ отнято. Если на кого-нибудь изъ нихъ нападутъ, то другой долженъ защищать потерпѣвшаго. Военныя же дѣйствія должны были начаться въ 1523 году. И все это писалось тогда, когда уже война была въ полномъ разгарѣ, лилася кровь и раздавались пушечные выстрѣлы. Не правда ли, какъ все это странно и непонятно?

Главныя силы французовъ сосредоточивались на сѣверной границѣ. Францискъ I былъ при этомъ войскѣ самъ лично. Войско это направилось къ Мезіеру, который былъ осажденъ войсками Сикингена и графа Нассаускаго. При приближеніи французовъ, войска императора оставили осаду этого города и стали отступать. Францискъ I могъ бы нанести, можетъ быть, пораженіе войскамъ императора, которыя были слабѣе его. Но онъ боялся это сдѣлать. Если бы на сѣверной границѣ, дѣло дошло до рѣшительныхъ столкновеній, то центръ военныхъ дѣйствій сосредоточился-бы въ этихъ мѣстахъ. Теперь война должна была произойти на поляхъ Италіи.

Испанцы Карла V были лучшимъ войскомъ въ Европѣ. Чтобы имѣть равные шансы съ Карломъ, Франциску нужно было имѣть такихъ же солдатъ. Испанцамъ равны были лишь одни швейцарцы. Въ концѣ апрѣля, 12 кантоновъ высказались за французовъ, и уже 16 іюля 6000 швейцарцевъ ждали приказаній Франциска. За Карла же стояли папа и Ломбардскіе патріоты. Неаполитанскіе и папскіе корабли съ 2000 испанцевъ направились въ Генуя съ намѣреніемъ отнять ее у французовъ и установить тамъ республику. Затѣмъ папа посылаетъ Колонну съ небольшимъ войскомъ въ Болонью, но такъ какъ войска императора еще не сошлись въ Италію, то всѣ эти попытки и остались тщетными. Наконецъ, появляется Антоніо де-Лейва съ первымъ отрядомъ испанцевъ, затѣмъ маркграфъ Мантуанскій и маркизъ Пескарра съ главной массой войска. Скоро потомъ къ нимъ присоединяются и ландскнехты, завербованные для Карла V въ Германіи. Начинается осада Пармы, но она идетъ неудачно, и войска почему-то отступаютъ. Но и дѣла французовъ были тоже въ плохомъ состояніи: сѣверная армія Карла вторгается во Францію и завладѣваетъ Музономъ.

Въ сущности, война того времени—какая-то вялая и непонятная на нашъ взглядъ война: дѣло въ томъ, что она ведется преимущественно деньгами; войска всѣ сплошь нанятыя, и они грозятся, въ случаѣ, если имъ хоть немного задержатъ жалованье, бросить все и уйти; ландскнехты и швейцарцы постоянно волнуются и грозятся перейти къ непріятелю, потому что ни у Карла, ни у Франциска никогда нѣтъ денегъ. При такомъ веденіи войны, нужно было стремиться къ сраженію во что бы то ни стало, нужно было быть храбрымъ, рѣшительнымъ военачальникомъ. Ожидать благопріятнаго времени, искать удобнаго для нападенія мѣста рѣшительно было невозможно. Лотрекъ былъ человѣкъ очень нерѣшительный и страшно тянулъ время, ища удобнаго случая для нападенія; подъ конецъ отъ него ушли швейцарцы, которымъ задержали жалованье, и онъ явился, такимъ образомъ, съ гораздо слабѣйшимъ войскомъ. Онъ сталъ отступать, а войско императора и папы стало занимать города. 19 ноября, вечеромъ, императорскія войска появились передъ

предмѣстьемъ Милана. Въ одну ночь они завладѣли городомъ. Французамъ принадлежала въ Миланѣ только одна цитадель, которую взять было чрезвычайно трудно. Лотрекъ оставилъ въ ней гарнизонъ и самъ удалился.

Побѣду Карла въ Италіи рѣшило, безспорно, то обстоятельство, что отъ Лотрека ушли швейцарцы, а часть швейцарцевъ, до тѣхъ поръ бывшая нейтральной, примкнула къ папѣ и императору, и вслѣдствіе этого въ руки союзниковъ перешелъ Миланъ, а за нимъ и другіе города, Лоди, Павія, Парма и Піаченца. Меня всегда удивляетъ относительно XVI вѣка это значеніе сравнительно ничтожныхъ и непредвидѣнныхъ событій: какъ, казалось, все строго обдумано, всякая мелочь принята во вниманіе,—и вдругъ, швейцарцы сердятся на то, что имъ задерживаютъ жалованье, и уходятъ, и вся сила французовъ подламывается въ одно мгновеніе. То же самое и теперь, въ данномъ случаѣ, когда восторжествовали императорскія войска: умираетъ вдругъ главный союзникъ императора, папа Левъ X, и умираетъ 46 лѣтъ отъ роду, въ полной силѣ, отъ неизвѣстной болѣзни. Майнцскій посолъ Тетелебенъ писалъ архіепископу Альбрехту, что папу отравили [1]). Въ сущности — Левъ X былъ очень маленькій и безцвѣтный человѣкъ, придавленный тяжелой папской тіарой; если онъ и кажется блестящимъ, то это потому лишь, какъ справедливо замѣчаетъ Грегоровіусъ [2]), что онъ отражаетъ образованіе Ренесанса [3]). Право, его не стоитъ ни бранить, какъ гдѣ-то бранитъ г. Михайловъ, ни хвалить, какъ хвалитъ г. Кирпичниковъ [4]).

---

[1]) Kraft. Briefe und Documente der Zeit der Reformation. Стр. 31—32. Донесенія Майнцскаго посла нигдѣ почему-то не цитируются при изложеніи итальянскихъ событій того времени, а между тѣмъ, они представляютъ очень большой интересъ. Конечно, Гвичардини, Іовій и др.— очень хорошіе источники для этого времени, но они уже приводились и приводятся, а о Майнцскомъ послѣ рѣшительно никто не знаетъ. Право, молодые ученые что-то очень лѣнивы!

[2]) Gregorovius. Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. T. VIII. Стр. 267.

[3]) А между тѣмъ, этотъ маленькій и меленькій человѣкъ все-таки думалъ о борьбѣ съ турками и даже склонялъ принять въ ней участіе и Россію и Польшу; см. Pierling—Leon X et Vasili III—Revue des Questions Historiques. T. XXVII.

[4]) „Русская Мысль“. 1883 г. Кн. VII. Стр. 151.

Итакъ, Левъ X умеръ. Нужно было выбирать другого папу. Карлъ V употребилъ всѣ свои усилія, чтобы былъ выбранъ тотъ папа, который помогалъ бы и поддерживалъ бы его въ итальянскихъ дѣлахъ. Карлу V было необходимо, во что бы то ни стало, быть въ дружбѣ съ Генрихомъ Англійскимъ: у Карла денегъ не было, и онъ думалъ просить у Генриха взаймы; а разъ онъ хотѣлъ быть въ дружбѣ съ Генрихомъ, ему нужно было, во что бы то ни стало, привлечь къ себѣ Вольсея. А между тѣмъ, Вольсей задумалъ самъ сдѣлаться папой, и Карлу V приходилось увѣрять Генриха и Вольсея, что онъ все дѣлаетъ для избранія послѣдняго въ папы. Но между тѣмъ, избрать Вольсея въ папы было рѣшительно невозможно, да и при томъ, Вольсей вовсе не былъ бы тѣмъ папой, котораго желалъ Карлъ. Настоящій кандидатъ Карла былъ кардиналъ Медичи. Хуану Мануэлю, посланнику въ Римѣ, посылались постоянно приказанія относительно выбора Медичи, а въ это же самое время испанскому посланнику въ Лондонѣ постоянно посылались приказанія увѣрить кардинала Вольсея въ томъ, что все дѣлается для исполненія желанія послѣдняго. [1]). И какъ ни странно, Генрихъ VIII и Вольсей вѣрили Карлу. Генрихъ VIII рѣшилъ послать чрезвычайнаго посланника на конклавъ и выбралъ для этого Richard Pace [2]). Вольсей обѣщалъ, съ своей стороны, Карлу сдѣлать все, что ему угодно [3]). Richard Pace явился къ Карлу V, и Карлъ прямо пишетъ кардиналу Вольсею, что онъ можетъ быть покоенъ, что употреблены всѣ средства для его избранія [4]).

Но въ это-то время вдругъ, неожиданно для всего католическаго міра на конклавѣ проснулось чистое, хорошее чувство среди кардиналовъ, проснулось желаніе позаботиться и подумать о церкви. Кто-то предложилъ выбрать воспитателя Карла, стараго Адріана Утрехтскаго. Это былъ человѣкъ, который сторонился всѣхъ политическихъ интригъ въ дѣлѣ религіи. Про него ходила очень хорошая молва;

---

[1]) Lanz. Monumenta Habsburgica. Стр. 501.

[2]) Ibid. Стр. 506.

[3]) Ibid. Стр. 523.

[4]) Ibid. Стр. 527.

говорили, что онъ человѣкъ вѣрующій и ведетъ благочестивую жизнь, а вѣдь это такая рѣдкость у большихъ церковныхъ сановниковъ XVI вѣка. Странно и невзначай предложилъ кто-то Адріана, и вдругъ оказалось, что онъ уже имѣетъ за собою узаконенныя двѣ трети голосовъ, а Адріана въ Римѣ даже и по имени мало кто зналъ... Адріанъ былъ непохожъ на прежнихъ папъ; онъ былъ сынъ корабельнаго столяра и родился 2 марта 1459 г. въ Утрехтѣ. Какъ стипендіатъ, занимался онъ въ Лёвенѣ и, наконецъ, какъ-то привлекъ къ себѣ вниманіе Маргариты. Онъ получилъ каноникатъ въ Лёвенѣ и, подымаясь отъ одной должности къ другой, выдаваясь своею скромностью, благочестіемъ и тихимъ нравомъ, достигъ званія вице-канцлера мѣстнаго университета. Маргарита сдѣлала его воспитателемъ Карла. Вскорѣ потомъ Адріанъ былъ посланъ въ Испанію, гдѣ онъ тоже неслышно и смирно дѣлалъ большое и отвѣтственное дѣло. Весь Римъ возмутился узнавъ о выборѣ, сдѣланномъ кардиналами. „Roma est locanda", писалось на стѣнахъ, сами кардиналы боялись показаться толпѣ и объясняли все наитіемъ Св. Духа. Радовались только одни приверженцы императора, и радовались потому, что думали, что Адріанъ будетъ помогать императору въ его итальянской политикѣ. Радовался, впрочемъ, и самъ императоръ.

Карлъ узналъ въ Брюсселѣ объ избраніи своего воспитателя и рѣшилъ сейчасъ-же отправить посла съ поздравленіемъ Адріану. „Вы посѣтите Его Святѣйшество", говорилось въ инструкціи Лопе Хуртаду, „и засвидѣтельствуете ему то сильное удовольствіе, которое мы испытали вслѣдствіе того, что рука Господня привела къ выбору Его Святѣйшества въ пастыри христіанской церкви... Его Святѣйшество связано съ нами тѣмъ, что происходитъ изъ того же народа, тѣмъ, что воспитывало и образовывало насъ съ нашего дѣтства" и т. д. и т. д. [1]) Посланный Карла V прибылъ 12 февраля въ Витторію (въ провинціи Алава) [2]). Адріанъ уже зналъ о своемъ избраніи и хотя уже съ самаго начала возникли нѣ-

---

[1]) Gachard. Correspondance de Charles-Quint et d'Adrien VI. Стр. XIX.

[2]) Ibid. Стр. 31.

которыя недоразумѣнія [1]), но Карлу всетаки новый папа былъ очень признателенъ. „Я буду", писалъ Адріанъ, „всюду, гдѣ бы я ни былъ, заботиться о томъ, чтобы ваши дѣла имѣли успѣхъ, какъ того вообще требуетъ католическая религія и служеніе Богу" [2]). Эта оговорка показываетъ, что вообще Адріанъ желалъ быть самостоятельнымъ.

Вскорѣ потомъ обнаружилось, что Карлъ сдѣлалъ, въ сущности, очень мало для избранія Адріана въ папы. Но Карлъ, 7 марта 1522 года, не смущаясь, написалъ Адріану собственноручное письмо [3]), въ которомъ говорилось о томъ, что, благодаря Карлу, Адріанъ получилъ папское достоинство. Адріанъ отвѣтилъ на это письмо Карла довольно-таки рѣзко и опредѣленно. Я думаю, изъ этого письма Карлъ ясно увидалъ, что Адріанъ вовсе не будетъ его послушнымъ орудіемъ въ итальянской политикѣ. „Я очень радъ, что не выбранъ благодаря Вамъ, изъ за того, что мнѣ теперь можно будетъ поступать честнѣе и откровеннѣе", пишетъ новый папа императору. Вообще Адріанъ дѣйствуетъ въ данномъ случаѣ бо̀льшимъ бариномъ, чѣмъ Карлъ, который все старается извиниться. „Мы, въ сущности, не придаемъ всему этому значенія", пишетъ Адріанъ, „такъ какъ предпочитали бы не имѣть этой обязанности на своихъ плечахъ" [4]). Между Адріаномъ и Карломъ начинаютъ быть холодныя, оффиціальныя отношенія, прикрытыя, правда, красивой пеленой любезныхъ словъ и пожеланій. Когда Карлъ сталъ просить Адріана о возобновленіи договора, который былъ у императора съ Львомъ X, то Адріанъ все-таки сумѣлъ отказаться отъ него, хотя и въ очень любезной формѣ.

Въ Италіи, между тѣмъ, все еще продолжалась война. Все дѣло опять сосредоточивалось на томъ, куда перейдутъ швейцарцы, и швейцарцы стали опять на сторонѣ Франціи. Въ Монцѣ Лотрекъ соединился со швейцарцами, и 5 марта направилось все громадное французское войско къ Милану, передъ которымъ оно и появилось 6-го. Но здѣсь занятію

---

1) Ibid Стр. XXI.

2) Gachard. Correspondance de Charles-Quint et d'Adrien. Стр. 26.

3) Lanz. Correspondenz Karls V. T. I. Стр. 59.

4) Gachard. Correspondance de Charles-Quint et d'Adrien. Стр. 74.

Милана стало мѣшать много обстоятельствъ. Швейцарцы начинаютъ понемногу колебаться и начинаютъ требовать жалованья и сраженія; денегъ не достаетъ, пропитаніе въ маленькихъ итальянскихъ городкахъ доставать очень неудобно. Лотрекъ сталъ осаждать Павію, но Колонна смѣло вышелъ изъ Милана и поставилъ его между Павіей и своимъ собственнымъ войскомъ. Лотрекъ долженъ былъ отступить и отступалъ все время, пока, наконецъ, не принужденъ былъ дать сраженіе при Бикоккѣ. Швейцарцы бросились неудержимо на императорскихъ ландскнехтовъ, но были въ концѣ концовъ смяты. Императоръ остался побѣдителемъ, но преслѣдовать французовъ войска не согласились, такъ какъ имъ не уплатили жалованья. Когда имъ, наконецъ, уплатили, они согласились идти дальше,—Кремона и Генуя были ими взяты.

А Адріанъ, сѣвъ на папскій престолъ, началъ думать о великомъ и славномъ дѣлѣ—объ изгнаніи невѣрныхъ изъ Европы. Но его мечты были искренни, а не ограничивались одними восклицаніями въ договорахъ. Это былъ, пожалуй, единственный, кто сталъ думать и хлопотать о человѣчествѣ. Для всего этого, прежде всего, долженъ былъ быть миръ между христіанскими владѣтелями, и вотъ между папой и императоромъ начинаются переговоры, посредствомъ которыхъ императоръ думаетъ привлечь на свою сторону папу, а папа думаетъ убѣдить Карла примириться съ Францискомъ и направить всѣ свои силы противъ невѣрныхъ. „Я умоляю Ваше Величество", пишетъ папа, „выказать себя расположеннымъ къ миру"[1]. Съ этимъ же предложеніемъ вѣчнаго мира въ христіанствѣ Адріанъ обращается рѣшительно ко всѣмъ, къ кому только можетъ: и къ Генриху Англійскому, и къ Французскому королю. А между тѣмъ, что, въ сущности, получаетъ онъ въ отвѣтъ? Карлъ V говоритъ, что онъ заключилъ союзъ съ Генрихомъ VIII и поэтому не можетъ заключить мира, но замѣчаетъ къ концу, что если Францискъ сдѣлаетъ уступки, то онъ, пожалуй, согласится. На одно письмо, къ несчастью, до насъ не дошедшее, Адріанъ отвѣтилъ Карлу V чрезвычайно интереснымъ письмомъ. „Et pour

[1]) Gachard. Correspondance de Charles-Quint et d'Adrien. Стр. 52.

venir à la response de vosdictes lettres", пишетъ этотъ добрый, хорошій папа, „nous persuadans qu'avons esgale amytié a nostre fils le roy de France que à Vostre Majesté, si ce n'est pour que, puis nostre élection, avons procuré et procurons diligemment de faire paiz ou respit de trèves entre vous aultres princes chrestiens: ce que faisons pour le comun profit de toute la chrestienté, affin que par ce moyen puissons obvier aux entreprises de Grand Turc, ennemy de nostre foy, lequel, par occasion des guerres estans entre vous, les principaux chiefs de la chrestienté, se a donné vigueur et courage de invader le royaume de Hongrie et l'isle de Rhodes [1]). И въ другихъ письмахъ Адріанъ тоже упоминаетъ о туркахъ и о той опасности, которой подвергаются Венгрія и Родосъ [2]), а между тѣмъ, Карлъ V, въ отвѣтъ на это, говоритъ только о томъ, чтобъ Адріанъ сталъ въ итальянскихъ дѣлахъ на его сторону. Впрочемъ, въ другихъ письмахъ Карлъ V очень сожалѣетъ о Родосѣ и говоритъ много гулкихъ фразъ [3]) и въ это же время входитъ въ союзъ съ Генрихомъ противъ Франциска.

Я не знаю, но мнѣ отъ души жаль Адріана. Онъ находился, какъ очень вѣрно говоритъ Хёфлеръ „между нѣмецкимъ государствомъ, которое было подобно бурному океану, который то и дѣло волновали яростные вихри, и холодной, какъ ледъ, политикой испанскаго двора, который медленно, но вѣрно, шагъ за шагомъ, шелъ впередъ, вырывая изъ-подъ ногъ папы почву" [4]). Дѣйствительно, въ сущности, то было очень интересное время. Князья спорили другъ съ другомъ, а турки все надвигались и надвигались. Нельзя изображать турокъ какой-то дикой, стихійной силой, какъ это дѣлается иногда (недостатокъ, который свойственъ даже Цинкейзену). Сулейманъ зналъ, что дѣлалъ, и употреблялъ всѣ средства для достиженія своихъ цѣлей. Всюду, по всей Европѣ, были разсыпаны агенты турокъ; самъ канцлеръ ордена Іоаннитовъ Андрей де-

---

[1]) Gachard. Correspondance de Charles-Quint et d'Adrien. Стр. 125—126.
[2]) Ibid. Стр. 139.
[3]) Lanz. Correspondenz Karls V. T. I. Стр. 66.
[4]) Höfler. Der deutsche Kaiser und der letzte deutsche Papst. Стр. 18.

мераль былъ на службѣ у турецкаго султана. Венгрію разрывали на части враждебныя партіи, въ Германіи шло лютеранское неустройство; для завоеванія всей Европы, о которомъ мечталъ Сулейманъ, было самое благопріятное время. Но вотъ, наконецъ, 20 декабря 1522 года палъ и Родосъ.

Адріанъ былъ страшно убитъ этой катастрофой, что видно изъ его писемъ къ Катаринѣ Аррагонской, Генриху и Вольсею. Европа должна погибнуть, по мнѣнію Адріана; только миръ, одинъ миръ можетъ спасти ее; а о мирѣ, между тѣмъ, никто не думаетъ: всѣ стремятся лишь къ одному, чтобы урвать побольше земли у сосѣда, чтобы повыгоднѣе заключить трактатъ. Папа пишетъ письмо Франциску о мирѣ; послѣдній отвѣчаетъ, что не можетъ исполнить желанія папы. Но папа на этомъ не останавливается: онъ пишетъ королю Португальскому, герцогу Альбанскому. Вновь появляется идея всеобщаго конгресса князей въ Римѣ. Папа предлагаетъ употребить церковныя имущества для борьбы противъ турокъ, а императоръ, между тѣмъ, все ведетъ свои нескончаемые споры. Въ концѣ концовъ, папа теряетъ терпѣніе и заявляетъ Карлу, что, если онъ не прекратитъ своихъ пререканій, то онъ можетъ быть изгнанъ изъ своихъ наслѣдственныхъ земель. А Франдискъ въ это время намѣревается еще сдѣлать нападеніе. Наконецъ, Карлъ V соглашается на перемиріе, но выговариваетъ себѣ очень выгодныя условія.

Бѣдный, бѣдный папа,—даже среди его ближайшихъ приближенныхъ не было человѣка, который сколько-нибудь искренно заботился бы о благахъ христіанскаго міра: Кардиналъ Вольтерра, самое приближенное къ папѣ лицо, затѣялъ заговоръ въ Сициліи противъ Карла; герцогъ Сесскій перехватилъ его письмо. Но папа все надѣется: 30 апрѣля послѣдовало торжественное приглашеніе ко всѣмъ христіанскимъ князьямъ на трехлѣтнее перемиріе. Карлъ злился, убѣждалъ Адріана, но послѣдній былъ стоекъ и заботился лишь объ одномъ—о мирѣ среди христіанъ. Но Карлу помогъ самъ Франдискъ: узнавъ объ арестѣ кардинала Вольтерры, онъ написалъ чрезвычайно грубое письмо папѣ и задержалъ его нунція, Барскаго архіепископа, и добрый папа, наконецъ, разсердился. Послѣдовалъ открытый разрывъ между нимъ

и Францискомъ. Папу стали осаждать послы Генриха и Карла, убѣждая его войти съ ними въ лигу. Папа не сдавался. Пріѣхалъ Карлъ Ланнуа, вице-король Неаполя, убѣждать папу. Благодаря этимъ убѣжденіямъ, а также грубостямъ Франциска, папа примкнулъ, наконецъ, къ союзу противъ Французскаго короля. На сторонѣ императора были теперь всѣ преимущества.

Какъ-то теперь трудно представить себѣ папу Адріана VI заботящимся о войнѣ и интересующимся битвами и сраженіями. Военныя дѣйствія, въ сущности, не прекращались. Генрихъ VIII, вскорѣ послѣ битвы при Бикоккѣ, сталъ открыто на сторону Карла. Теперь на сторонѣ Карла были почти всѣ союзники: папа, Флоренція, Сіенна, Венеція, Генуя, Сфорца, Фердинандъ, Генрихъ VIII. Въ сущности, папа вошелъ лишь въ оборонительный союзъ. Для того, чтобы достигнуть своей цѣли, Карлу необходимо было вести наступательную политику, и поэтому императоръ убѣждаетъ вице-короля Неаполя и герцога Сесскаго всячески возстановлять папу противъ Франциска и стремиться къ тому, чтобъ тотъ перешелъ въ наступательный союзъ. Но къ этому времени, когда, кажется, Карлъ уже могъ достигнуть всего того, чего онъ такъ долго добивался, Адріанъ начинаетъ слабѣть, ужъ болѣетъ по цѣлымъ днямъ, и опять, благодаря случайнымъ, глупымъ обстоятельствамъ, рушатся и дѣлаются тщетными хитроумные планы императора. 4 августа Адріанъ служилъ обѣдню на Эсквилинскомъ холмѣ, затѣмъ онъ торжественно объявилъ о своемъ союзѣ съ императоромъ и королемъ англійскимъ и отправился на виллу Меллини. Тамъ онъ почувствовалъ приступъ лихорадки. На это сначала не обратили вниманія, но папа ужъ не вставалъ болѣе съ постели. 14 сентября 1523 г., въ 1 ч. вечера, папа умеръ, а въ это же время, французскія войска, вновь набранныя Францискомъ, спускались въ Италію.

Положеніе Франциска было, въ самомъ дѣлѣ, очень опасно: 34.000 угрожали ему со стороны Пиренеевъ; Англія и Маргарита собрали 21.500 человѣкъ, которые должны были напасть съ сѣвера; 10.000 ландскнехтовъ стояли на востокѣ. Францискъ I проявилъ при этомъ необычайную

энергію; ему нужны были деньги, и онъ стремился достать ихъ отовсюду, откуда могъ: занялъ довольно большую сумму въ Парижскомъ Hôtel-de-Ville, отчуждалъ то, что было собственностью короны, бралъ золото и серебро изъ церквей, создавалъ новыя должности, и, насколько возможно, выгоднѣе продавалъ ихъ. На западѣ войско стояло подъ начальствомъ адмирала Бонниве, въ Гаскони былъ Лотрекъ, въ Лангедокѣ—Лескеннъ. Но тутъ произошло обстоятельство, которое вновь могло перевернуть всѣ расчеты,—это именно измѣна герцога Бурбона.

Герцогъ Бурбонъ носилъ званіе коннетабля, былъ богатъ и имѣлъ много владѣній во Франціи. Францискъ обидѣлъ его: началъ противъ него пристрастный процессъ. Коннетабль Бурбонъ былъ очень могущественъ: онъ былъ родственникъ короля. С.-Муленъ былъ его столицей, мѣстомъ его празднествъ и населенъ былъ богатыми благородными рыцарями. Родословное дерево Бурбона было очень велико и родство многочисленно; вокругъ него группировались канцлеры, капелланы, сенешалы и конюшіе, какъ при дворѣ Фонтенбло, Парижскомъ и Амбуазскомъ, съ пажами, лакеями, и блестящими празднествами. „Этотъ блескъ возбуждалъ въ королѣ французскомъ, вѣчно стѣсненномъ въ денежныхъ дѣлахъ и принужденномъ то и дѣло заключать займы у генуэзцевъ, венеціанцевъ и французскихъ и англійскихъ ростовщиковъ, нѣкоторую зависть“, говоритъ Капефигъ [1]. Этого-то коннетабля и обидѣлъ Францискъ.

Бурбонъ обѣщалъ сопровождать короля въ Италію, а между тѣмъ, вошелъ въ переговоры съ Генрихомъ и императоромъ. Хотя весь заговоръ Бурбона по возможности сохранялся въ строгой тайнѣ, но вѣсть объ немъ все-таки распространилась, и коннетабль принужденъ былъ тайкомъ убѣжать, чтобъ не быть схваченнымъ. Все, что онъ подготовлялъ, не особенно торопясь и постоянно осматриваясь кругомъ, все это рушилось сразу. „Его замыслы были открыты, хитрости потерпѣли неудачу, всѣ планы стали невозможны“, говоритъ Минье [2]. Въ это время, по раньше условленному плану,

[1]) Capefigue. François I et la Renaissance. T. II. Стр. 243.

[2]) Mignet. Rivalité de Charles-Quint et de François I. Стр. 411.

войска коалиціи должны были аттаковать Францію на многихъ пунктахъ. Просперъ Колонна, который командовалъ въ Италіи императорской арміей, получилъ отъ Карла V приказаніе проникнуть въ Провансъ. На сѣверо-восточной границѣ нападеніе ужъ началось со стороны англичанъ и фламандцевъ. 10.000 ландскнехтовъ, подъ предводительствомъ Фюрстенберга и Верденберга, готовы были вторгнуться во Францію. На югѣ испанцы уже переходили Пиренеи, съ приказаніемъ напасть на Байонну.

Дѣла Франциска, какъ казалось, были въ критическомъ положеніи: имъ была послана большая часть войскъ въ Италію, чтобъ завладѣть Миланомъ, и въ Шотландію, чтобы оттуда безпокоить Генриха. Между тѣмъ, сама Франція осталась совершенно беззащитною: еслибы враги отправились прямо на Парижъ, то ничто не помѣшало бы имъ завладѣть этимъ городомъ. Но тутъ произошло одно обстоятельство, которое показываетъ, что населеніе Франціи стояло за своего короля. Герцогъ Вандомскій и Шабо де-Бріонъ сумѣли наэлектризовать населеніе, и купцы и ремесленники встали за короля. Кромѣ того, произошелъ и среди враговъ Франціи цѣлый рядъ недоразумѣній: англо-фламандское войско не продолжало своего движенія къ Парижу и хотѣло прежде соединиться съ ландскнехтами; но ландскнехты, которые должны были ждать Карла Бурбона, двинулись сами во Францію и были встрѣчены довольно сильнымъ отрядомъ; они не могли, кромѣ того, доставать себѣ пропитаніе, такъ какъ у нихъ было мало лошадей, и принуждены были отступить назадъ. Лишенное поддержки 10,000 ладскнехтовъ, англо-фламандское войско не рѣшалось идти дальше. Кромѣ того, у Маргариты не оставалось болѣе денегъ. Вся армія отступила назадъ. Испанская же армія, которая, по условію, должна была нападать на югъ Франціи,—эта армія тоже не имѣла успѣха. Неуспѣхъ происходилъ отъ того, что у Карла V не было достаточно средствъ. Такъ кончилась эта военная компанія, отцвѣтши, не успѣвъ разцвѣсть, которая должна была бы совершенно раздавить Франциска, и снова весь центръ тяжести военныхъ дѣйствій былъ перенесенъ въ Италію.

Мы уже говорили о войскѣ, которое послалъ Францискъ

подъ предводительствомъ адмирала Бонниве. Придя въ Пьемонтъ, оно явилось 14 сентября на берегахъ Тессино. Императорскія войска вначалѣ думали не пускать на другой берегъ Тессино французовъ, но потомъ должны были уступить. Колонна и Сфорца, командовавшіе императорскими войсками заперлись въ Миланѣ, Бонниве сталъ съ своимъ войскомъ осаждать городъ. Въ Миланѣ не было хлѣба, венеціанцы не помогали, другіе союзники тоже не держали своихъ обѣщаній. Въ это время умеръ Адріанъ. Все вниманіе было устремлено теперь на выборъ новаго папы. И Карлъ, и Францискъ начали проводить каждый своего кандидата. Вольсей опять заявилъ свои притязанія, Карлъ V опять дѣлалъ видъ, что старается о его избраніи, но самъ употреблялъ всѣ мѣры, чтобы былъ избранъ кардиналъ Медичи. Два цѣлыхъ мѣсяца конклавъ не могъ придти къ опредѣленному рѣшенію. Только въ ночь съ 17 на 18 ноября стало ясно, что выборъ падетъ на кардинала Медичи. Вечеромъ 18-го произошелъ выборъ, и 19-го кандидатъ императора, кардиналъ Медичи, сталъ папой подъ именемъ Климента VII.

Сейчасъ же, какъ только папа былъ избранъ, къ нему обратился императорскій посолъ съ требованіемъ вступить въ лигу, въ которой былъ Адріанъ. Климентъ согласился, такъ какъ былъ обязанъ императору своимъ избраніемъ. „Папа", пишетъ въ это время герцогъ Сесскій, „очень сдержанъ, нерѣшителенъ и мало на что рѣшается одинъ. Онъ любитъ деньги и предпочитаетъ тѣхъ людей, которые умѣютъ доставать ихъ; онъ любитъ императора, но кокетничаетъ съ Францискомъ [1])". Въ это время настала зима. Ужъ Бонниве принужденъ былъ освободить Миланъ. Со стороны Испаніи значительная армія вновь напала на Францію. Казалось, положеніе Франциска стало опять безвыходно... Но въ XVI вѣкѣ побѣды не рѣшали войны: все дѣло заключалось въ томъ, можетъ или не можетъ властитель выдержать войну въ денежномъ отношеніи. Императоръ напрягъ всѣ свои усилія, чтобъ собрать побольше войска, и когда войско было собрано, одержалъ верхъ надъ непріятелемъ, но затѣмъ денегъ опять не стало, и нельзя было воспользоваться своей побѣдой.

[1]) Grethen. Die politischen Beziehungen Clemens' VII zu Karl V. Стр 30.

Вообще нужно замѣтить, что Карлъ V — этотъ мечтатель, этотъ рыцарь — думаетъ только о томъ, какъ бы достать побольше денегъ: онъ продаетъ ренты и боится, какъ бы не потерять кредита у купцовъ [1]. Карлъ V постоянно въ долгу еще съ тѣхъ поръ, какъ его выбирали императоромъ. Дѣло въ томъ, что доходы, которые имѣлъ съ своихъ владѣній Карлъ V, были очень незначительны [2]. Императоръ иногда находился прямо въ критическомъ положеніи. „L'argent est le nerf et force de la guerre, et sans lequel lon ne peult faire ny entretenir armees ny exercites [3]), пишетъ, напр., императоръ своему брату Фердинанду. Но не на одну войну, повторяю, нужны были деньги Карлу: ему нужно было удовлетворить нѣмецкихъ князей, заплатить имъ за свое избраніе. Всѣ требовали денегъ и ничего не хотѣли дѣлать, если имъ не будетъ заплачено. „Chacun crye, et se lamentent et ne veullent plus rien faire ou seruir, silz ne sont payez“ [4], пишетъ императоръ вице-королю Ланнуа. Въ особенности безпокоилъ Карла V его долгъ Георгу Саксонскому. Онъ ему хочетъ даже отдать свои наслѣдственныя драгоцѣнности [5].

Всѣ силы, всѣ мысли Карла устремлены на добываніе денегъ. О Лутерѣ и о туркахъ онъ совсѣмъ почти не думаетъ. Правда, онъ называетъ Лутера „hominem post homines natos scelestissimum“ [6] и говоритъ свои вѣчныя слова о вѣчномъ мирѣ и изгнаніи невѣрныхъ, всѣхъ стараясь увѣрить, что его обязанностью является забота объ этомъ вѣчномъ мирѣ и борьбѣ съ невѣрными [7], но все это остается одними словами. Ганаръ, посланный императоромъ въ Германію, доноситъ о томъ, что лутеранская ересь распространяется, что турки замышляютъ все новые и новые планы [8], а Карлъ V все продолжаетъ свою старую политику. Самые даже ближай-

---

1) Lanz. Correspondenz Karls V. T. I. Стр. 70.
2) См. объ этомъ Ranke: Die Osmanen und die Spanische Monarchie.
3) Lanz. Correspondenz Karls V. T. I. Стр. 82.
4) Ibid. Стр. 106.
5) Ibid. Стр. 72.
6) Ibid. Стр. 80.
7) Ibid. Стр. 81.
8) Ibid. Стр. 112.

шіе друзья Карла, напр. пфальцграфъ, и тѣ отступаются отъ него и требуютъ денегъ [1]). Ланнуа умоляетъ Карла или заключить миръ или прислать денегъ, такъ какъ иначе невозможно вести войну [2]), и Карлъ бьется, собираетъ изъ послѣднихъ силъ деньги и ведетъ войну съ Францискомъ, говоря въ то же время о вѣчномъ мирѣ и борьбѣ съ турками.

Мы не придаемъ этимъ заявленіямъ рѣшительно никакого значенія. Мы полагаемъ, что Карлъ, конечно, былъ искреннимъ и вѣрующимъ католикомъ и долженъ былъ ненавидѣть Лутера; но главный смыслъ, главный центръ тяжести его политики въ началѣ царствованія—было расширеніе владѣній, увеличеніе ихъ: такъ всѣ понимали задачи государства въ XVI вѣкѣ. Карлъ V былъ простой, обыкновенный человѣкъ своего времени съ простыми и обыкновенными задачами. Трезво и вяло велъ онъ ту политику, какую всѣ вели тогда... Это была политика договоровъ и завоеваній; но это была слабая, неустойчивая политика... Подъ собой она не имѣла никакой твердой почвы. Нужно было заботиться только о томъ, чтобы имѣть побольше денегъ, для того, чтобы собрать побольше войска и, благодаря этому, остаться побѣдителемъ... Карлъ Пятый и Францискъ ищутъ денегъ—но мало ихъ находятъ. Они, какъ малокровные люди, ужасно быстро слабѣютъ... Самая ничтожная мелочь иногда имѣетъ рѣшающее значеніе: умные старые дипломаты сочиняютъ умные планы, но ни одинъ планъ не удается, и все выходитъ наоборотъ. Бранди называетъ [3]) Карла V близорукимъ. Это неправда: Карлъ былъ даже въ политикѣ скорѣе дальнозорокъ—онъ видѣлъ, что будетъ дальше, но не видѣлъ, что стоитъ передъ нимъ. Эта дальнозоркость—стариковъ, а не юношей. Да и вообще Карлъ V былъ похожъ на старика: въ то время какъ о любовныхъ похожденіяхъ его врага Франциска кричитъ цѣлый свѣтъ,—про Карла никто не говоритъ: только въ одномъ темномъ и мрачномъ домѣ въ Бо-

---

1) Ibid. Стр. 123.
2) Ibid. Стр. 149.
3) Historische Zeitschrift. 1893 г. Кн. IV. Стр. 101.

лоньѣ воспитываются два таинственныхъ ребенка: это двѣ побочныя дочери императора [1]).

Карлъ V отдаетъ приказанія, распоряжается и хлопочетъ, но война идетъ сама по себѣ... До сихъ поръ дѣятельность Карла Пятаго не имѣетъ никакого значенія для исторіи; былъ бы онъ или кто-либо другой, въ сущности, это безразлично. Но тутъ-то происходитъ событіе, выходящее изъ рамокъ повседневной жизни: я говорю о битвѣ при Павіи и о взятіи въ плѣнъ Франциска. Говоря откровенно, съ этого времени начинается его настоящее царствованіе: обо всемъ этомъ мы будемъ уже говорить въ слѣдующихъ главахъ моего очерка. Но писать о Карлѣ V ужасно трудно. Даже полной исторіи его царствованія нѣтъ. Баумгартенъ умеръ 19 іюня 1893 года не окончивъ своего труда. А какъ мечталъ онъ о томъ что ему удастся дать вполнѣ безпристрастное изображеніе жизни великаго императора [2])... „Что людскіе разсчеты", говорилъ старикъ Ранке, „Божье предопредѣленіе смѣется надъ ними"...

---

1) См. Gossart. Deux filles naturelles de Charles V, Thadée et Jeanne.—Revue de Belgique. 1892 г. Кн. XI.

2) См. статью Альфреда Штерна -Die Nation. 1893 г. Кн. 42.

На	стран.	10	строк.	17	св.	напеч.	Eauman	нужно	Eastman
„	„	74	„	6	сн.	„	удолетворяю	„	удовлетворяю
„	„	86	„	1	„	„	стальныхъ	„	остальныхъ
„	„	101	„	14	„	„	Круа-де-Шьеръ	„	Круа-де-Шьевръ
„	„	108	„	10	св.	„	истатели	„	искатели
„	„	135	„	6	сн.	„	унаслѣдоваю	„	унаслѣдовало.